



Д. Мэрфи

Девственная земля

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ



Д. Мэрфи

Девственная земля



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

Derola Murphy
THE WAITING LAND
A SPELL IN NEPAL
London, 1969

Редакционная коллегия
Л. Б. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН,
Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА,
К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Н. А. СИМОНИЯ

Сокращенный перевод с английского
С. С. ЗАМИХОВСКОЙ
Ответственный редактор
Б. А. ИВАНОВ

Мэрфи Д.
М97 Девственная земля. Пер. с англ. С. С. Замиховской. Примеч. и послесл. Б. А. Иванова. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

200 с. («Рассказы о странах Востока»).

Книга написана известной ирландской путешественницей, которая проработала в 1965 г. несколько месяцев в Непале, стране, до 1951 г. закрытой для иностранцев, инструктором Всемирной организации здравоохранения. Пешком и на велосипеде ей удалось побывать в отдаленных уголках королевства. Автор рассказывает о простых людях Непала, о трудностях, стоящих на пути развития страны, о трагической судьбе тибетских беженцев, описывает неповторимую красоту Гималаев.

М $\frac{1905020000-069}{013(02)-82}$ 147-82

91 (И5)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

За те шесть месяцев, которые я провела в Индии среди тибетцев в 1963 году, стало ясно, что многие беженцы¹ не заслужили того ореола мученичества, которым окружили их сентиментальные сборщики пожертвований в Европе или Америке. Чем ближе узнаешь тибетцев, тем большей симпатией к ним проникаешься. Хотя отдельные личности и события разбивают идеализированный образ, но они не могут поколебать чувства уважения к мужеству, мягкости и воспитанности, присущим большинству тибетцев.

В начале 1964 года, еще до моего отъезда из Индии, я решила снова вернуться к тибетцам и захотела сделать это как можно скорее. Однако положение беженцев быстро менялось. К весне 1965 года условия жизни тибетцев настолько улучшились, что необученные добровольцы уже ничем не могли им помочь, а навязывать тибетцам еще одного бесполезного поклонника я не сочла нужным. Вскоре из Непала сообщили, что в долине Покхары организован новый лагерь беженцев. Там пятьсот тибетцев жили семьями в ста двадцати палатках. Помогал им лишь один европеец. Решив, что в такой ситуации я, если даже и не смогу быть особо полезной, то, во всяком случае, не помешаю, 5 апреля 1965 года вылетела из Дублина в Лондон, чтобы подготовиться к поездке в Непал.

К моему разочарованию, перелет проходил без особых приключений. Зато моя любовь к путешествиям разгорелась вновь, особенно на следующий день, когда я отправилась в посольство королевства Непал с просьбой о визе. Там я получила проспект под названием «Путеводитель для туристов, желающих посетить Катманду, столицу Непала» и изданную в Катманду по заказу департамента по туризму брошюру «Кратко о Непале». С трогательной неопределенностью в проспекте говорилось: «Лучшие месяцы для посещения долины Катман-

ду — февраль — апрель и сентябрь — ноябрь. В остальное время года или очень влажно, или очень холодно». Однако брошюра справедливо отмечала, что «и в холодное время яркое солнце и голубое небо делают Непал приятным». Я сразу прониклась теплым чувством к этой стране, изо всех сил старающейся получше преподнести себя капризным туристам. Я наткнулась также на еще более подкупающее заявление: «Биратнагар славится живописной природой и развитой промышленностью. Здесь расположены некоторые крупнейшие промышленные предприятия Непала». Почему-то не верилось, что туристы, которых привлекают промышленные предприятия, для удовлетворения своего интереса отправятся в Непал.

На первой странице брошюры Тибет назван «Тибетским районом Китая»². Это вызвало бы у меня протест, однако достаточно одного взгляда на карту Азии, чтобы понять: Непал — узкая полоса земли, зажата между включенным в состав Китая Тибетом и Индией. Вдоль северной границы страны размещены китайские воинские части, оперативные планы которых — пока тайна.

По мнению некоторых специалистов, Центральные Гималаи — достаточно серьезное препятствие для любой армии. Однако непальское правительство не забыло, как Тибет был покорен менее чем за десять лет, и в настоящее время непальские дипломаты и политики ломают голову, как бы сохранить хорошие отношения и с Востоком и с Западом.

13 апреля я провела два весьма интересных часа на Новогоднем приеме³ в посольстве Непала. Брошюра «Кратко о Непале» сообщала, что «государство было объединено королем Притхви Нараян Шахом Великим в 1769 году». Теперь я начала понимать, что непальская государственность далеко еще не означает наличия единой непальской нации. Даже на светском приеме, обычно сглаживающем резкие различия, вскоре стало ясно, что многие группы, с которыми я беседовала, представляют общество, которое является по существу конгломератом племен и лишь совсем недавно нарядилось в одежды современного государства. Неснократно проскальзывала отчужденность, настороженность одной этнической и религиозной группы к другой. С интересом я сравнивала вкрадчивых, замкнутых Рана и честолюбивых, слегка

высокомерных чхетри с немногословными, но жизнерадостными невысокими гурунгами и бодрыми стройными шерпами, близкими по происхождению тибетцам⁴. Невольно задумываешься, хватит ли времени для слияния всех этих разноликих племен в действительно единую нацию до того, как под влиянием соседних государств или вездесущих американцев отойдут в прошлое древние непальские традиции. При таком слиянии многое, к сожалению, теряется, но, очевидно, только таким образом Непал может надеяться на сохранение своей самобытности.

Полет до Дели вызвал у меня смешанные чувства. Мы вылетели из лондонского аэропорта 21 апреля в 16 часов 15 минут; как всегда монотонность, с которой совершался полет, раздражала меня, а нервное возбуждение не давало заснуть. Пролетая над Эрзурумом и Тебризом, я вспомнила «былые времена», когда путешествовала по этим местам на велосипеде (я назвала его «Роз»), и, конечно, резко ощутила, что лучшие годы позади.

Затем наступил момент необычно прекрасной посадки в Тегеране. На высоте пять миль моторы были внезапно выключены, и мы стали беззвучно скользить в темноте все ниже и ниже. Тишина, гигантское крыло самолета, серебрившееся в лунном свете, создавали сказочную иллюзию полета на каком-то огромном, парящем мотыльке.

Я вышла из самолета и сразу же почувствовала, что попала на Восток: стюардессы все так же путали списки пассажиров и с прелестной неловкостью хозяйничали в своих летающих гнездышках. Если в европейских аэропортах стюардессы напоминают хорошо отлаженные автоматы, которые почти не ошибаются и вряд ли остаются в памяти пассажиров как человеческие существа, то здесь это — краснеющие от волнения и иногда ссорящиеся между собой девушки. Ведь порой оказывается, что пассажиров, направляющихся в Нью-Йорк, чуть было не отправили в Гонконг.

Когда часа через два наш самолет вырулил на взлетную полосу, небо бледнело над горами. Самолет набрал высоту, и под нами над множеством пиков высоко и гордо возвышалась холодная стройная вершина Демавенда — голубой конус на фоне оранжевого облака.

Сразу же за ним раскинулось Каспийское море, плоская металлическая поверхность которого у подножия гор так захватывает воображение.

Нельзя не признать, что временами из окна самолета можно любоваться неповторимыми красотами природы. Под нами проплывали облака, неподвижные и бесцветные, напоминавшие по форме дельфинов, а внизу на равнине, по которой я когда-то пробиралась в Мешхед, виднелись крошечные озера. В лучах восходящего солнца они казались кроваво-красными омутами. Над горизонтом внезапно возник малиновый шар, словно выброшенный невидимой рукой. На мгновение я растерялась и не сразу поняла, что это солнце. Оно поднималось буквально на глазах. Вскоре мы повернули на юг и полетели над скрытой облаками пустыней Деште-Кевир.

В 5 часов 45 минут утра мы приземлились в аэропорту Палам. Отчаянно стараясь сохранить чувство реальности, я не переводила часы с гринвичского времени, но теперь я переставила их на 10 часов 15 минут и, пошатываясь, вышла на яркий солнечный свет. К счастью, день был «прохладный» (всего 18 градусов по Цельсию), но после 7 градусов в Лондоне мне было не так уж холодно.

Сидя в дряхлом автобусе, который, гроыхая и сигнали, мчался по узкой дороге в Нью-Дели, я погрузилась в состояние необыкновенного покоя. Когда мы приближались к центральной площади Коннаут-плейс, пробиваясь как обычно сквозь сутолоку велосипедов с поклажей, степенно шагающих быков, сверкающих лимузинов, пешеходов и моторикш с сикхами за рулем, на меня внезапно снизошло чувство удивительного покоя. Тот, кто попадает в Индию после пребывания в «обществе изобилия», действительно ощущает избавление от какой-то неуловимой, но угрожающей силы. Человек здесь чувствует себя свободным так глубоко, как он не может быть свободным в обществе, которое постоянно навязывает новые потребности и иссушает наслаждение простыми и маленькими радостями.

Я побывала в яслях для детей тибетских беженцев, где раньше работала, и очень обрадовалась, увидев, насколько с тех пор там улучшились условия.

Руководит яслями Джамцо, младшая сестра далай-ламы⁵. Ей удалось превратить их из мрачного рассадни-

ка болезней в образцовые ясли с множеством веселых, розовощеких тибетских детей.

С 1961 года далай-лама живет в строго охраняемом особнячке неподалеку от яслей. Хотя его резиденцию обычно именуют «дворцом», но до дворца ей далеко, что, несомненно, доставляет удовольствие ее обитателю. Правда, беженцы порой огорчаются, видя далай-ламу в условиях, столь далеких от роскоши Поталы⁶.

На следующее утро после моего приезда его святейшество любезно согласился принять меня, и я нашла, что он сильно изменился. Во время первой встречи шестнадцать месяцев назад у меня создалось впечатление, что он был несколько неуверен в себе и недоверчиво относился к иностранцам. Сейчас он казался более спокойным, и наша встреча была не столько аудиенцией, сколько разговором двух людей на волнующую их тему. Мы говорили в основном о положении беженцев, живущих в Непале, политические проблемы которого создавали для них много специфических сложностей.

После двух счастливых дней в Дели я отправилась в Масури. Путешествие заняло шестнадцать часов — автобусом, поездом, автобусом и, наконец, такси вместе с другими пассажирами из Дехрадуна. На окраине города мне встретился Джигме Таринг, тибетский аристократ родом из Сиккима, руководитель тибетской школы, в которой учатся шестьсот мальчиков и девочек. Он предпочитает, чтобы его называли просто «мистер». Когда в прошлый раз я приезжала в Масури, он был в Сиккиме. Теперь, впервые встретившись, мы сразу узнали друг друга и вместе поехали в Счастливую Долину (так справедливо называется центр местной тибетской общины).

Несмотря на свое знатное происхождение, Джигме Сумчан Вангпо Намгьял Таринг — типичный тибетец: простой, мягкий, с большим чувством юмора. Он и миссис Таринг (она руководит фондом жилищного строительства для тибетцев) — одни из немногих тибетских феодалов, которые считают себя ответственными за судьбы тысяч крестьян, находящихся в изгнании. Логичная точка зрения, хотя и не разделяемая богатыми тибетскими эмигрантами.

В Лхасе Таринги жили возле Поталы, и во время обстрела дворца в марте 1959 года их дом был частично разрушен. Рассказ Тарингов, очевидцев восстания в

Лхасе, заинтересовал меня: недавно я прочитала книгу супругов Джелдеров «Своевременный дождь» и у меня создалось впечатление правдоподобности утверждения, будто Потала не подвергалась сильному обстрелу. Однако мистер Таринг перед отъездом из столицы заснял обстрел на киноплёнку. Как спокойно заметила миссис Таринг, он рисковал жизнью, понимая, как это важно для разоблачения китайской пропаганды и для истории.

После отъезда его святейшества из летнего дворца 17 марта мистер Таринг два дня оставался в столице, чтобы убедить китайцев в присутствии далай-ламы в городе. Затем Таринг отправился пешком к границе с сопровождающим (сейчас он служит у него поваром). Миссис Таринг также удалось спастись. Однако прошли месяцы, прежде чем супруги узнали о судьбе друг друга.

Нужно отметить что Таринги без колебания последовали в изгнание за далай-ламой. Они даже не пытались взять с собой своих детей и внуков. Впервые услышав их историю два года назад, я в глубине души была несколько поражена «дезертирством», поскольку большинство европейцев в такой ситуации остались бы рядом со своими близкими. Нужно побеседовать несколько часов с Тарингами, чтобы понять, что для них его святейшество — самый дорогой и близкий не как личность, а как живое воплощение Ченрези⁷. Таким образом, жертвовать интересами семьи ради него было для них формой религиозного мученичества. Оба они знали, что в изгнании ему понадобится помощь тех немногочисленных тибетцев, которые получили европейское образование, но при этом сохранили глубокую веру.

Удивительно, что у тибетских буддистов отсутствует враждебное отношение к китайцам. И хотя в рассказах Тарингов о прошлом все-таки проступала горечь, в них не чувствовалось ни малейшего намека на ненависть или гнев. Им было также неприятно проявление подобного рода чувств со стороны более экспансивных европейцев, таких, например, как я. Мне же трудно было удержаться от резких слов. Умение большинства тибетцев отделить зло от его носителей, которым они страдают как жертвам зла, заставило меня остро почувствовать незрелость тех, кто, как и мы, поддается низменным чувствам.

ДОРОГА В РАКСАУЛ

*29 апреля 1965 г. Музаффарпур, вокзал,
23 часа 30 минут.*

Я сижу на вокзале, в женской комнате отдыха, и изнемогаю от духоты. Вокруг лежат женщины. Одни расположились прямо на полу или на тюках с постелью, другие устроились на старых продавленных диванах. Две женщины свернулись калачиком на столе, прикрыв лицо краем сари. В настоящий момент ощущаю только одно — я в комнате отдыха какого-то вокзала и вынуждена смириться с неудобствами и душевной усталостью. Судя по тому, что написано на доске объявлений, я в Музаффарпуре, но с таким же успехом могу поверить, что это Уотерфорд или Милан.

Двадцатидевятичасовое путешествие в поезде из Дехрадуна, быстрое по местным понятиям, но самое длительное в моей жизни, было сущим наказанием за мои грехи. В стоимость билета (один фунт восемь шиллингов и четыре пенса) за проезд до Непала входило место на дощатой полке, на которой я проспала довольно спокойно последнюю ночь. Однако к утру поднялся порывистый ветер, гнавший столбы пыли по бесконечно сухой серо-желтой равнине. Эта дьявольская пытка продолжалась до захода солнца. Видимость не превышала сотни ярдов. Горячее небо потемнело от пыли. Грязная маска из пыли и пота покрывала мое лицо. Все утро я просидела в полузабытьи. «Вот настоящие лишения», — думала я. Ведь по сравнению с этим путешествие по Индии на велосипеде — пустяк.

Однако худшее было впереди. В Лакхнау я пересела на другой поезд и оказалась в восьмиместном купе вместе с семнадцатью солдатами-гуркхами⁸, направлявшимися домой на побывку. У них было так много багажа, что сначала мне казалось: они физически не смогут

поместиться в купе. Но недаром гуркхов так часто награждали за отвагу: храбро презрев возможность нашей общей гибели от удушья задолго до конца путешествия, они все протиснулись в купе. Сначала они несколько растерялись при виде растрепанной дамы в углу, но тут же пришли к выводу, что лучше всего не обращать на нее никакого внимания. Вскоре я оказалась на девять десятых погребенной под горой тюков с постелями, вещевых мешков, плетеных корзин и жестяных сундуков. Сверху на «пирамиду» взгромоздились два низкорослых быстрых гурунга. Они ловко втиснулись в щель между самым верхним сундуком и крышей вагона и тут же стали играть в кости и курить. Время от времени они бросали мне на голову окурки. Не сомневаюсь, гуркхи — прекрасные люди, но на этот раз я не смогла отдать им должное.

Вскоре мне повезло. Когда поезд остановился на узловой станции, я с большим трудом, вызвав нечто вроде землетрясения и нарушив покой гуркхов и сундуков, выбралась из вагона через окно. Мне необходимо было узнать, где делать пересадку. Я заковыляла по платформе (из-за неудобной позы у меня онемели ноги и руки), озираясь по сторонам и ища глазами кого-нибудь из железнодорожников, способных дать ответ на мой вопрос. Побеседовав с тремя служащими, которые ясно дали понять, что им абсолютно безразлично, куда я попаду — в Калькутту или Катманду, я вдруг увидела на платформе возле вагонов первого класса англичанку и радостно кинулась к ней. Она заверила меня, что до Музаффарпура пересадку делать не надо. Мы разговорились. Узнав, что она возвращается в Дхаран, я спросила:

— Вы знаете бригадного генерала Пули? У меня к нему рекомендательное письмо.

— Еще бы, я его жена! — ответила англичанка.

Через минуту появился сам генерал. После весьма уместного разговора о том, как тесен мир, супруги Пули любезно пригласили меня продолжить путешествие вместе с ними в кондиционированном вагоне. Кажется, я исцелилась, хотя, может быть, и не навсегда, от любви к путешествиям без удобств. Я чуть не кинулась обнимать своих благодетелей.

Сейчас 1 час 45 минут, а поезд в Раксаул, город на

непальской границе, отправится не раньше 6 часов утра. Я не сплю, боюсь проспать.

30 апреля. Раксаул, вокзал, 21 час 00 минут.

Это столь высокопарно названное помещение — несомненно, память о времени появления первых железных дорог в Индии — оборудовано двумя койками, душем с теплой водой и неработающим феном. Но, несмотря на эту роскошь, я теперь навсегда возненавидела все, что даже отдаленно связано с железной дорогой.

Сегодняшнее стомильное путешествие по узкоколейке заняло восемь мучительных часов. Старый паровоз чуть не разваливался на части: останавливался у каждой деревни, чтобы, собравшись с силами, вновь двинуться со скоростью пешехода до следующей деревни. А тут еще произошло несчастье — под колеса попал юноша. Но это мрачное происшествие задержало нас всего на десять-пятнадцать минут. Полицейские не появились; возможно, их и нет в столь отдаленных деревнях, и создалось впечатление, что такое событие не считалось особо серьезным. Мой сосед-непалец сказал, что это было, очевидно, самоубийство — из-за семейных или денежных неурядиц люди часто бросаются под поезд. Мне такое предположение показалось правдоподобным — наш паровоз с его черепашей скоростью вряд ли мог кого-либо застать врасплох.

Утром на платформе в Музаффарпуре я встретила ирландского юношу по имени Нил. Он пробирается в Катманду с молодым швейцарцем Жаном и американкой Лу. Совершая кругосветное авиапутешествие, девушка заехала в Индию. Молодые люди уговорили ее испробовать «настоящую» жизнь и отправиться в Непал наземными видами транспорта, хотя она и предвидела, что ничего хорошего из этого не получится. Теперь она доказывала им свою правоту, и, хотя взаимные упреки были излишни, ее нельзя было не понять.

Раксаул — грязный, беспорядочно застроенный перенаселенный пограничный городок. По улицам бродит скот. Это городок с большими претензиями — через него идет весь автотранспорт в Катманду, — но до международного центра ему еще далеко. Когда я пришла на почту, в темный деревянный барак, и сказала, что собираюсь отправить первую часть дневника в Ирландию,

моя просьба вызвала необыкновенное замешательство. Оказывается, прием почты заканчивается в четыре часа дня, а было уже около шести. Тем не менее, когда я, запинаясь, объяснила, что хочу воспользоваться индийской почтой, а не непальской, старший клерк согласился сделать для меня исключение. Затем служащим пришлось немало поломать голову над вопросом, где находится Ирландия, и над еще более сложной проблемой — сколько стоит отправить бандероль в столь отдаленное место. В общей сложности человек семь потратили на меня минут двадцать. Они копались в толстых засиженных мухами томах, взвешивали и перевешивали бандероль на старинных весах сомнительной точности, до бесконечности считали и пересчитывали почтовые тарифы на грязных клочках бумаги и, наконец, тщательно скопировали адрес в трех графах квитанции. Однако почерк у меня настолько неразборчив, что даже образованные европейцы часто не могут понять, что я написала. Может, бандероль и дойдет до берегов Ирландии, но у меня на этот счет большие сомнения.

1 мая, Катманду.

Протянувшееся километров на двести шоссе имени Трибхувана, названное так в честь отца короля Махендры, было построено индийскими инженерами в пятидесятых годах. В настоящее время в Непале это — единственная достроенная шоссе́нная дорога⁹. Правда, китайцы строят дорогу от Катманду до Лхасы, которая должна стать одним из шедевров мирового дорожного строительства. Из-за узости Трибхуван Раджпатха (хотя, возможно, этот дефект стратегически оправдан) водители избегают лобовых столкновений простым, но страшным способом — срываются в пропасть: ведь искусству вождения грузовиков в Непале всего лишь девять лет. Несомненно, следующее поколение должно будет признать, что злоупотребление ракши¹⁰ также не способствует благополучному преодолению крутых поворотов, которых приходится по шесть на милю.

Если учесть репутацию Раджпатха, то становится понятным, почему водителям грузовиков запрещено перевозить иностранцев. Высокий процент смертности среди гостей неблагоприятен для развития туризма, поэтому теоретически все иностранцы должны пользо-

ваться автобусом почтенного возраста, отправляющимся из Раксаула ежедневно в шесть утра. Но проезд автобусом стоит шестнадцать рупий, в то время как водители грузовиков берут восемь. Поэтому многие путешественники беспечно нарушают запрет. К счастью, пограничники также не обращают на него внимания, а возможно, просто не знают о его существовании, что весьма типично для этой удивительной страны.

В шесть утра мы покинули здание вокзала, прошли две мили и оказались у границы. Следующие три часа мы обивали пороги полуразвалившихся зданий таможи, полицейского участка и паспортного контроля, где вежливые, но совершенно некомпетентные чиновники угощали нас бесчисленными чашками чая. Создавалось впечатление, что обилие бюрократических формальностей — своего рода игра, поскольку ни один из чиновников явно не понимал своих функций и поэтому не мог принимать их всерьез. Все это выглядело как отражение стремления Непала идти в ногу со временем после веков изоляции, и в ходе бесконечного чаепития внесенный извне дремучий формализм сам собой превращался в исконно непальскую уступчивость и пренебрежение ко всякого рода формальностям.

Непальцы успешно спасаются от вечного цейтнота — они игнорируют фактор времени. Мы проводили время в бесконечном ожидании: чашек чая, которые несли с базара на подносах, ключей, которые полицейский забыл дома, починки резинового штампея (в конечном счете он был заменен ручкой): скучали, пока чиновник паспортного контроля найдет Ирландию, в существовании которой он серьезно сомневался. В затрепанном атласе, из которого нужные страницы были давным-давно вырваны; ждали старшего таможенника, страдавшего по-видимому, дизентерией и вынужденного время от времени удаляться и прерывать тщательный досмотр нашего багажа.

При этом я наслаждалась передышкой и воспринимала всю процедуру как нечто совершенно неизбежное, хотя и понимала, что, если сталкиваться с подобной медлительностью часто, она будет сильно раздражать. К сожалению, мои спутники реагировали на эти проволочки весьма бурно, и, к замешательству непальцев, ни беседа, ни чай даже частично не помогали возместить

«потерянное» время. Мне было очень неудобно за Лу, которая сильно раздражалась. Жан держался высокомерно, а Нил все время сварливым тоном отдавал какие-то приказания. Однако их поведение не оказывало ни малейшего воздействия на непальцев. Возможно, скоро и я в подобных обстоятельствах буду вести себя столь же некрасиво.

Когда, наконец, с формальностями было покончено, мы прошли пешком еще около мили и оказались в гордке Биргандж. Там после продолжительных препирательств между шоферами мы влезли в кузов почти пустого грузовика.

Солнце уже нещадно палило, и не было возможности скрыться от его обжигающих лучей. Так мы проехали миль двадцать. Эта часть тераев¹¹ была изуродована строительством железной дороги и шоссе, и поскольку ни справа, ни слева не было ничего интересного, то я всю дорогу с жадностью смотрела на север. К сожалению, дымка, образовавшаяся из-за жары, ограничивала видимость, и только у деревни Бхайнсе перед нами предстала величественная картина: мы увидели гигантскую стену гор. Это было так неожиданно после бесконечных равнин северной Индии.

В Бхайнсе мы остановились около закусочной. Я легкомысленно выпрыгнула из грузовика без туфель и поспешила скрыться в гостеприимной тени. Бросив взгляд на помещение с глиняным полом и тучами мух, Лу с содроганием отказалась от еды. Остальные с удовольствием ели горы риса, сдобренного кислым молоком и далом¹². Водитель наслаждался острым карри¹³. Здесь нет нищеты, как в Бихаре, хотя во всем остальном местные жители мало отличаются от своих индийских соседей. Только жилые постройки с явными чертами неварского стиля¹⁴ свидетельствовали о том, что мы уже в Непале.

Когда водитель справился с горой риса, напомиравшей Эверест, он попросил подождать его в закусочной. Через двадцать минут я вынуждена была идти босиком полмили к грузовику, стоявшему у шлагбаума, где собирают налог за проезд. Солнце стояло в зените, и размягчившийся асфальт заставил меня преодолеть это расстояние бегом. Я делала шагов десять, садилась и, чтобы дать отдых измученным ногам, поднимала их над

раскаленным асфальтом, потом срывалась с места, потому что сидеть на асфальте было тоже пыткой... Местные жители всласть позабавились этим зрелищем, но я, как это ни странно, ничего веселого в нем не находила.

Из Бхайнсе, расположенного почти на уровне моря, дорога поднималась в горы Чурия и Чандрагири через перевал на высоте более тысячи футов. Склоны и вершины по обе стороны были покрыты зеленым густым лесом, Этот крутой подъем резко контрастировал с мертвыми равнинами, протянувшимися от Дехрадуна до Бхайнсе. В одном месте мы смогли разглядеть оставшиеся позади (вернее, внизу) двенадцать крутых поворотов. Несколько раз вверху показалась знаменитая канатная дорога, которую все еще используют для доставки некоторых грузов из Индии в Катманду. Она протянулась над глубокими ущельями между вершинами гор. Пока мы не достигли перевала, деревень не было видно, но в Бхайнсе грузовик заполнили семьи жизнерадостных непальцев, возвращавшихся домой с рынка. Эти люди, хотя и привыкшие с детства везде ходить пешком, довольно быстро оценили достоинства автотранспорта.

Даже поездка на машине по Раджпатху оставляет чувство причастности к успеху индийских инженеров и непальских кули, многие из которых погибли во время строительства, людей, у которых хватило знаний и упорства построить эту дорогу, бросив вызов законам природы. Многие непальцы верят, что разгневанные духи гор убивали кули, и мне понятна эта точка зрения. Раджпатх — триумф человеческого разума и мастерства и в то же время дерзкий вызов богам, которых не могло не возмутить то, что человек так небрежно бросил их горы к ногам прогресса.

Мы достигли перевала в 15 часов 30 минут. Воздух здесь пронзительно свеж. Мы, чтобы успокоить свои нервы, остановились выпить чаю в крохотном домике на краю зарослей. Ведь всего несколько мгновений назад, на последнем крутом повороте, нас чуть не сбил сильно перегруженный джип, шедший на полной скорости.

Спуск в долину Паланг был не таким крутым, как подъем, хотя и не менее опасным, так как тормоза грузовика оставляли желать лучшего. Двухэтажные дома, разбросанные по долине, были забавно похожими на европейские, со своими волнистыми черепичными крыша-

ми и коричневыми кирпичными стенами. Они были построены более искусно, чем деревенские дома в Индии. Вместо дымовых труб я заметила квадратные отверстия в стенах под крышами. Люди здесь низкорослые, крепкие и веселые. Когда мы проезжали мимо, группы детей кричали, махали руками и смеялись. Очевидно, большинство непальцев по темпераменту ближе к тибетцам, чем к индийцам.

Со всех сторон долину окружали горы, и, несмотря на вторжение шоссе, она сохраняла атмосферу уединения. Глядя на залитые солнцем всходы пшеницы, умело высеянной на горных террасах, на радостные лица ребятишек, на стада коз, я остро ощутила, что нахожусь в новой и очень привлекательной стране.

Когда дорога снова пошла вверх, окружавшие ее горы превратились в обнаженные стены красноватой глины, отражавшие косо падающий вечерний свет, словно огромные неотшлифованные алмазы. Я волновалась все больше и больше, видя новенькие указательные столбики с надписями: «Катманду 15 миль... 14 миль... 13 миль». Затем вдруг сразу стемнело, а мы все еще медленно проезжали поворот за поворотом, хотя только что видели объявление, запрещающее проезд по Раджпатху ночью.

В 8 часов 30 минут вечера мы остановились около деревушки Тханкот, в шести милях от Катманду. В этом месте дорога перекрыта бревном, положенным на козлы: здесь находятся таможенный и паспортный контроль. Обстановка была, прямо скажем, мелодраматичной. Наш водитель хриплым шепотом приказал нам незаметно покинуть грузовик, пройти необходимые формальности, а он будет ждать нас на дороге в четверти мили от этого места. С собой необходимо взять лишь паспорта.

В это мгновение мой сухой европейский рационализм заставил меня призадуматься: что скажет полиция о появлении из крошечной тьмы на окраине долины Катманду четырех пешеходных европейцев без багажа и с паспортами, где указано, что всего десять часов назад они прибыли в эту страну. Но тут же я ругнула себя за свою нудность, портящую первый веселый день в Непале.

Контрольный пункт — крохотный бамбуковый навес, под которым стояла приветливая личность, одетая в пи-

жаму и вооруженная револьвером. Чиновник бегло проглядел наши визы при свете масляной лампы, решив, очевидно, что мы прибыли из Раксаула на ковре-самолете, и широким жестом отпустил нас со словами:

— Да ладно...

Мы были свободны, а наши паспорта обогатились еще одним набором неразборчивых росписей и внушительных печатей.

Дорогу от Тханкота к Катманду окаймляли цветущие деревья. В свете фар гроздь алых цветов были похожи на сияющий занавес по обе стороны шоссе. Меня несколько удивляло, что не видно того мерцания огней, которого ожидаешь с наступлением темноты от любого, даже самого скромного столичного города. Позже я узнала, что мы столкнулись с одним из нередких случаев, когда в городе не было электричества.

За несколько минут мы проехали «пригороды» Катманду и к половине десятого оказались в центре города около так называемого «Каприза Бхима», белой башни, похожей на сигарету и сооруженной без всякой видимой цели по приказу Бхим Сен Тхапы, жестокого и коварного правителя Непала XIX века, первого в ряду всемогущих премьер-министров страны¹⁵. Поблизости находится автостоянка, поэтому здесь днем и ночью не утихают шумная торговля, споры и всеобщее возбуждение. Кажется, что только этот район в городе не замирает после наступления темноты. Лу и Нила уже увел Жан, знакомый с Катманду, а я вскоре обнаружила, что тот адрес, по которому я должна была направиться, ничего не говорит ни одному из находящихся рядом непальцев, во всяком случае в моем произношении. В конце концов я нашла двух молодых людей, одетых на полоевропейский лад, которые немного знали английский язык и помогли мне найти велорикшу.

Через полчаса я устроилась в запущенном, но, по восточным масштабам, безумно дорогом отеле. Стоимость огромного грязного номера с дощатой кроватью, постелью и насекомыми, без завтрака составляет один фунт стерлингов в сутки. Грязь меня не пугает, поскольку мне приходилось жить и в худших условиях, но дороговизна весьма волнует. Остается надеяться, что это не показатель стоимости жизни в Непале вообще.

КАТМАНДУ

3 мая. Катманду.

Вчерашний день начался с приятных новостей: после завтрака я узнала, что Зигрид Арндт, моя приятельница из Швейцарии, с которой мы работали в Индии, теперь здесь. Прошлым вечером она любезно пригласила меня остановиться в ее доме в Джавалкхеле, около Патана, до 12 мая, то есть до моего отъезда в Покхару.

Зигрид предпочитает жить с разумным приближением к непальским условиям и доказала, что в этой стране можно создать уютный дом, если творчески использовать местные традиции. Она снимает две комнаты в трехэтажном кирпичном доме. В простой гостиной, где я сейчас сижу, низкий черный потолок с голыми балками, побеленные стены и бледно-золотистая циновка. Все в комнате красиво и все непальское, включая четырехмесячного серебристо-черного щенка-дворняжку. Его зовут Пучхре — по-непальски «Хвостатый». У пса прелестный характер, и вдобавок он гораздо красивее, чем многие изнеженные породистые собаки. Семейство дополняет Донбахадур, слуга-невар. Он появляется каждый день. Слуга экономно закупает продукты на базаре и вкусно готовит. Донбахадур отличается веселым характером, кристальной честностью и внушающей благоговейный страх способностью объясняться, мешая немецкие и английские слова. Чувствуется, что он одобряет восхищение Зигрид всем непальским.

В доме есть маленькая ванная комната с холодной водой, но без ванны, и еще меньших размеров кухня, расположенная сразу же за гостиной, а за ней узкая деревянная лестница, ведущая в спальню Зигрид. В большом запущенном саду в одном углу растут два огромных дерева, а в другом стоит глинобитная печь. Сейчас Донбахадур печет в ней изумительно вкусный

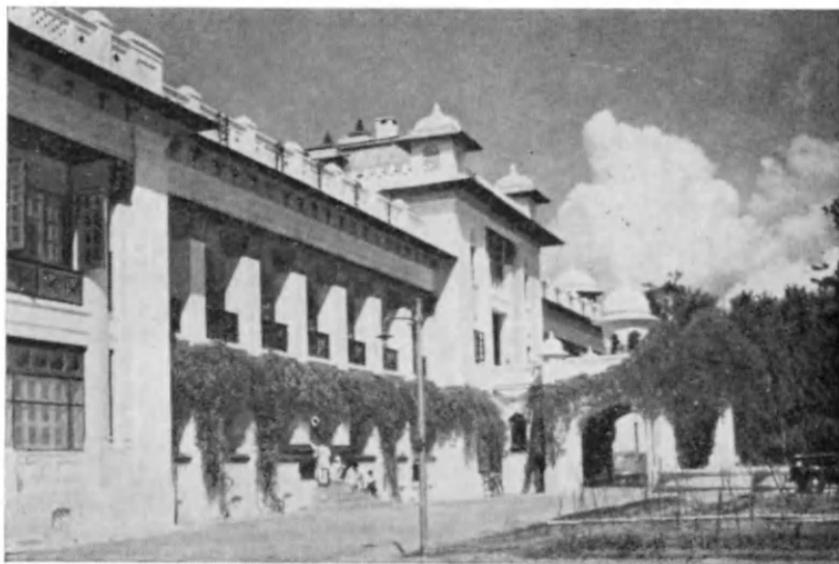
хлеб — его вклад в превосходную организацию жизни дома. За высокой трехметровой стеной, окружающей сад, тянется извилистая, ухабистая и пыльная дорога, которая является одной из основных дорог между Катманду и Патаном. В это время года над садом висит облако желтой удушливой пыли, сквозь которое виднеются крыши автобусов. Медленно кренясь, проплывают они мимо, словно корабли в бурном море.

Сегодня ночью с благословения Зигрид Пучхре и я вместе свернемся калачиком на тибетском ковре. Не так уж часто встречается хозяйка, которая не приходит в ужас, узнав, что гость собирается лечь спать на полу.

5 мая.

Какой очаровательный город этот Катманду! С каждым днем он мне все больше нравится, хотя прежде казался лишь промежуточным пунктом на пути в Покхару. Я ожидала, что в долине Катманду все будет так же, как и в Индии, но оказалось, что я ошиблась. Конечно, общего много: пыль, духота, мухи, священные коровы посреди улицы и бездомные собаки в канавах. Многие женщины здесь также одеты или в сари, или в шальвары с длинными рубашками до колен. Большинство мужчин продолжают носить традиционную одежду — свободные в поясе брюки типа галифе, длинные рубахи навыпуск и кители с воротом-стойкой, расширяющиеся над коленями, изящные маленькие шапочки. Обычно на Востоке первыми перестают носить национальное платье именно мужчины.

Я думала, что долина Катманду уже испорчена как туристами, так и суетой вокруг них, но, несмотря на то, что теперь «все» приезжают сюда, так же как «весь Лондон» покидает город летом, было бы нелепо назвать нынешний Катманду туристским центром. Конечно, город менее «экзотичен и романтичен», чем его расписывают. Здесь почти столько же бензоколонок, сколько храмов, и то тут, то там вырастают новые уродливые здания. Меня пленяет веселое дружелюбие и атмосфера безалаберности, которая проявляется во многих эпизодах. Когда я переехала из гостиницы в похожее на лабиринт молодежное общежитие в Джавалкхеле, разместившееся в одном из усеявших долину безвкусных дворцов, ранее принадлежавших семейству Рана, я обнаружила множе-



Бывший дворец Рана. Сейчас принадлежит государству

ство кранов с надписью «холодная и горячая вода» и весьма впечатляющие европейские сливные бачки в общественных уборных, но за водой надо ходить к ближайшему колодцу. В городе существует капризная в работе телефонная сеть, построенная несколько лет назад американцами. Казалось, она должна облегчить деятельность местной администрации, но это нововведение внесло немалый вклад в организационные неполадки. Телефоны работают поочередно то в одном, то в другом районе города, а постоянные аварии и помехи создают значительно больше напряжения, чем отсутствие телефонной связи. Сюда же можно отнести все, что связано с электричеством. Взять хотя бы выключатели, которые хитроумно смонтированы в самых неожиданных местах — на полу, у потолка или за ставнями. Если они и срабатывают, то только после длительных и весьма опасных манипуляций. В связи с тем, что осветительная система работает спазматически, у жителей всегда наготове запас свечей. Сегодня вечером я обратила внимание на то, что пышно обставленная конференция Комитета тибетских беженцев, которая состоялась в гостинице «Ройял», освещалась двумя свечами.

С 1951 года, с того момента, как Непал был открыт для иностранцев¹⁶, гостиница «Ройял» в Катманду стала центром «светской жизни». Официально это — гостиница «люкс», совсем не соответствующая тому «классу», к которому принадлежу я. Вскоре я поняла, что в Непале даже гостиницы «люкс» лишены единообразия, и в действительности «Ройял» так же резко индивидуален, как и все другие местные явления. Это объясняется отчасти как нелепым великолепием самого здания (еще один бывший дворец Рана), так и внутренней его отделкой в стиле Гранд Опера. Все сливается в одно столь помпезное неуместное целое, что немедленно подпадаешь под его очарование и прощаешь излишества.

В «Ройяле» меня познакомили с Эдмундом Хиллари и Петером Ауфшнайдером. Сэр Эдмунд выглядит и держится так, как и полагается покорителю Эвереста. Пожимая ему руку, я волновалась словно школьница. Остается надеяться, что мое волнение не было слишком заметным, поскольку бедняге наверняка до смерти надоели поклонницы. Петер Ауфшнайдер постоянно живет в Катманду и состоит на службе у непальского правительства. Человек он весьма застенчивый, скромный и милый, но, к сожалению, я всегда теряю дар речи при встрече с людьми, которыми долго восхищалась издали, поэтому разговор а у нас не получилось.

Естественно, в «Ройял» стекаются все местные сплетни, а так как в основном они касаются интимной жизни непальской аристократии и известных иностранцев, то картина вырисовывается весьма мрачная. Иногда обсуждаются и более интересные темы. Именно здесь я узнала, что сейчас довольно трудно получить разрешение на путешествие на север Непала. Некий писатель, злоупотребив полученным разрешением, отправился не то к тибетской границе, не то даже за ее пределы, заснял на кинопленку некоторые присходившие там события, описал свои приключения и напечатал репортажи в европейских газетах. Непальские власти были так шокированы всем этим, что теперь не пускают туда даже самых невинных путешественников, которыми движет исключительно любовь к странствиям. Я хорошо знаю по себе, как запрет разжигает в человеке озорное любопытство, и, каюсь, не раз поддавалась соблазну. Из уважения к властям и ради других путешественников, конеч-

но, следует воздерживаться от погони за сенсацией, особенно в такой стране, как Непал, которая имеет все основания болезненно реагировать на такие поступки. Без сомнения, в какой-то мере из-за таких, достойных сожаления действий вблизи тибетской границы были запрещены новые экспедиции в Гималаи.

В «Ройяле» мне рассказали, что в Тибет в течение последних месяцев вернулись некоторые эмигранты из Восточного Непала. Этим сведениям, кажется, можно верить. Я с большим интересом также узнала, что некоторые торговцы, которые еще бывают в Лхасе, передают успокоительные сообщения тибетским беженцам от их друзей, вернувшихся на родину. Они говорят, что бывшие беженцы устроились в сегодняшнем Тибете лучше, чем в Непале, и будто бы китайские власти стали смягчать первоначальные жесткие меры. Года полтора назад я слышала о листовках, отпечатанных в Лхасе и распространяемых в Индии и Непале, с призывом к беженцам вернуться в Тибет и обещанием «прощения» за их бегство. Вполне допустимо, что китайские власти постепенно отказываются от первоначальных репрессий, и я не могу не задуматься, не является ли возвращение на родину наилучшим решением проблемы для многих тибетцев в Непале. Сохранять древние традиции и обычаи все труднее, а в Тибете они по крайней мере будут жить в привычном климате и на привычной высоте.

Велосипед в Катманду — одно из основных средств передвижения. Должна признаться, вчера я изменила «Роз». Мне посоветовали купить в Катманду велосипед для поездок по Покхаре (конечно, его пришлось бы переправлять самолетом, ибо между двумя долинами нет даже сносной тропы). Сначала эта идея мне не понравилась, потому что до сих пор я видела в продаже только индийские машины и по опыту знала, как трудно к ним привыкнуть. Но вчера утром, бродя по базару, я обнаружила подержанный велосипед советского производства, опробовала его, нашла подходящим и купила за 10 фунтов 16 шиллингов и 8 пенсов. Я назвала его «Лео — брат Роз». «Лео» покрашен в небесно-голубой цвет; он вдвое тяжелее «Роз», но на нем легко удерживать равновесие. Велосипед удобен на плохих дорогах благодаря большому, на хороших пружинах, седлу и широким шинам. Он солидно оборудован. У меня еще не было

велосипеда с зёркалом, ножным тормозом, спидометром, сумкой с инструментами, багажником, фарой, упором для стоянки и замком с двумя ключами. Пока ножной тормоз для меня скорее опасен, чем полезен, поскольку я привыкла при езде под гору крутить педали назад, но скоро я перестроюсь, и вообще это лишь одна из помех при велосипедной езде в Катманду.

Как и следовало ожидать, уличное движение здесь до предела хаотично. Грузовики без предупреждения дают задний ход, водители автобусов просто игнорируют велосипедистов, таксисты из чистого азарта обгоняют впритирку, коллеги-велосипедисты, не имеющие тормозов, круто поворачивают прямо у вас под носом, а над самым передним колесом покачиваются коромысла с тяжелыми грузами, влекомые семенящими рысцей носильщиками, внезапно меняющими направление. С учетом всего этого можно сделать вывод, что непальцы в целом еще не привыкли к колесному транспорту. Пешеходы беззаботно перебегают дорогу, не глядя по сторонам. Другую опасность представляют зонты, которые в это время года используются для защиты от солнца. Непалец-пешеход, прогуливающийся с приятелем, любит размашисто жестикулировать зонтом, и в результате я уже дважды падала с велосипеда. Если бы не солнечные очки, то один глаз я бы уже потеряла.

Сегодня я поняла, что передвигаться по многолюдным базарам лучше всего на тяжелом велосипеде. «Роз» не была создана для движения со скоростью бредущей коровы, и при ее изящных шинах приходилось бы без конца или сходить с велосипеда, или падать. На «Лео» можно даже удержаться на месте, пережидая, когда священная корова и ее священный теленок соблаговолит сойти с дороги. Это похоже на разницу в езде по городским улицам на ломовой или на породистой лошади. Конечно, я не променяла бы «Роз» и на полдюжины «Лео», но здесь он более удобен. У меня на макушке появилась огромная шишка: средний рост непальца — метр шестьдесят сантимеров, а дверные проемы имеют соответствующую высоту — вот и результат.

7 мая.

В Долине много мест, которые «нужно посмотреть». Откровенно говоря, я боюсь оказаться на поводу у путе-

водителей и не хочу следовать по заезженным туристами маршрутам. Для меня маленькое изваяние, случайно обнаруженное в переулке и захватывающее воображение, гораздо привлекательнее храма, которым надлежит восхищаться по научно обоснованным и иногда совершенно непостижимым соображениям. Поэтому, оседлав «Лео», я бесцельно разъезжаю и нахожу при этом достаточно неожиданных развлечений в трех древних столицах — Катманду, Патане и Бхадгаоне¹⁷.

Эти так называемые города (в нашем понимании, местечки) в течение многих веков были столицами враждующих неварских династий, которые правили долиной Катманду и воевали из-за нее, пока гуркхи в 1769 году не покорили ее. Невары обладают исключительно развитым чувством прекрасного, и многие жители Долины достигли удивительного уровня мастерства, особенно ярко проявляющегося в бронзовых и каменных скульптурах храмов и ажурной резьбе по дереву. Правда, резьба, украшающая многие старые здания, пострадала от непогоды. Если бы в каком-либо европейском городе и имелось бы столько памятников художественного мастерства, то они давным-давно были бы разрушены, уничтожены бомбардировками, а если даже и сознательно охранялись, то с потерей творческого духа их создателей. Здесь же вся эта красота воспринимается как нечто само собой разумеющееся, и совершенно естественно, что она сохранилась. Некоторые уголки городов, где совсем незаметны следы проникновения новой эпохи или чуждой цивилизации, кажется, до сих пор незримо населяют безвестные мастера, чья работа живет в каждом предмете, чей дух до сих пор витает над ними. Здесь время как бы течет вспять, не приходится воссоздавать прошлое с помощью воображения, оно ощущается хотя бы несколько коротких, но потрясающих мгновений.

В наши дни неварское искусство и ремесла находятся в упадке, и большинство коренных жителей Долины либо мелкие торговцы, либо мелкие чиновники¹⁸. Некоторые считают, что это результат господства гуркхов, но возможно, что уже к XVIII веку вдохновение неваров иссякло и апатия сменила творческий подъем.

Во многих районах Долины можно встретить рядом элегантность и безвкусицу — особенно там, где изящные



Продавец зелени на улице Катманду

дома неваров соседствуют с дворцами Рана. Эти уродливые сооружения, выроставшие, как грибы, последние сто лет, когда алчное правящее семейство Рана размножалось, как кролики, и строило, как бобры, не вписывались бы ни в какое другое окружение, но таково странное влияние Катманду, что какое-то причудливое очарование исходит от этих страшилищ.

О другом неприятном аспекте жизни в Катманду говорится в книге Джона Морриса «Зима в Непале». В ней автор цитирует слова Дэниела Райта, который провел в Непале несколько лет в качестве врача британской резиденции. Дэниел Райт в 1877 году писал: «С точки зрения санитарии можно сказать, что Катманду стоит на навозной куче среди отхожих мест». Моррис нашел это описание верным и для 1960 года. Я считаю, что он был слишком мягок, называя Катманду «одним из самых грязных городов мира»¹⁹. Я не поверила своим глазам, когда увидели, что люди в некоторых кварталах пьют вонючую жидкость, застоявшуюся в мощеных резервуарах. Они сгребают мусор в сторону, а жидкость, которую нельзя даже назвать водой (она похожа на крепкий чай), собирают в глиняные или медные сосуды. У этих людей, по-моему, потрясающий иммунитет или хроническая дизентерия. Однако, несмотря ни на что, большинство детей выглядят довольно здоровыми, хотя многие взрослые преждевременно старятся, так как всю жизнь переносят на себе тяжести.

Нищих удивительно мало. Куда бы я ни шла, люди везде меня встречали улыбками и дружелюбными жестами. С моей точки зрения, обстановка искрящейся жизнерадостности долины Катманду более чем компенсирует антисанитарию.

Сегодня я отправилась в полуразвалившееся здание Центрального почтамта. Мне необходимо было отправить несколько заказных писем, так как простые письма из Катманду редко доходят до адресата. В настоящее время с помощью Индии строится новое здание почтамта. Я рада, что испытала неповторимое чувство от посещения старой почты. Понятие «очередь» для непальцев не существует, и, войдя на почту, сразу попадаешь в водоворот крепких маленьких тел. Все тянутся к приемщику, машут перед его лицом конвертами, деньгами, бланками и кричат так, будто выполнение требований

зависит от силы голоса. Я толкалась больше всех, используя преимущество своего роста. Соблюдение приличий в такой обстановке было бы абсолютно неуместно.

Внимательно изучив мои конверты, почтовый служащий вежливо осведомился, находится ли Лондон в Германии. Я не менее вежливо ответила:

— Нет, вообще-то он в Англии.

Затем, обуреваемый жаждой географических познаний, работник почтамта спросил, не является ли Ирландия одним из штатов США. Разъяснив ему и этот вопрос, осложнявшийся тем, что относительно островов и океанов за свою молодую жизнь он ничего не успел узнать, я спросила его, давно ли он работает на почте (к тому времени шум стих, так как присутствующие заинтересовались нашей загадочной беседой). Молодой человек с улыбкой признался, что приступил к работе только сегодня утром и еще не овладел искусством поддерживать порядок на почте (последнее и так было очевидно).

Я вышла во двор и стала наблюдать, как разбирают почту. Десять мужчин на корточках сортировали письма. Возле них возвышались «горы» конвертов, большинство из которых либо направлялось за границу, либо прибыло оттуда. Образовавшаяся между «горами» «равнина» была усыпана отдельными конвертами, по которым шагали кули, бродили цыплята, собаки и бычок. Вероятно, этим несчастным посланиям, адресованным в такие безвестные места, как Лондон, не нашлось здесь места. Я тоскливо искала глазами хотя бы один ирландский конверт с зеленой и оранжевой полосой по краям, но их не было, должно быть, их съел бычок.

Погода значительно лучше, чем я ожидала: сегодня в полдень температура около 24 градусов по Цельсию. С близких, хотя и невидимых снежных вершин постоянно дует прохладный ветер. С тех пор как я приехала, каждый раз во второй половине дня небо внезапно затягивается тучами, а приблизительно через час начинается сильная гроза. Никогда раньше я не видела ни такого отвесного дождя, ни такого крупного града, даже в Индии во время муссонов. Это весьма приятно, так как дождь хотя бы ненадолго прибывает пыль и несколько ослабляет запахи, смывая какую-то часть нечистот и гниющего мусора, скапливающегося на улицах.

Полчаса назад я бросила писать и полностью погру-

зилась в созерцание невиданной грозы. Первый удар грома сбросил со стола мою пепельницу и буквально оглушил меня. Я задула свечи и села у открытого окна. Казалось, какие-то озорные боги на небесах то выключали, то включали ослепительно голубую лампу, которая освещала каждую деталь сада и соседнего дома. Зарницы уступили место клубку огненных драконов, теснящихся в небе, а в горах перекачивались непрерывные раскаты грома, словно ревели миллионы львов, затем хлынул дождь, и постепенно все затихло.

8 мая.

В это время года Гималаи постоянно окутаны знойным маревом, и одно из наиболее неожиданных впечатлений от Долины Катманду — отсутствие так называемой «обстановки высокогорья». С моей точки зрения, это — не просто особенность сезона или климата. Катманду в течение долгого времени был местом от всего отрешенным, далеким, равнодушным как ко всему миру, так и к остальной части Непала. Сейчас мир ради развлечения или наживы энергично вторгается в Катманду, заставляя его почувствовать связь с другими странами, но на окружающие горы Долина все еще не обращает внимания.

Удивительно, насколько восприятие страны меняется, когда приезжаешь туда работать, а не путешествовать. Всегда волнующее открытие нового принимает совсем другой оттенок, если собираешься осесть там хотя бы ненадолго. Так как при этом приходится приноравливаться к местному укладу, то критическое отношение ослабевает. Вместо того, чтобы стремиться к познанию и разгадке страны с момента прибытия, ждешь, когда это понимание придет само. Однако должна признать, что при этом неповторимое наслаждение путешествием ради путешествия теряется.

Говорят, в Непале около ста двадцати национальных праздников в году, не считая пятидесяти выходных по субботам. Все праздники, включая день рождения короля (он — одно из воплощений Вишну на земле), носят религиозный характер²⁰. До сих пор я даже приблизительно не смогла разобраться в религиях Непала, где индуизм и обе ветви буддизма переплетаются и взаимодействуют. Мне кажется, даже выдающиеся ученые

теряются в этом теологическом лабиринте. Однако ясно, что непальцы — истовые верующие, относящиеся с благоговением к своим многочисленным богам. Почти все безоговорочно верят в амулеты; каждое ответственное решение, включая вопросы государственной важности, принимается после консультации с астрологами. Я часто задумываюсь, что происходит, когда события опровергают предсказания астрологов, но уверена: для оправдания ошибок звезд разработаны специальные формулы. Для нас все это — крайнее проявление невежества и суеверий. Постоянная оплата услуг алчных брахманов превращает многие семьи в вечных должников. Тем не менее непальцы рассматривают эти расходы как гарантию против несчастья.

В течение прошлой недели в Патане, который расположен в десяти минутах ходьбы от Джавалкхеля, состоялся большой праздник Мачхендранатх Джатра²¹. Утром Донбахадур сказал, что, согласно расчетам астрологов, шесть часов вечера — самое благоприятное время для шествия двух колесниц божества по улицам города. Договорившись с Зигрид встретиться у деревянных колесниц в 5 часов 30 минут вечера, я с утра ушла в Патан.

Я миновала «Улицу свиней». Здесь живут непальцы, принадлежащие к низким кастам²². Огромное количество маленьких черных свиней с поросятами, по размеру, цвету и форме удивительно похожими на крыс, заполнило улицу. Тут же бегали голые ребятишки, перемазанные навозом буйволята, запаршивевшие щенки. Крошечные цыплята барахтались в сточных канавах, наполовину заполненных застоявшейся жидкостью чернильного цвета. Большинство непальцев из более высоких каст стараются обходить эту улицу стороной, но не из чувства брезгливости, ибо их собственные кварталы подчас не менее грязные, а исключительно из-за того, что близость свиней «осквернит» их. Однако обитатели «Улицы свиней» отнюдь не кажутся угнетенными своим низким социальным статусом. Ко мне они привыкли. Сегодня многие, высываясь из окон, приветствовали меня. Мне приятно, что они принимают меня, как свою.

На маленькой площади, где стояли колесницы божества, уже собралась порядочная толпа. Тут много гор-

цев. Некоторые из них добирались более недели, чтобы присутствовать на празднике. Первые дни моей жизни в Джавалкхеле я часто останавливалась и смотрела, как собирали и украшали колесницы.

На каждой платформе — громоздкая бамбуковая башня футов пятьдесят высотой. Она украшена зеленью, длинными разноцветными лентами и флагами. На первой платформе — Мачхендранатх, один из «Великих магов» буддийского тантризма²³, который обычно находится в храме в Бунгамати (к югу от Катманду). В ночь полнолуния, предшествующую празднику, его купают в молоке, готовя к медленному недельному шествию через улицы города, во время которого, согласно поверью, он дарует плодородие людям, животным и полям. Если одна из башен во время движения упадет, как случилось в 1953 году, это рассматривается как дурное предзнаменование на ближайший год. Чтобы как-то предотвратить несчастный случай, все электропровода вдоль маршрута снимают. Возможно, этим и объясняются перебои с электричеством за последнюю неделю. В святилище восседает брахман, всегда готовый к услугам божеству. Вокруг колесницы толпа народу. Люди останавливаются, чтобы поклониться божеству, складывают руки для короткой молитвы, затем бросают на платформу горсть риса или мелкую монету. У каждой колесницы четыре огромных, с виду неустойчивых деревянных колеса, на которых небрежно нарисованы три больших глаза, и двенадцатифутовое дышло, вырезанное из искривленного ствола дерева. К переднему концу дышла, там, где оно загнуто кверху, прикреплены огромные резные раскрашенные маски, гротескные и яркие. В их загадочных улыбках и угрозы и благие обещания.

Когда я подошла ближе, мальчишки проделывали на дышлах колесниц акробатические трюки. Они сидели верхом на масках, взбирались на башни и вообще вели себя как на ярмарке. Для непальцев Мачхендранатх Джатра — один из важнейших религиозных праздников. Это могущественное божество легко разгневать. Однако непальцам несвойственно внутреннее благоговение, которое у нас вырабатывается по отношению к святыням. В их жизни страх, поклонение и веселье тесно переплетаются. Всего на один момент, кланяясь, молясь или принося жертву, люди отрешаются от окружающего, а

когда после пуджи²⁴ возвращаются к действительности, то выглядят еще более счастливыми.

Проходящий мимо музыкант остановился около колесниц, и тут два подростка неожиданно стали танцевать. Я поспешила пристроиться к собравшейся вокруг них толпе. Это были горцы, одетые в домотканые рубахи. Они удивительно красиво исполняли один из величавых храмовых танцев, который в давние времена был завезен сюда из Южной Индии²⁵. Для искушенного зрителя каждое движение рук и глаз танцора говорило выразительным языком символов. Даже непосвященные с удовольствием наблюдали за медленным грациозным танцем. Меня тоже захватило необыкновенное зрелище, столь изменившее выражение лиц двух мальчиков, когда они погрузились в этот своеобразный способ поклонения божеству.

Я подошла к группе неварских женщин, устроившихся на ступеньках храма. На древней площади стояли покосившиеся кирпичные здания, полуразвалившиеся храмы-пагоды, крыши которых поросли травой, непонятного назначения алтари, превращенные временем в развалины, богато украшенные бассейны для омовения, куда из пасти медных змей сильной струей льется вода. Женщины собирали воду в блестящие медные сосуды и, поставив их на бедро, проталкивались сквозь толпу. К этому времени солнце стояло над волнистой черепицей крыш, золотистый свет стал мягок, чувствовалось все нарастающее возбуждение людей. С каждым мгновением толпа становилась все плотнее и красочнее. Женщины величественной процессией, переливающейся красным и черным, зеленым и голубым, золотым и белым цветами, с полными руками риса устремились к Мачхендранатху.

Когда, наконец, настал благоприятный момент и неровные колеса медленно покатались по рытвинам, я ужаснулась, увидев, что гирлянды из мальчишеских тел по-прежнему висят на башнях. К счастью, другие почувствовали то же самое, и через несколько мгновений мальчишки послушно спрыгнули в толпу.

Теперь казалось, что все население Долины — мужчины, женщины и дети — собралось на этих узких улицах, заполнив нависшие над улицей балконы и крыши. Но так как Зигрид и я шли прямо за колесницами, то мы

могли рассмотреть каждую деталь, включая кремовые пушистые опахала из хвостов яков, которыми служки обмахивали брахмана—служителя Мачхендрантха. Поразительная техника продвижения этих огромных повозок по узким улочкам заключается в том, что к каждому дышлу прикрепляется два стофутовых каната, которые тянут десятки мужчин. Они хором подбадривают себя какими-то возгласами под вдохновляющий аккомпанемент барабанов и цимбал. Когда, наконец, неуклюжую колесницу удалось продвинуть ярдов на двадцать-тридцать (на большее расстояние без отдыха это сделать почти не удастся), вся толпа восторженно закричала. К тому времени мы с Зигрид были настолько захвачены происходящим, что тоже присоединились к всеобщему ликованию. Когда это, по-своему величественное, шествие продвинулось ярдов на сто, мы с беспокойством заметили, что первая башня теряет устойчивость и, казалось, вот-вот упадет, придавив немало людей. Очевидно, это увидели не только мы, так как четверо мужчин уже вскарабкались на качающееся сооружение и сбросили назад еще два каната, которые тут же подхватили сильные руки мужчин. Крепко ухватившись за канаты, они удерживали башню в относительном равновесии, хотя эта предосторожность тормозила шествие.

Мы оглянулись на вторую колесницу и увидели, что она тоже попала в беду. Одно из огромных колес застряло в луже клейкой черной грязи, столь характерной для Катманду, и все усилия вытянуть его были безуспешны. Мы стали пробираться назад, чтобы посмотреть, чем все кончится, но первая колесница вновь привлекла наше внимание, и на этот раз для тревоги было куда больше оснований. Дорога слегка пошла под гору, и колесница неожиданно резво покатилась вниз, натягивая канаты. Люди, придерживавшие их, вынуждены были бежать за колесницей, а шедшие впереди, перепугавшись, кинулись в стороны и смешались с толпой. Некоторые упали, но, к счастью, дорога вновь выровнялась, а может, смиловствовался Мачхендранатх, и смятение улеглось. Страшно подумать, что случилось бы, охвати толпу настоящая паника. Нас довольно грубо толкали — не из-за плохого к нам отношения, а невольно. Меня несла толпа потных маленьких тел, кричащих, смеющихся,

толкающихся, молящихся и довольных, и я чувствовала, что нахожусь в Непале.

Шествие божества, начавшееся в теплом, золотом, солнечном сиянии, заканчивалось при затемненном тучами свете восходящего месяца. Около каждого незастекленного окна вывешивались крохотные лампы, свет которых приветствовал проезжавшее мимо божество, а мы могли заглянуть внутрь комнат на первом этаже, где светильники, свешивавшиеся с низких балок, освещали алтари в нишах.

Украшенные тонкой резьбой балконы были забиты веселыми зрителями; они наблюдали за бурлящей толпой на улице и бросали на колесницу пригоршни риса.

Когда Мачхендранатх добрался до следующей заполненной храмами площади, где ему предстояло провести ночь, толпа поредела, а мы с Зигрид вернулись посмотреть, что стало со второй колесницей. Мы сразу поняли, что положение ее безнадежно: людям не под силу было вызволить колесницу из грязи. Донбахадур сообщил, что астрологи подверглись критике за неправильный выбор времени для начала процессии. Он добавил, что, возможно, завтра приедет грузовик и подтащит колесницу к первой. Вот и наступил день, когда божествам пришлось обратиться за помощью к современной технике.

9 мая.

Утром я посетила тибетский лагерь в Джавалкхеле. В нем около четырехсот беженцев. Они живут в однокомнатных глинобитных хижинах с соломенными крышами. Большинство взрослых работают в мастерских. В основном они изготавливают на экспорт ковры, куртки, свитера, сапоги — в тибетском стиле, но на современный лад. Как взрослые, так и дети выглядят здоровыми, несмотря на сравнительно малую, непривычную для них высоту над уровнем моря — 1360 метров. Приятно видеть, что семьи живут вместе, в отличие от Индии.

Однако я почувствовала, что не все здесь гладко. Я сразу поняла, что отношения между помогающими и принимающими помощь напряженные. Собственно, я заметила это еще месяц назад в Индии, где встретила сотни тибетцев, нелегально покинувших Непал из-за недовольства своим положением. Очевидно, некоторые

жалобы вполне справедливы и благотворительные учреждения, действующие в Непале, не всегда смогли избежать ошибок. К сожалению, столь же очевидно, что многие тибетские руководители стали принимать помощь как должное, вопреки ясно выраженному пожеланию далай-ламы, чтобы беженцы стремились к самостоятельности. Эти руководители ведут себя как избалованные дети, часто их требования неразумны. Такую ситуацию я предвидела еще год назад. Подобные настроения не были свойственны тибетцам в Индии в то время, когда я там работала, но они могли возникнуть в результате деятельности благотворительных учреждений и тех добрых чувств и преклонения, которые бездомные беженцы вызывают у своих покровителей, включая и мою особу. Наша смесь щедрости и заискивания, которая с благими намерениями, но без трезвого расчета обрушилась на тибетцев, неминуемо развращала этих простодушных людей. Теперь мы стоим перед неприятной необходимостью прибегнуть к суровым методам, чтобы исправить собственные ошибки.

В мастерской я встретила юношу-тибетца, с которым познакомилась еще в Индии. После обеда он достал велосипед, чтобы сопровождать меня в качестве переводчика в Бодхнатх²⁶ во время посещения тибетского монастыря. Бодхнатх находится в четырех милях к востоку от Катманду. По дороге мы ненадолго остановились у храма Пашупатинатх²⁷, который соперничает с Бенаресом как центр паломничества индуистов. В «Коротко о Непале» говорилось, что «вход во двор храма разрешен только индуистам», поэтому мы остановились у сводчатых ворот и смотрели на огромную статую золотого быка²⁸, который, естественно, повернулся к неиндуистам задом. Чтобы проверить реакцию Пасанга, я невинно спросила, разрешается ли христианам входить в буддийские храмы. Страшно удивленный, он ответил:

— Конечно! Любой может войти в наши храмы!

Затем Пасанг спросил человека, сторожившего обувь молящихся, можно ли буддистам входить в этот храм. Вопреки путеводителю, но в духе либеральных традиций Непала последовал ответ:

— Можно, но только тибетским буддистам, а не китайским!

Мне показалось, что это — пример смешения полити-

ки с религией. Мне даже нравилось, что индуистские предрассудки могут нанести удар по самолюбию высокомерных европейцев. Однако, по-моему, запрет неиндуистам входить в определенные храмы явно противоречит учению индуистских философов о единстве мира.

Ступа в Бодхнатхе, на которой нарисованы четыре пары огромных глаз, сурово вззирающих на четыре стороны света,— одна из самых больших в мире. Она видна издали над плоскими полями и, в отличие от большинства храмов Непала, находится в хорошем состоянии и свежеекрашена. Пасанг сказал мне, что ступе более двух тысяч лет. Но ко всем датам, размерам и другим цифрам, приводимым тибетцами или непальцами, надо относиться критически, хотя эта, вероятно, достаточно точна, так как профессор Дж. Туччи считает, что Непал, возможно, был частью государства Ашоки в III веке до н. э.²⁹

Бодхнатх в наши дни ассоциируется у иностранцев главным образом с именем богатого и влиятельного чини-ламы³⁰, которого ошибочно считают представителем далай-ламы в Непале — этот пост в действительности занимает некий тибетец Сергай. Я не могу представить себе двух менее похожих людей, чем далай-лама и чини-лама, хотя иностранцы воспринимают последнего как истинный образец тибетского ламы, что, к сожалению, несправедливо по отношению к тысячам подлинных лам.

Объезжая на велосипедах основания ступы и направляясь к монастырю мимо десятков огромных медных молитвенных барабанов, установленных в стене, мы увидели, как мини-автобус управления по туризму доставил к дому чини-ламы с десятком переполненных впечатлениями туристов. Пасанг спросил меня, не хочу ли я встретиться с чини-ламой, но я, поблагодарив, отказалась.

Монастырь построен лет тридцать назад, и сейчас в нем живет около сорока монахов и лам разного возраста — от обаятельного шестидесятипятилетнего римпоче³¹ до нескольких восьми- и девятилетних будущих лам, весело носящихся по двору в длинных потрепанных бурых одеяниях. Я была несколько взволнована возможностью увидеть настоящий тибетский храм, великолепный и внушающий благоговейный страх, но грязный и запущенный. В темноте затаились огромные изображения

божеств, окутанные белыми шарфами³² и возвышающиеся над сотнями торма³³ и мерцающими масляными лампадами, установленными перед ними. Места для молитв располагались по обе стороны прохода к алтарю. Кое-где стояли так не вязавшиеся с окружающей обстановкой жестяные коробки. В них хранилась поджаренная мука, из которой делается цзамба³⁴, поддерживающая силы монахов во время монотонного чтения буддийского канона³⁵. А так как прочитать вслух надо сто восемь толстых томов, то муки требуется много.

У каждого члена общины имеется своя келья. Из храма нас провели в келью римпоче — крохотную каморку размером 10 на 4 фута, с нарами (где лежало тонкое одеяло) и небольшим алтарем (где перед изображением Будды горело одиннадцать масляных лампад). Мы выпили по пять чашек густого чая с маслом³⁶. Во время чаепития рядом с нами стоял молодой улыбающийся лама с чайником наготове. И хотя монастырь был бедным, к чаю достали из стоявшего под кроватью жестяного сундука подмокшее, но весьма дорогое индийское печенье, которое мы съели без особой охоты.

11 мая.

Среди друзей, которых я приобрела за последние десять дней, есть прелестный девятилетний мальчик. Он учится в колледже Св. Ксавьера, которым руководят американские иезуиты, и довольно свободно говорит по-английски, как и многие местные юноши из семей среднего достатка. Впервые я встретила Рамбахадра возле почтамта. Каждый день он приходит туда в поисках клиентов-иностранцев, которые хотят обменять деньги или дорожные чеки по курсу черного рынка. Фланирующей походкой он подошел ко мне и, естественно, шепотом спросил:

— Хотите обменять деньги?

— Да, но не сегодня,— ответила я.

Он по-детски трогательно, что никак не вязалось с его занятием, взял меня за руку, и мы отправились выпить чаю и договориться об условиях взаимовыгодной сделки. Больно, что детям приходится заниматься таким ремеслом. Было ясно, что он не попрошайка, а просто работает в надежде получить честные, хотя и не совсем законные, комиссионные. Мы подружились и договорили-

лись встретиться на следующее утро, чтобы обменять пятидесятифунтовый чек. Однако, придя на главную улицу Катманду — Нью-Роуд, я увидела там кроме Рамбахадур его конкурентов — двух мужчин и двух юношей. Рамбахадур выглядел маленьким, заброшенным и испуганным, но притом полным решимости отстаивать свои права как истинный маленький гуркх. В душе у меня не было намерения изменить ему, но я решила использовать случай, чтобы получить лучшую цену, и устроила своеобразный аукцион. Рамбахадур, наконец, в отчаянии предложил мне 32 непальские рупии за фунт. Один из мужчин (очень неприятный на вид) согласился дать ту же цену, а когда я покачала головой и протянула руку к Рамбахадур, мальчик тут же полетел в канаву от жестокого удара своего соперника. Я вышла из себя и закатила хулигану пощечину. Все четверо мгновенно исчезли, предоставив мне вытаскивать из канавы плачущего Рамбахадур. Прежде чем приступить к сделке, пришлось мальчика обтереть, утешить и обласкать. Только что Рамбахадур был обыкновенным валютчиком, готовым на темную сделку, и вот теперь он рыдал у меня на плече.

Мы свернули с Нью-Роуд со строящимися на ней магазинами в западном стиле и тут же оказались в лабиринте узких улочек, каких большинство в непальской столице. Когда мы вышли на небольшую площадь, Рамбахадур, настороженно оглядевшись вокруг, хотя никого поблизости не было, шмыгнул в низкий дверной проем и знаками предложил мне следовать за ним. Мы пересекли двор, уставленный каменными изображениями божеств и фаллическими символами, и оказались в абсолютно темной передней. По крутой шатающейся деревянной лестнице мальчик быстро провел меня в убогую комнату. Здесь Рамбахадур приказал мне ждать, а сам исчез, предварительно заперев меня. Очевидно, он опасался слишком любопытных соседей.

Ждать пришлось минут двадцать. Маленькое окно выходило во двор, где морщинистая, увешанная украшениями женщина чистила черной глиной медные горшки и тарелки, споласкивая их водой подозрительного цвета. Рядом с ней в отбросах копался щенок. Зрелище было не из радостных, я отвернулась и стала рассматривать комнату.

В одном углу стоял большой жёстяной сундук, закрытый на замок. Я предположила, и, как оказалось, правильно, что это своего рода сейф. На нем валялось несколько книг на непали в мягкой обложке, что указывало на наличие хотя бы какого-то образования у менялы. Стены украшали несколько аляповатых олеографий на темы индуистской мифологии, прикрепленных между большой фотографией короля Махендры с королевой Елизаветой II и календарем американской авиакомпании «Трансуорлд эйрлайнс» 1952 года.

Наконец вернулся Рамбахадур в сопровождении партнера по сделке — худенького невысокого чхетри, производящего впечатление хваткого, но честного человека. Внимательно изучив мой чек, паспорт и всевозможные подписи в нем, он попросил меня записать местный и постоянный адрес в «регистрационной книге» — пыльной школьной тетрадке. Затем он снял с шеи ключ от сундука, торжественно прошел в угол комнаты и после многократного пересчитывания наконец вручил мне деньги совершенно новыми банкнотами. Не знаю, зачем ему понадобились мои документы. Если бы чек был поддельным или, наоборот, если бы он выдал мне фальшивые банкноты, мы не могли бы привлечь друг друга к ответственности. Этот момент операции требовал высокой степени взаимного доверия — и, кстати, полученные у него деньги ни у кого не вызвали подозрений.

Сегодня во второй половине дня я потратила четыре с половиной часа на закупку медикаментов для беженцев в Покхаре.

Мне будет грустно покидать гостеприимный дом Зигрид, пополнившийся за последнее время двумя высокомерными наседками, купленными Донбахадуром, чтобы обеспечить хозяйку действительно свежими яйцами. В сумерках куры с важным видом заходят в комнату под неодобрительным взглядом благоразумно молчащего Пучхре и требуют, чтобы их устроили на ночь на кухне в традиционной непальской плетеной клетке для птиц. А честолюбивый Донбахадур что-то бормочет о том, что желательно бы приобрести свою буйволицу и получать от нее свежее молоко. Подозреваю, что его пыл животновода на этом будет пресечен, чтобы предотвратить захват скотом туалета.

В ПОКХАРУ

12 мая, Покхара.

Сегодня мне изменила моя обычная выдержка: пассажирам на Покхару было предложено явиться в полдень к зданию непальской авиакомпании, я же (преодолев, наконец, обычные для Катманду помехи), не по своей, конечно, вине, оказалась на месте сбора в последнюю минуту, навьюченная рюкзаками и всевозможными коробками и свертками с лекарствами, консервами, одеждой.

Волновалась я, конечно, зря: лишь через сорок минут появился нетерпеливый молодой человек и строго предложил нам поторопиться в автобус. При этом он обратился к нам так, словно в задержке виноваты пассажиры.

До элегантного новенького голубого автобуса было недалеко. Со всем своим багажом я подошла к нему последней. Как ни странно, он оказался совершенно пуст, в то время как развалюха-автобус без крыши, стоявший поодаль, был набит до отказа. Кто-то помахал мне из него и громко крикнул:

— На Покхару сюда!

Я с трудом втиснулась вовнутрь, прихватив валявшийся под автобусом почтовый ящик британского посольства. На нем виднелась внушительная, но малоэффективная надпись: «На службе ее величества». Мой багаж кое-как прикрепили к остаткам крыши. Пришлось нанять мальчика, в обязанность которого входило следить за багажом.

Водителя в автобусе не оказалось. Он появился минут через десять, достал из-под сиденья сандалии, надел их, тем самым обозначив, что официально приступил к исполнению своих служебных обязанностей. Затем он поудобнее устроился на сиденье и включил мотор.

Взревев, словно раненый зверь, автобус рванулся и покати́л по немощеной дороге. Я испугалась за мальчика, который сидел на крыше. Как ни странно, но и он, и мой багаж оказались на месте, когда мы прибыли через сорок минут в аэропорт Гаучар.

В Непале восемь взлетно-посадочных полос, и все они, за исключением Покхары и Горкхи,— в тераях. Непальские самолеты совершают туда ежедневные рейсы. Благодаря сравнительной дешевизне билетов (около трех фунтов стерлингов за сотню миль) многие непальцы за какое-то десятилетие сменили первобытные способы передвижения на самые современные.

Сначала меня удивило, что возле самолета толпилось много крестьян. Однако вскоре я поняла, что вместо того, чтобы тащиться пешком десять дней и при этом тратить деньги на пищу и ночлег, они, естественно, предпочитают добираться до места назначения за каких-то тридцать минут самолетом.

В это время года указатель направления ветра на Гаучаре не нужен — ветер гонит по летному полю столбы желтой пыли — зрелище пугающее и в то же время завораживающее. Более всего поражает все же царящий в порту неопи́сываемый беспорядок. Просто уму неопостижимо, как пассажирам удается добраться до места назначения, и к тому же в одном самолете с багажом.

По расписанию самолет в Покхару должен был вылететь в 14 часов 30 минут. В 14 часов 15 минут я зашла в закусочную аэропорта, чтобы выпить чашку чая. В 14 часов 25 минут из громкоговорителя понеслись какие-то быстрые нечленораздельные звуки, которые могли означать на любом языке что угодно. Я была настроена оптимистично, поэтому решила, что объявлена посадка на мой рейс. Однако, выглянув из окна, я увидела, что большая тележка с нашим багажом так и осталась стоять там, где ее загружали. Хотя я и понимала, что это еще не означает задержки рейса, но твердо решила не отходить далеко от своих с таким трудом добытых медикаментов.

После второй чашки чая я вышла на веранду. Толпа навьюченных пассажиров в отчаянии бросалась из стороны в сторону. Люди пытались выяснить друг у друга, когда и каким рейсом отправляется их самолет. От гула голосов звенело в ушах. Четыре «Дакоты» (две из кото-

рых — машины почтенного возраста, приобретенные давным-давно у ирландской авиакомпания) выстроились на летном поле. Пассажирам оставалось следить, в какой самолет погрузят их багаж, и кидаться в том направлении. Багаж представлял собой удивительное зрелище. Чего тут только не было: и жестяные сундуки, и тюки с постелью, и деревянные ящики с замками, и огромные узлы, и набитые до отказа мешки, и пластмассовые ванны, заполненные бог знает чем, и небрежно связанные картонные коробки, и брезентовые и матерчатые сумки, и жестянки, и плетеные «докары» (корзины носильщиков), похожие на огромные гнезда ткачиков. Когда, наконец, четверо носильщиков поволокли к самолету тележку с нашим багажом, я бесцеремонно отправилась наблюдать за погрузкой, так как здесь всем разрешается свободно разгуливать по летному полю.

Через полчаса громкоговоритель вновь захрипел, и к нашему самолету потянулись пассажиры. Создавалось впечатление, что мы действительно наконец вылетим в Покхару. Внезапно движение прекратилось. Пассажиры что-то кричали, и молодой непальский учитель объяснил мне на английском, что наш рейс переносится на завтра на семь утра. Мне такой поворот событий показался настолько естественным, что я не почувствовала и половины того раздражения, которое охватило моих спутников-непальцев. Я вернулась на веранду и села в ожидании разгрузки самолета и воссоединения с моими медикаментами, к которым после стольких перипетий я испытывала почти материнские чувства. Молодой учитель присел возле меня. Его светлое с правильными чертами лицо выражало огорчение. Когда я спросила его, не знает ли он, почему отменили рейс, он со вздохом ответил:

— Просто не явилась команда. Это часто случается после затянувшейся вечеринки, а в Катманду их бывает много,— и добавил: — Извините, вам так трудно приходится в нашей стране.

Я искренне ответила, что для меня пребывание в его стране — радость, что здесь нет и половины тех трудностей, которые существуют на Западе. Боюсь, он мне не поверил.

К этому времени тележку с нашим багажом повезли к веранде и стали поспешно разгружать. Мой новый

знакомый объяснил, что следующий рейс на Симру, городок в тераях, отложили из-за того, что тележка была занята нашим багажом. Когда половину багажа сбросили на землю, прошел слух, что наш рейс все-таки состоится. Вновь началась полная неразбериха. Носильщики с рейса на Симру, потеряв терпение, стали забрасывать на тележку свой багаж, не дожидаясь, пока сгрузят наш. Все смешалось. Объявления о рейсе на Покхару не было, и носильщики яростно спорили, какой багаж загружать. Я на всякий случай стала спасать медикаменты, пока их не отправили в тераи. Время шло, носильщики пререкались, перебрасывали с места на место, словно мячи, тюки и чемоданы. Вдруг снова все засуетились, послышались радостные восклицания моих будущих спутников — значит, мы спасены! Как я узнала позднее, американский посол с женой должны были лететь в Покхару нашим рейсом. Это и заставило снять команду с другого, менее удачливого рейса.

Наконец мы взлетели. Я совсем не нервничала: ведь пилоты и инженеры непальской авиакомпании за последние восемь лет установили рекорд безопасности полетов, которому может позавидовать любая более опытная и организованная авиакомпания,— и это в стране, где опасность полета особенно велика из-за высоких пиков, предательских ущелий, неустойчивой погоды и слабого технического оборудования.

В это время года Гималаи скрыты тучами, и наш тридцатипятиминутный полет прошел довольно спокойно. Я смотрела в окно, одолеваемая желанием побродить по этим хребтам двух-трехкилометровой высоты, дразняще проплывавшим внизу. Но в мае такой поход был бы труден, так как широкие каменистые русла рек превратились в ложе для пересыхающих ручейков, а террасированные склоны гор — в сухие коричневатые уступы, оживляемые лишь зеленью лесов, покрывающих вершины хребтов. Лишь на возвышенностях виднелись разбросанные среди кукурузных полей деревушки, и на многие мили тянулся запутанный узор выющихся вдоль гор тропинок.

Мы мягко приземлились на широкой равнине Покхары, вышли из самолета и тут же оказались в толпе непальцев, среди которых бросались в глаза пять высоких американцев. Они пробирались сквозь толпу к свое-

му послу и его жене. По полю бегали чумазы, любопытные, смеющиеся дети и энергично проталкивались работающими локтями босые пассажиры, которые стремились, не дожидаясь разгрузки багажа, попасть в наш самолет, готовящийся к рейсу в Бхайраву. Нас сразу же окружили напористые носильщики (преимущественно женщины в ярких лохмотьях и тяжелых звенящих украшениях) и опромное количество любопытствующих местных жителей, из которых мало кто когда-либо летал, или собирался лететь, или вообще имел отношение к пассажирам и багажу. Как только я выбралась из толпы, возле меня оказался молодой полицейский в мятой форме цвета хаки с огромной регистрационной книгой, в которой все прибывшие иностранцы должны оставлять сведения о себе.

Пока я заполняла регистрационную книгу, ко мне подошел высокий худой тибетец, одетый по-европейски. Он тепло поздоровался со мной. Мешая тибетские и английские слова, он представился как Амдо Кесанг — владелец отеля «Аннапурна», нового одноэтажного строения в тибетском стиле на холме в сотне ярдов от летного поля. Около ворот весело развевались молитвенные флажки. Хотя это заведение вряд ли можно назвать отелем в нашем понимании, ненавязчивое тибетское дружелюбие более чем компенсирует некоторые неудобства.

Затем Амдо Кесанг представил мне своего двоюродного брата Чимбу, уроженца Лхасы, торговца. Он несколько лет прожил в Индии и свободно говорил на китайском, хинди, непали и довольно неплохо по-английски. Теперь Чимба — переводчик и «старшóй» в лагере беженцев в Покхаре. Я с облегчением вручила ему медикаменты и отправилась пить чай с Кесангом.

Вернувшись минут через двадцать, Чимба познакомил меня с миссис Кэй Уэбб, удивительно жизнерадостной и изобретательной английской старой леди, которая с прошлого декабря несла ответственность за состояние здоровья тибетцев. Три года Кэй проработала в индийском штате Майсур фельдшером в поселении, где жили тысячи тибетцев. У нее нет медицинского образования, не считая курсов Красного Креста, и в какой-то степени именно поэтому она приносит здесь больше пользы. Медицинские знания лишь помешали бы применению тех

импровизированных средств, которые часто являются единственно результативными в таких местах, как Покхара.

Дорога через общинное пастбище к деревне Парди, вытянувшейся вереницей деревянных, кирпичных и глинобитных домов вдоль западной части аэродрома, заняла не более десяти минут. Кэй живет на окраине деревни в двухкомнатном, крытом соломой домике с деревянной расшатанной лестницей и неровным земляным полом. В доме водятся крысы. Комната на первом этаже превращена в амбулаторию. На втором этаже Кэй спит и готовит на керосинке еду.

Не прошло и пятнадцати минут, как примчался Чимба и сообщил, что американский посол с женой хотели бы осмотреть лагерь. Мы заторопились по ухабистой деревенской «улице» к другому участку общинной земли, где около пятисот тибетцев разных возрастов жили в лагере с прошлой зимы, когда они пришли из самой северной части непальского дистрикта Долпа. Большинство из них принадлежат к племенам кочевников, которые пасут овец и яков в районе непало-тибетской границы и не признают никакой дисциплины или контроля. Правда, в известных пределах они принимают авторитет его святейшества, однако и политическое и религиозное влияние Поталы было номинальным. В Катманду ходит множество рассказов о своеволии тибетцев — в различных версиях в зависимости от религиозных, политических, социальных или личных пристрастий рассказчика. Выявить из этих рассказов правду практически невозможно. Думаю, не будет ошибкой, если я скажу, что тибетский беженец в Непале заметно самостоятельнее своего соотечественника в Индии.

В настоящее время тибетцы еженедельно получают здесь паек из американских продуктов — зерно, хлопковое масло и сухое молоко. Живут они в ста двадцати рваных полотняных палатках, но мы надеемся обеспечить их лучшим жилищем до начала муссонов в середине июня.

Во время осмотра лагеря я сделала неожиданную покупку. Когда мы шли между палатками, существо, лежавшее на ладони одного тибетца, очень маленькое, очень черное и очень голосистое, привлекло мое внимание. Пронзительный писк притянул меня как магнит, и

через минуту сделка состоялась. Мне предложили двенадцатидневного щенка тибетской дворняжки за десять с половиной шиллингов. Интересно, что сказали бы астрологи, узнав, что щенок родился в тот самый день, когда я приехала в Непал?

Только Пенджунг, руководитель лагеря, пригласил нас выпить чаю в его палатке, как разразилась гроза. Сопровождавшие посла Стеббинса американцы решили, что лучше немедленно отвезти его с супругой в относительно комфортабельный центр «Корпуса мира»³⁷ в Покхаре в четырех милях от лагеря. Пенджунг торопливо достал два белых шарфа и возложил их на Стеббинсов до того, как прибыл джип туристского департамента и увез гостей.

Кэй и я выпили чаю с Пенджунгом, его женой и четырьмя дочерьми. Дождь лил потоками как снаружи, так и внутри прохудившейся палатки, где мы сидели, поджав под себя ноги, на грязной бамбуковой циновке. Возле нас бродили цыплята. Жена Пенджунга непрерывно кашляла, а в углу плакал больной дизентерией грудной ребенок. Однако тибетцы никогда не поддаются унынию.

Когда ливень на время стих, мы пошли по щиколотку в грязи по скользкой дороге обратно в деревню. Там мы увидели заглохший джип, возле которого отчаянно хлопотали два молодых американца, в то время как счастливые и радостные Стеббинсы сидели на деревянных скамейках в базарной лавке. (Их счастливый вид в тот момент казался блестящим примером дипломатического поведения, но, как я позже узнала, оба они действительно находили удовольствие в такого рода происшествиях.) Кэй тут же пригласила их к себе в комнату, где под завывание ветра, раскаты грома и шум дождя мы проговорили до семи часов, пока не стало ясно, что джип совершенно вышел из строя. Положение спасало то, что Стеббинсы легко приспосабливаются к окружающим условиям, искренне любят Непал, где прожили уже семь лет. Поэтому они легко смирились с тем, что придется поужинать и переночевать в «Аннапурне». Когда к нам присоединились четверо смущенных парней, Кесанг устроил роскошный банкет по-тибетски, изумив всех, так как в это время года в долине ощущается нехватка продуктов — их приходится большей частью

ввозить из Индии. К концу мы совсем развеселились, взбодрившись посольским джином, непальской фракши, тибетским чангом³⁸ и ирландским виски. Это сочетание, по всей вероятности, приведет к весьма своеобразному похмелью.

Из европейцев в долине живут еще три врача-миссионера, работающие в колонии для прокаженных, расположенной за аэродромом, восемь врачей-миссионеров — штат больницы — и супруги Маквильямс, молодые новозеландцы. Они обосновались на окраине Покхары. Мистер Маквильямс — эксперт по овцеводству, командированный в Непал ФАО (продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН).

Прежде чем лечь спать, я вышла в поле, и предомной предстала картина такой красоты, что на мгновение я усомнилась, не иллюзия ли это. На севере под чистым небом и плывущей в вышине луной массивной белой грядой вытянулся хребет Аннапурны, а над ним и, казалось, над всем миром вздымалась остроконечная, строгая и необыкновенно красивая вершина Мачхапучхре, где живет божество, покровитель Покхары. Дух захватывает от такой красоты. Под светом луны в полном покое долины серебристые снега сияют холодным блеском, одухотворенные и ошеломляюще живые. Это молчаливое величие привело меня в восторг.

13 мая.

Я проснулась в 5 часов 30 минут под знакомые успокаивающие звуки тибетской утренней молитвы. Когда я вышла умыться, восточный край неба был оранжевым, и первые солнечные лучи «зажгли» вершину Мачхапучхре. Затем они залили весь хребет, окрашивая снега в удивительные цвета. Радость созерцания гор просто приподнимает над землей!

Эта долина всего на три тысячи футов выше уровня моря, здесь значительно жарче, чем в Катманду. Ее население примерно 12—15 тысяч, и кроме Катманду это единственная большая долина в горах Непала. Находясь на перекрестке дорог из Центрального и Западного Непала в Индию, она имеет определенное значение как торговый центр, но далеко не выглядит такой процветающей, как более плодородная долина Катманду.

От Парди долина тянется на юго-восток, и вдалеке

видны низкие холмы, на юго-западе они покрыты густым зеленым лесом, а у их основания, всего лишь в нескольких минутах ходьбы от Парди, лежит большое изумрудно-зеленое озеро, которое, видимо, и дало долине имя («покхара» на непали означает «озеро»). Красота долины несравненна, пышная субтропическая растительность контрастирует с холодными белыми контурами снежных пиков. Не удивительно, что непальцы надеются со временем превратить долину во второй Кашмир.

Однако с практической стороны в Покхаре есть свои неудобства. Предметы первой необходимости (если они бывают в продаже) продаются по бешеным ценам. Но так как большинство товаров, обычно считающихся предметами первой необходимости, не достать ни за какие деньги, скоро отучаешься считать их необходимыми, что очень благотворно для изнеженной западной души. Фунт сахара стоит полкроны, одно крохотное яйцо — шесть пенсов, мелкий картофель и лук — четыре пенса штука. Других овощей или фруктов в это время года нет. Свежее молоко, масло, сыр, мясо, хлеб и мука просто отсутствуют в продаже, так что приходится питаться рисом, далом, сушеными бобами и яйцами. Что касается деликатесов, то из Катманду привозят индийский, удивительно невкусный растворимый кофе и шоколад по полтора шиллинга за маленькую плитку. На местном базаре сейчас продается отличное сладкое сгущенное молоко из России, а недавно в продаже появился сносный китайский джем в банках. Время от времени Кэй позволяет себе индийское сливочное печенье по семь с половиной шиллингов за фунт. Думается, непальское бюро по туризму может использовать эту ситуацию как новую приманку для тучных западных туристов: «Наслаждайтесь захватывающей красотой долины Покхары и худейте на здоровье!»

Сегодня Чимба сказал, что скоро я смогу снять комнату в дальнем конце Парди за пятнадцать шиллингов в месяц, поэтому я отправилась за хозяйственными покупками на базар Покхары. Из Парди дорога все время идет вверх мимо аккуратных двух- или трехэтажных домов брахманов, чхетри и гурунгов. Их желтовато-коричневые стены мягко светятся на фоне свежесколотых кукурузных полей, бамбуковых, апельсиновых рощ и другой, неизвестной мне растительности. Повсюду па-



Одна из улиц Покхары

сутся самодовольные черные коровы, абсолютно уверенные в своем священном положении и выглядящие значительно более упитанными, чем их индийские соплеменницы. Странно, что мы должны покупать импортное сгущенное молоко, в то время как в долине много коров; но заметно — это не молочная порода: вымя у них совершенно не развито. И то небольшое количество свежего молока, которое потребляют местные жители, очевидно, буйволиное.

Час неторопливой ходьбы — и я попадаю в центр городка Покхара и безнадежно влюбляюсь в него. Трудно определить, чем он привлекателен: нельзя сказать, что он особенно красив, или живописен, или весел, или экзотичен, но тем не менее он самобытен, этот маленький непальский городок, где сразу близко соприкасаешься с древними и прочными традициями, определяющими поступки, мысли и чувства местного жителя. Можно согласиться, что за много веков эти традиции стали тормозом для общества, но стабильность и монотонность жизни здесь неотразимо притягательны для истосковавшихся по ним европейцев.

По обе стороны Главной улицы Покхары гордо стоят трех- или четырехэтажные, крытые черепицей дома. Весь первый этаж в них занимают лавки, двери которых гостеприимно распахнуты. С любого места в городе можно увидеть по крайней мере один запущенный, но часто посещаемый индуистский храм. На перекрестках сидят на корточках одетые в рванье уличные торговцы, разложив в пыли свой жалкий товар — яркие индийские стеклянные браслеты, небольшие лубочные картинки на религиозные темы, пачки булавок, хрупкие гребни, тяжелые бисерные ожерелья и прочую мелочь. Остается надеяться, что это не единственное их средство к существованию.

На Главной улице в удивлении останавливаешься перед останками грузовика. В долине имеется шесть или семь небольших джипов, но, так как все машины приходится доставлять самолетом, я была восхищена этим «памятником» чрезмерного оптимизма. При таком состоянии местных дорог и отсутствии механиков неудивительно, что грузовик ездил недолго.

Даже по непальским понятиям Главная улица чрезвычайно ухабиста. Кажется, она была перерыта каким-то

разгневанным божеством, чтобы помешать людям спокойно ходить по городу. И действительно, мне сказали, что улицу специально разрыли несколько лет назад, когда местные власти опрометчиво взялись ее мостить. Однако, когда более или менее терпимая дорога превратилась в адское месиво из глыб и впадин, власти опомнились и забыли о дороге, а ухабы остались.

На первый взгляд Покхара выглядит весьма внушительным торговым центром, но очень скоро становится ясно, что ассортимент товаров ограничен тканями, сигаретами, спичками, ручками, электрическими фонарями, лампами, кожаным товаром, керосином, рисом, далом, сушеными бобами, дешевым чаем, крупной солью, сахаром, печеньем и какао. Я пыталась купить небольшую керосинку, но их нигде не было. Пришлось ограничиться двумя эмалированными кружками, тремя маленькими алюминиевыми мисками вместо тарелок, крохотным чайником, кастрюлей немного большего размера и тремя чайными ложками — самого низкого качества, хотя и обошлось все это мне в тридцать пять шиллингов.

Почти все товары на базаре завезены из Индии (правда, соль все еще доставляют из Тибета). Вот почему их продают на вес. Система взвешивания весьма своеобразна; даже иностранцы, живущие в Непале годами, не в состоянии понять ее, хотя сами непальцы принимают эту систему всерьез. Для начала на чашу весов бросают горсть маленьких бесформенных кусочков металла, затем, если этого недостаточно, торговец небрежно, не поднимаясь с места, наклоняется вперед, берет с земли несколько камней и подкладывает их. Но я чувствую, что в этом сумасшествии есть какая-то система, и не думаю, что это обман. Более того, я порадовалась сегодня — мне дважды вернули лишние деньги, когда я, не зная непали, платила больше, чем требовали.

Сегодня на закате я пошла купаться. Вода в озере была слишком теплой и не освежала, но с помощью карболового мыла я избавилась от пыли и пота. Даже при живом воображении трудно убедить себя, что вода чистая. Но пока озеро — единственный источник питьевой воды, так что потребуется немало керосина, чтобы прокипятить эту жидкость перед употреблением.

У ПОДНОЖИЯ МАЧХАПУЧХРЕ

21 мая. Покхара.

Вот уже прошел месяц (целый месяц!) с тех пор, как я покинула Лондон, но лишь сегодня мне удалось наконец устроиться на новом месте. Неделя проведена в необъяснимых, но не столь уж неожиданных задержках. (По моим подсчетам, в Непале почти половина времени уходит на ожидание того, что произойдет, по всей вероятности, завтра или послезавтра, если произойдет вообще.)

Я живу в заново отстроенном особняке, в комнате, в которой почти отсутствует мебель. Ее размеры — примерно двенадцать на пятнадцать футов. Здесь великолепно, если бы не крысы. Их тут много. Именно сейчас мое внимание привлек какой-то блеск. Взглянув на грубые деревянные балки, поддерживающие плоскую крышу из рифленого железа, я увидела светлячков, но, присмотревшись, поняла, что ошиблась: на меня задумчиво смотрят три огромные крысы. Они, видимо, интересуются, насколько надежно удастся новой обитательнице этого жилища прятать свои продукты.

Комната внизу задумана как лавка. Пол в ней земляной, там находится «Лео». Напротив двустворчатой двери расположены грубо сколоченные полки. На ночь дверь изнутри запирается на засов, а днем, если возникает необходимость, на замок снаружи. Последняя предосторожность просто смехотворна, так как почти все замки в Покхаре открываются одним ключом. Из этой комнаты по шаткой бамбуковой лестнице можно через люк без крышки подняться в мою спальню. Здесь пол деревянный. За тонкой перегородкой — другая комната. Она расположена над лавкой хозяина. Между досками перегородки такие широкие щели, что мой сосед Тхуптен Таши, молодой тибетский учитель, может и видеть, и

слышать все, что происходит в моей комнате. Сейчас, когда я пишу, Тхуптен проводит вечерние занятия по английскому языку с несколькими прилежными детьми старшего возраста. Вот только что они усердно скандировали на неправильном английском:

— Где ты был-ходил?

Долго выдержать такое невозможно. С мукой в голове я крикнула:

— Извините, Тхуптен, но все-таки надо говорить «куда ты ходил»!

Я не виню несчастного Тхуптена. Мне приходилось видеть учебник английского языка для непальцев, из которого до бесконечности можно цитировать подобные фразы: «он девочка»; «это одна картины на стенах».

Окно в моей комнате без стекол, но с деревянными ставнями. По местным понятиям, оно довольно большое — четыре фута на три — и выходит на юг. Отсюда видны поля и зеленые лесистые холмы. В стене на уровне глаз сделаны две небольшие культовые ниши. В них я храню кухонные и туалетные принадлежности — зубную щетку и пасту. Я сплю на бамбуковой циновке в углу: в это время года кровать не нужна. Однако надеюсь, что до наступления холодов приобрету спальный мешок у какой-нибудь альпинистской экспедиции, возвращающейся домой. В комнате есть новый стол и несколько табуреток (их быстро и искусно смастерил здешний плотник), деревянный ящик (в нем я храню продукты и посуду) и пустая четырехгаллоновая канистра из-под керосина для питьевой воды (такая квадратная канистра на базаре стоит два шиллинга; в ней удобно носить воду).

Сегодня вечером я вполне довольна жизнью — из лагеря тибетцев, расположенного напротив моего дома, доносятся песни. За стеной неистово хохочут ученики Тхуптена: видимо, у них хватает здравого смысла не принимать всерьез уроки английского языка.

23 мая.

Я все время путаю здесь и дни и числа. Для меня они не так уж важны, но, часто имея дело с официальными инстанциями, необходимо знать точную дату. В Непале это осложняется из-за того, что месяцы местного календаря начинаются с середины. **Непальцы,**

знающие английский язык, пользуются и тем и другим календарем, при этом они не оговаривают, по какому календарю в данном случае живут. Такое положение может привести (и подчас приводит) к невообразимой путанице.

Не так давно я вела переговоры о найме нескольких тибетцев на строительство гидроэлектростанции, которая сооружается с помощью Индии. Сегодня я посетила эту стройку. Она находится футов на триста ниже среднего уровня долины Покхары, в жарком ущелье, по которому бежит речушка, вытекающая из озера. Поговорив с прорабом-индийцем, я отправилась взглянуть на речку. То, что я увидела, превзошло все мои ожидания. Оказывается, это — настоящий плавательный бассейн, длиной около ста пятидесяти ярдов, шириной в десять, а глубиной в двадцать футов. Бассейн расположен всего в пяти минутах ходьбы от строительства, где мне в ближайшие недели предстоит часто бывать. Высокий серый утес по одну сторону от него и отвесная лесистая гора по другую делают это место сравнительно уединенным. Вода здесь светло-зеленая и не такая теплая, как в озере. Можно даже убедить себя, что проточная вода не грязная. Несомненно, она освежает лучше, чем вода в озере. Обеденный перерыв я провела, купаясь в речке, ведь в такую жару есть совсем не хочется. Одно плохо — пока подынешься, снова начинаешь обливаться потом.

У речки я впервые в Непале увидела змею. Когда я маневрировала среди каменных глыб, блестящих от слюдяных прожилок, и сосредоточенно думала о проблеме рабочей силы на строительстве, внезапно раздался довольно странный звук. По камням у самых моих ног с шелестом проползла змея длиной не менее шести футов. Она двигалась быстро, шурша сухой чешуей. Прежде чем змея исчезла в щели между двумя валунами, я заметила, что она оливково-зеленого цвета с коричневыми пятнами. Выходя из речки, я очень осторожно заглянула в расщелину и увидела, что змея все еще там. Мне кажется, она никак не могла уразуметь, почему люди беспокоят невинное пресмыкающееся, которое мирно греется на солнце.

Днем я поехала на велосипеде в Покхару, чтобы привести в порядок три счета в местном банке. Здание банка охраняется двумя вооруженными до зубов и не-

брежно одетыми солдатами, заядлыми курильщиками. Сначала попадаешь в мрачную пустую прихожую, а затем по темной расшатанной лестнице поднимаешься в низкую грязную комнату-пещеру, контору банка, где работают с десяток чиновников. Лишь один из них, насколько я могу судить, умеет писать на каком-либо языке.

Из-за моего полного невежества в финансовых вопросах сегодняшние банковские операции показались мне чрезвычайно мучительными. Пришлось заполнять бесчисленное множество анкет для отсылки в Дублин и Лондон. Они отпечатаны на непали и вряд ли возымеют должный эффект в месте назначения. К тому же у меня скверное предчувствие, что, поскольку ни я, ни юный управляющий не знали, как правильно оформить операцию, мы заполнили не те анкеты.

Вечером Кэй одолжила мне настольный термометр, чтобы я воочию представила себе весь ужас своего положения. Сейчас половина десятого вечера. В комнате 31 градус по Цельсию. Я постоянно вытираю пот с лица, шеи и рук. Однако жаловаться нет причин — по сравнению с температурой в Индии, здесь еще терпимо.

28 мая.

Непальцы проявляют повышенное любопытство к быту иностранцев, при этом они не берут в расчет потребность в уединении. Последние недели они толпами заходят в мою комнату. То, что они видят, вызывает у них негодование, пробивающееся сквозь все языковые барьеры. Бросив беглый взгляд на комнату, посетители с возмущением говорят, что мне не следует спать на полу, самой готовить пищу на маленькой капризной керосинке, стирать и купаться в реке. Они строго указывают, что надо нанять хотя бы одного слугу, снять комнату побольше и с более прочной лестницей и глиняным полом в доме с соломенной крышей, под которой прохладно. Поскольку на непали мне известно только одно слово — «хорошо», я не устаю его повторять. Сначала энергично, весело, потом решительно и, наконец, по мере того как растет настойчивость моих посетителей, почти сердито. Однако мой энтузиазм не убеждает их. Я слышу, как они, покинув свое убежище, продолжают осуждать меня на улице в разговоре с прохожими.

Можно было бы ожидать, что приспособление европейца к местным условиям усилит симпатию к нему, но здесь ничего подобного не происходит. Вместо этого непальцы начинают сомневаться в искренности — или, возможно, в умственной полноценности — европейца, отказывающегося от европейского образа жизни из приверженности к простой жизни или из-за недостатка денег. Они представить себе не могут, что европеец решил жить на их уровне, вернее, на более низком, так как все непальские семьи, кроме самых бедных, держат слуг, — и явно теряются при виде дамы, «превращающейся в непалку». Поэтому я с прискорбием отмечаю, что в этом обществе, зараженном предрассудками и крайне консервативном, «жить по-непальски» — самый долгий путь к интеграции.

Местная почтовая система поистине восхитительна. Почтовая служба в Непале существует, но она ненадежна, и посольство Великобритании по пятницам любезно присылает с самолетом почту для миссионеров, Кэй и для меня. Так как обе больницы находятся от аэродрома далеко, то Кэй и мне разрешили снимать печать на почтовом мешке и вынимать свою почту, прежде чем Джозеф, маленький жилистый слуга-магар, унесет мешок. Несомненно, этот ритуал — главное событие недели. Самое волнующее — сидя на корточках на пыльной посадочной полосе, перерыть огромную кучу конвертов и наконец обнаружить те несколько знакомых и дорогих сердцу конвертов, которые адресованы тебе. Наша почта прибывает то одним, то другим рейсом. Никакой системы нет. Вот и сегодня в 10 часов 30 минут, завидев пятнышко на небе, я оседлала «Лео» и ринулась к аэродрому лишь для того, чтобы узнать, прибыл ли наш мешок с почтой или нет. Не привезли его и на другом самолете, который совершил посадку в 1 час 40 минут. Однако часа через два мы с радостным облегчением увидели Джозефа. В руках у него был наш милый брезентовый мешок, который доставил последний самолет.

По разным причинам каждую пятницу я трачу много времени на ожидание самолетов. К счастью, мне никогда не надоедает смотреть, как всадники на богато разукрашенных конях разъезжают по взлетной полосе, огибая крылья «Дакот» под музыкальный перезвон колокольчиков, которому ликующе вторит цокот копыт, и как под

синим небом десяток женщин в развевающихся на ветру малиновых юбках грациозно пересекают полосу, полускрытые корзинами, наполненными сочной зеленой травой, и огромными золотистыми плетеными зонтиками.

Иногда на аэродроме появляются растерянные босонogie юноши из далеких деревень. В руках у них маленькие жестяные сундучки со скудными пожитками. Они намерены присоединиться к своим родственникам, «процветающим» в частях британской армии. Здесь часто можно увидеть и солдат-гуркхов, приезжающих в шестимесячный отпуск после трех лет службы. По сравнению со встречающими их грязными, в нестираной поношенной одежде домочадцами солдаты выглядят удивительно элегантно. Из самолета они выходят в накрахмаленных, тщательно отутюженных шортах цвета хаки, ярких рубашках и широкополых соломенных шляпах. Вместо скромного сундучка, увезенного из дома, у каждого не менее четырех огромных чемоданов с висячими замками. Разумеется, домой эти чемоданы, согнувшись, несут жены, матери и сестры, поддерживая груз широкой брезентовой головной лямкой, а возвратившиеся «герои» важно вышагивают впереди: через плечо — дорогой фотоаппарат, в руках — транзисторный приемник, заглушающий хриплыми воплями их оживленный разговор с родственниками-мужчинами, которые почтительно идут возле с легкой ручной кладью. Карманы «героев» полны рупий. Они получили их от продажи на аэродроме превосходных швейцарских часов и японских карманных приемников по баснословно низким ценам.

Сначала можно испугаться невероятного хаоса, царящего в каждом уголке аэродрома. Даже наименее пугливые европейцы приходят в ужас при виде взлетной полосы, на которой за десять минут до прибытия самолета дети запускают воздушных змеев и играют с собаками, безмятежно пасется скот, флегматично бредут караваны мулов и шагают к далекой цели носильщики, нагруженные огромными тюками.

Часто видишь, как люди беззаботно покуривают в гостеприимной тени под крылом самолета. Когда он взлетает, оставляя за собой воздушный вихрь, только дети безмятежно резвятся и танцуют. Никто и не шевельнется. Пассажиры, стоящие в дверях кассового зала, страдают от мучительной оптической иллюзии, что

крыло вот-вот обезглавит человек двадцать. Кстати, для деревенских дворняг это самый радостный момент. Истерически лая, они преследуют каждый взлетающий самолет с энергией, не уменьшающейся даже от очевидной бесполезности погони, и иногда некоторым счастливицам чуть ли не удается вцепиться в заднее колесо.

Однако впечатление хаоса обманчиво, и хотя все время кажется, что катастрофа неминуема, не происходит ни одного несчастного случая, которые вроде должны были бы иметь место. Когда в небе над краем долины появляется точка, дежурный выдувает дрожащий звук из инструмента, похожего на старый судейский свисток, и сразу пастухи неистово бросаются на взлетную полосу, осыпают камнями и проклятиями свой скот, который недовольно, но безропотно уходит через дыру в покосившейся ограде из колючей проволоки. На время разбегаются и собаки. Дети хватают и уносят младенцев. Караваны мулов ударяются в галоп, а носильщики со всех ног кидаются прочь. И когда самолет снижается в конце взлетной полосы, на ней не остается никого, кто мог бы пострадать. Я считаю это ежедневным чудом.

Последнее время я была занята в основном надзором за строительством бамбуковых хижин, в которые мы надеемся переселить большинство тибетцев еще до начала муссона. Однако в это время года трудно добыть циновки и жерди.

Сегодня нас снова ждала неудача: крестьянин, который сначала согласился продать сорок стволов бамбука, неожиданно заявил, что астролог посоветовал ему отказаться от сделки, так как расположение звезд неблагоприятно для рубки бамбука на его земле до начала муссона. Отказ объяснялся чисто практической причиной — рубить бамбук в мае труднее всего. Конечно, от выполнения обещания легче уклониться, если сослаться на всезнающего астролога. В Непале каждому понятно, что против такого аргумента нечего возразить. Здесь даже время вылета личного самолета короля астрологи определяют наравне с метеорологами.

Чимба сообщил мне об отказе часов в пять вечера, и мы тут же отправились на велосипедах искать более сговорчивого крестьянина. Мы ехали через один из тех прекрасных уголков долины, которые я еще не успела

осмотреть. Земля к югу от Парди сейчас серая, сухая и невзрачная, но в полумиле к северу от деревни попадаешь в другой мир — прохладный и зеленый, где узкие тропинки проходят в тени высоких деревьев с густой листвой, а искривленные бамбуковые стволы высотой более ста футов склоняют свои лохматые верхушки над полями кукурузы в человеческий рост. Около половины седьмого запад окрасился в странный тусклый свет. Вскоре смягченные солнечные лучи, пробившиеся через рваные медные облака, окрасили в золотисто-красный цвет весь ландшафт. Круглые поля цвета охры засветились гигантскими фонарями на темно-зеленом фоне.

Больше часа мы бродили от двора ко двору по щиколотку в желтовато-коричневой пыли, то и дело оказываясь среди буйволов, испуганных видом велосипедов. В первом доме мы заговорили с застенчивым мальчиком лет восьми-деяти и его прадедом — древним стариком с такой морщинистой кожей, что его ноги казались одетыми в коричневые нейлоновые чулки, не по размеру большие. Неудивительно, что переговоры не имели успеха. Владельцы двух других дворов, сообразив, что мы не собираемся переплачивать, бесцеремонно заявили, что бамбук им нужен самим. Будучи брахманами, эти люди были враждебно настроены против нас, неиндуистов — не столько, я думаю, из-за нашей ритуальной нечистоты, сколько из-за того, что проникновение чуждых идей в долину угрожает приносящему им столько выгод влиянию на односельчан. В конце концов нам обещали двадцать два ствола бамбука различного размера и качества. Но так как завтра суббота (неблагоприятный день для рубки бамбука), мы не сможем послать за стволами ранее чем воскресным утром, а там астрология может снова помешать нашим планам.

Возвращаясь домой по дороге, которая шла вдоль берега озера, мы миновали уродливый новый королевский дворец в псевдоевропейском стиле и весьма почитаемый индуистский храм, поднимающийся из воды в двухстах ярдах от берега. Когда дворец исчез из виду, я спешила и попросила Чимбу ехать вперед, а сама решила отдохнуть на берегу озера. Редко мне доводилось видеть такое чарующее зрелище: огромная ширь изумрудной воды под высоким сводом бронзовых облаков, сквозь которые едва угадывались ближайшие вершины.

В половине шестого утра Чимба взобрался по шаткой лестнице в мою комнату (тибетцы несколько не смущаются, увидев полуобнаженную женщину) и радостно сообщил, что немецкая альпинистская экспедиция, отправляющаяся на Аннапурну, нанимает сорока двух тибетцев в качестве носильщиков на двенадцать дней и платит двенадцать рупий в день. Если учесть, что средняя плата носильщика составляет три рупии в день, то легко понять воодушевление Чимбы. Мы вместе отправились в лагерь, чтобы отобрать двадцать одного мужчину и двадцать одну женщину. Список их имен и регистрационных номеров необходимо было представить анчоледи³⁹, чтобы тот дал им разрешение временно покинуть дистрикт.

К девяти часам мы составили список, и я передала его Кэй, которая взялась его отпечатать. Тут нам сообщили, что экспедиции требуются только мужчины. Оказывается, дорога в базовый лагерь экспедиции проходит через какую-то индуистскую деревушку, ортодоксальные обитатели которой испытывают последнее время большие затруднения при общении с местным божеством потому, что проходившие через деревушку путешественники убили их цыпленка. Поэтому было бы жестоко подвергать терпение божества дальнейшим испытаниям, позволяя внекастовым, особенно женщинам, проходить через эту деревню.

Мы вернулись в лагерь, чтобы пересмотреть список, и я заметила, что даже Чимбе, при всей его терпимости, трудно смириться с подобными препятствиями, особенно после вчерашней задержки из-за астрологов.

В последнее время я замечаю, что среди специфически непальских заболеваний есть одно, свойственное лишь постоянно живущим здесь американцам. Оно известно как «культурный шок». На обычном языке это означает раздражение местными запахами и привычкой непальцев выбрасывать отбросы на улицу. Страдающих этой болезнью не утешает и то, что в деревнях отходы моментально поедают коровы, свиньи, собаки, лошади, козы, куры и утки. К счастью, европейцы не подвержены этому заболеванию. Несмотря на «приличное воспитание», Кэй и я быстро научились выбрасывать в окна

яичную скорлупу, картофельные очистки, луковую шелуху, выплескивать грязную воду, не думая о прохожих, которые, правда, в это время года защищены зонтиками. Придется приложить все усилия, чтобы избавиться от этой привычки до своего возвращения на родину.

Сегодня в полдень под моим окном разразился грандиозный скандал. Все началось с того, что одна молодая женщина дала пощечину другой якобы за то, что та — любовница ее мужа. Через минуту неведомо откуда под окном образовалось море из колышущихся черных зонтиков, прикрывавших полторы сотни возбужденных людей, которые ожесточенно препирались, размахивали руками и старались перекричать друг друга. Лично я склонна думать, что это сугубо семейный вопрос. Однако не исключено, что все «болельщики» являлись членами семей, которых касалось происходящее. Шум продолжался минут сорок. Наконец муж сильно побил зонтом обеих женщин и послал их (судя по тону и выражению лица) в индуистский эквивалент ада — или, может, пожелал им стать червями в будущем рождении.

В Непале мужчина обычно и не скрывает своей неверности (жена же обязана тщательно скрывать свои похождения), поэтому ссора должна была на этом и закончиться. Однако вместо того, чтобы с приличествующим женщинам смирением принять наказание, обе женщины, заключив временное перемирие и поспешно вооружившись закрытыми зонтами, набросились на мужа. Несколько мужчин схватили их, скрутили им руки и куда-то увели. Правда, женщины успели щедро наградить их пинками и царапинами. Я заметила, что в толпе, к огромному удовлетворению окружающих, вспыхнула новая ссора.

Стычки явно относятся к любимым развлечениям непальских крестьян. Поневоле приходишь к выводу, что внешняя нецивилизованность, проявляющаяся в подобных сценах, в некотором смысле здоровее нашей сверхцивилизованности, требующей массового применения транквилизаторов.

Наблюдая частые ссоры среди непальцев или просто походив несколько часов по базару, после возвращения в лагерь вдруг отмечаешь разительный контраст. Тибетцы редко повышают голос, как бы горячо ни спорили.

Вместо радостного приветствия непальцев «намастэ» тибетцы встречают знакомых молчаливым поклоном или почтительным высовыванием языка на всю длину⁴⁰. Трогательно наблюдать эту сдержанность тибетцев. Притом нет разумных оснований связывать это их качество с буддизмом, потому что они остаются под влиянием более грубой и более древней религии бонпо⁴¹.

Погода стоит ужасная. Восемь дней не было дождя, и температура в моей комнате под тонкой жестяной крышей к двум часам дня достигла 37—38 градусов по Цельсию. К ночи она опустилась до 31 градуса. Я, измученная солнечным дерматитом, разделась и легла на бамбуковую циновку. Крысы «убаюкивали» меня: тремели посудой и ложками и злобно визжали друг на друга. Сначала было как-то беспокойно и неприятно лежать на полу. Возле меня метались крысы. Они могли в любой момент вцепиться в мое распластанное тело. Я уже привыкла к ним, хотя все еще боюсь прогнать, потому что грубое обращение их ожесточает. Недавно Кэй пыталась ночью согнать крысу с подушки, и та укусила ее за палец. Миллионы маленьких коричнево-красных муравьев доставляют еще больше хлопот: они добираются до любой пищи и ночью появляются щекочущими (но не кусающими) ордами. Вначале я пыталась бороться с ними: вытряхивать из риса, гороха, сахара, вынимать из сгущенного молока, но вскоре сдалась — ведь жизнь так коротка! Теперь я даже считаю, что муравей в пище — мой главный источник протеина. Так что спокойных ночей здесь ждать нечего. И все-таки я вполне довольна всем, ведь выбора все равно нет.

3 июня.

Сегодня я отличилась: исчезла на восемь часов. Дело в том, что Кэй попросила меня сходить в миссионерскую больницу «Сияние» за историями болезни, а затем забрать рентгеновские снимки из индийского военного госпиталя, который расположен на другом берегу Сети. В больнице «Сияние» один из миссионеров любезно, хотя и не очень вразумительно, указал мне кратчайший путь до госпиталя.

Часам к двум я поняла, что нахожусь на полпути в Индию. Возвращаться было уже поздно, поэтому я без

особых угрызений совести решила извлечь все возможное из этой вынужденной прогулки.

Обычно я хорошо ориентируюсь на местности. Здесь же вскоре поняла, что все больше теряюсь, а компас оставила в рюкзаке в Парди. В таких случаях обычные способы ориентировки в Непале неприменимы, и я готова была всерьез поверить, что даже солнце стало попирать законы природы. Одна из трудностей состоит в том, что человек не может отличить один от другого низкие лесистые холмы, разбросанные по долине, и начинает плутать, подгоняемый мыслью о том, что мили через две-три обязательно окажется в Парди. Однако на его пути неожиданно возникает река в глубоком величественном ущелье, которое невозможно пересечь,—и так до бесконечности.

Парди и Покхара обозначены на туристских картах рядом с аэродромом; но всего в каких-то нескольких милях от них, в той же долине, расположены деревни, совсем не тронутые цивилизацией. Мое появление там на велосипеде произвело настоящую сенсацию. Местные жители были так потрясены моим появлением (одни испугались, другие обрадовались), что не могли вразумительно ни объяснить, ни показать дорогу. Какой-то мужчина указал мне на тропинку, которая, казалось, вела прямо в никуда. Я решительно пошла по ней и вскоре оказалась на краю другого, а может быть, того же самого ущелья.

День был на редкость жаркий, и к трем часам дня я изнемогала от жажды и усталости. Если верить спидометру «Лео», я преодолела более сорока миль. Мне казалось, что я никогда не выпутаюсь из лабиринта тропинок. Я с трудом спустилась к реке и двинулась вдоль Сети. Вскоре пришлось жестоко расплачиваться за свой опрометчивый поступок: проделать с «Лео» немало акробатических трюков и упражнений на выносливость, которым я никогда еще не подвергалась, даже с «Роз». А ведь «Лео» вдвое тяжелее «Роз». Наконец я сообразила, что к воде можно спуститься футов на сто, не более. Будь у меня хоть капелька смекалки, я бы поняла это сразу. Присев в тени дерева у края обрыва, чтобы выкурить сигарету, я с горечью думала о предстоящем подъеме и о новом единоборстве с тропинками.

Однако в таких местах невозможно долго преда-

ваться грусти. Внизу среди бесцветных валунов несла свои воды Сети, быстрая, стремительная, хотя и узкая в этот сезон, река. На противоположном скалистом берегу возвышались ровные лесистые холмы, окружившие ущелье широкой вытянутой дугой, а позади ступенями уходили вверх безмолвные, залитые солнцем поля, которые я только что пересекла. Я не предполагала, что в долине есть такое уединенное место. Последние несколько часов люди встречались только в окрестностях нескольких деревень, а здесь не видно было даже и следа человеческого. Но затем, когда почти патологическое нежелание повернуть назад заставило меня проехать почти мило по низкой, пахучей, выжженной солнцем тропе, приведшей меня к этому ущелью, на самом краю пропасти я увидела длинный дом. Это неуклюжее сооружение из бревен и камня было скорее помещением для скота, зерна и дров, однако там жили старуха, ее сын с женой и пять внуков. Трое младших голых малышей со вздутыми животами бегали возле дома. Недалеко от этого жалкого жилища (самого бедного из виденных мною за пределами горного района Гилгита в Индии) виднелись несколько акров чахлах посевов кукурузы и стояли три хилых дерева, под которыми тощий буйвол пережевывал жвачку — я так и не поняла, из чего она состояла. Обычная непальская «лестница» (бревно с зарубками) вела в убогую комнатку. Вся семья была в сборе. По очереди они курили местную разновидность хукки⁴². Увидев меня с «Лео» у лестницы, обитатели немало удивились. Я попросила воды. Люди жестами пригласили меня подняться и подали медную чашу с речной водой. Вода слегка пахла экскрементами (или это мне померещилось?), однако в тот момент она показалась мне самым изысканным напитком. Не думая о последствиях, я трижды осушила чашу. Тем временем обитатели дома пытались завести со мной беседу. Они никак не могли поверить, что я не знаю непали. Это были очень веселые люди, хотя на вид не казались здоровыми. Когда первое удивление прошло, они заговорили со мной как со старой знакомой.

Мне очень хотелось узнать, как семья попала в такую глушь. Возможно, она принадлежала к касте бывших рабов, освобожденных после отмены рабства в Непале 28 ноября 1924 года, которая считается сейчас не нам-

ного выше неприкасаемых.⁴³ Эти люди могут вступать в брак только между собой. Известно, что в то время было освобождено около пятидесяти тысяч рабов. Шестнадцать тысяч рабовладельцев получили от государства компенсацию. Большинство освобожденных оставались крепостными у бывших хозяев еще лет семь. Затем они стали батраками. Это «улучшение» положения часто ставило несчастных в еще более трудные условия, поскольку хозяева не обязаны были теперь обеспечивать пищей, одеждой и жильем своих бывших рабов. Однако предприимчивое меньшинство превратилось в носильщиков и сумело накопить денег на покупку небольших участков пустующей земли. Вот именно такой участок и обрабатывали мои новые знакомые.

Прежде чем расстаться с ними, я попыталась выяснить, в какой стороне находится Парди. Тогда старший сын, мальчик лет четырнадцати, вызвался за рупию показать мне дорогу. Я уже заплатила этим несчастным за воду и, конечно, не пожалела рупию для мальчика. Однако отметила про себя, что не менее бедные мусульмане и тибетцы, встречавшиеся мне во время путешествий, оказывались более гостеприимными.

Покинув лачугу, мы отошли на полмили от реки через немилосердно царапающий ноги густой колючий кустарник, доходящий до колена, и оказались у подножия обрывистого откоса футов в пятьсот. Здесь мальчик показал рукой в небо, сказал «Парди», улыбнулся и стремглав бросился прочь.

Взглянув вверх, я подумала, что за такую информацию рупии платить не стоило. Обрыв зарос кустарником и больше напоминал обиталище обезьян, чем дорогу, которая может куда-нибудь привести. В кустах я увидела нечто отдаленно напоминавшее тропинку, хотя она больше была похожа на пересохший ручей. Этот подъем трудно было преодолеть даже без велосипеда, и только дьявольским сочетанием настойчивости и грубой силы мне удалось поднять «Лео» наверх, на равнину.

К тому времени каждый мускул у меня дрожал от страшного напряжения: мне приходилось подниматься самой и тащить «Лео» на пятифутовые валуны, перебираться через четырехфутовые расщелины и густые заросли. Наконец я присела отдохнуть и осмотреть новые горизонты, которые, к сожалению, совсем не каза-

лись новыми. Я увидела такие же холмы с трех сторон, такое же ущелье (правда, под другим углом зрения) и такую же полоску нехоженой тропинки, которая, казалось, исчезает при одном взгляде на нее. Изменилось лишь небо. Оно внезапно потемнело от долгожданных грозных облаков. Самым разумным было двигаться — в любом направлении. Я оседлала «Лео» и, полная надежды, двинулась на северо-запад, казавшийся таким же разумным направлением, как и юго-восток.

Минут через двадцать я обогнула холм и увидела перед собой деревню. Слева от нее — еще одно ущелье, на дне которого протекала река. К счастью, гроза началась тогда, когда я добралась до окраины деревни. Я люблю погулять в грозу, но теперь, согнувшись, ринулась к ближайшему укрытию — небольшому домику турунгов. Я боялась, что град поцарапает мне лицо, так как ураган пронесся по долине со скоростью сто десять миль в час. Эту цифру назвал мне позднее летчик. Он застрял в этих местах из-за непогоды. Летчик также рассказал, что во время подобных ураганов град иногда уничтожает скот. Конечно, слово «град» может ввести в заблуждение: через открытый дверной проем влетали, словно пули, острые льдинки. Их было огромное количество, а некоторые из них очень крупные. В руках рассерженных горных богов град — оружие весьма эффективное.

Сегодня какое-то божество определено было чем-то рассержено. Никогда я не видела такого сильного урагана, ни в свой предыдущий приезд, когда разразился муссон в Гималаях, ни зимой на острове в Северной Атлантике. Вместе с перепуганными жителями деревни я пережидала ураган в хижине. Из окна я увидела, как высокая кукуруза на крошечном поле хозяина моментально была прибита к земле. Ветер смел с сеновала одинокий стог и понес вдаль на высоте двадцати футов от земли, словно в истории о Мэри Поппинс. Я понимала, что мои соседи беспокоились не только за свои семьи, жилища или урожай. Их пугало, что они потеряли расположение духов и те обрушили на них свой гнев. Обычно я не боюсь грома, молнии, но сегодня готова была усмотреть в ярости стихии, как и крестьяне, какой-то злой рок.

Сильно похолодало, и вскоре все замерзли. Минут

через сорок град внезапно прекратился, и под проливным дождем я снова двинулась в путь. Все тропинки превратились в ручьи. В их потоках неслись нерастаившие серые градины. Только сейчас, преодолевая на велосипеде потоки воды глубиной в фут, я сообразила, что утром проезжала эту деревню. Значит, хотя я по-прежнему не имею представления, как попасть в Парди, можно все-таки попытаться вернуться в Покхару старым путем.

Долина, еще утром изнывавшая от иссушающей жары, превратилась в бурный океан. Со всех сторон коричневыми потоками неслась вода. Поля здесь расположены так, что дождевая вода, переливаясь с одного на другое, стекает в реку. Скоро ехать на велосипеде стало невозможно. Я пошла пешком сквозь сплошную стену дождя, через согретые землей потоки по колено в воде, волоча за собой несчастного «Лео». В одном месте пришлось пересекать реку — насколько я поняла, это была все та же Сети. Раньше вода в ней достигала щиколотки, а теперь доходила до груди. Мне стало страшно. Но тут, словно в сказке, сквозь завесу дождя я разглядела самолет. Он стоял под деревом. Значит, я, как и следовало ожидать, все-таки потеряла дорогу на Покхару и случайно попала в Парди.

Чтобы добраться до аэродрома, мне нужно было пересечь огромные, залитые водой рисовые поля. Шагая по мягкой глине, я по колено увязала на каждом шагу и с трудом тащила за собой «Лео». Мне хотелось добраться до самолета по прямой, чтобы не набрести еще на один низкий зеленый холм, поэтому я с полмили брела вдоль узких, скользких канав, пересекавших рисовые поля. Часто я падала в грязную воду, поднималась и шла словно пьяный по канату. Когда в четверть седьмого вечера я наконец добралась до аэродрома, дождь прекратился и отблески заходящего солнца разлились по долине.

Я направилась в лагерь. Одна мысль о том, что я могла там увидеть, пугала меня. Разумеется, лагерь сильно пострадал: большинство палаток были разорваны в клочья, а четыре унес ветер (в том числе палатку одного из лам). С аэродрома вода хлынула в лагерь. Чтобы подойти к нему, нужно было пересечь поток шириной в двадцать и глубиной в четыре фута, в котором

за несколько минут до моего прибытия чуть не утонул ребенок. Вся одежда, постели и дрова намокли, а земляные печи вышли из строя часов на двенадцать. Так что несчастные не могли ни согреться горячим, ни переодеться в сухую одежду, как это я сделала сейчас.

Несколько поврежденных палаток уже стали переносить в менее затопленные места. Груды мокрых пожитков были разбросаны по всему лагерю. Многие семьи отчаянно копали ложками, ножами, руками канавки, всячески стараясь, чтобы вода спала. Повсюду плавали намокшие картонные пакеты из-под американского молока (здесь их используют в качестве домашних алтарей). У большинства семей насквозь промок полученный по карточкам недельный запас зерна. Перепуганные малыши дрожали возле обрушившихся палаток, а старики тщетно искали сухой клочок земли, чтобы присесть.

Если бы эту страшную картину удалось заснять на кинолентку, зрители не смогли бы сдержать слез. Но положение спасал неистребимый оптимизм тибетцев. Я видела, как, громко хохоча, люди шли вброд через потоки воды. Видно, для большинства из них это было самое веселое развлечение за последние годы. Поэтому я уже не чувствовала такого угрызения совести перед ними за то, что имею крышу над головой.

Сначала мне казалось, что здесь все улицы и переулки расположены в руслах пересохших рек. Теперь я точно знаю, что это так и есть. Возвращаясь домой, я увидела яростно бурливший между зданиями поток, доходивший мне до колен, в водах которого мимо моего дома пронесли три мертвые курицы идохлый щенок.

Как обычно, окно в моем доме оставалось открытым, в результате в комнате был настоящий погром: на полу валялись рис, лук, разбитые яйца, промокшие бумаги и книги, сломанный фонарь. И все было залито керосином. Я собрала рис (все равно его продают грязным), а в комнату привела соседскую собаку и скормила ей яйца. Теперь я пишу при свете карманного фонарика.

К счастью, мой «винный погреб» уцелел, так что я не лишена «духовного» утешения. В данный момент оно состоит из напитка, изготовленного в Катманду (его продают по семь шиллингов за пинту) и с немалой долей воображения именуемого ананасным вином. При этом названии перед мысленным взором предстают пожилые

леди (типа отставных миссионерок), отважно прихлебывающие напиток, изготовленный по прабабушкиному рецепту и содержащий 0,001% алкоголя. Однако здесь этим скромным названием обозначается зелье, которое и быка свалит с ног. (Недавно один мой гость уверял, что можно загнать на Эверест паровой каток, заправленный этим зельем, но мне это показалось небольшим преувеличением.) Ясно одно: ананасное вино — вовсе не вино, и я сомневаюсь, чтобы ананасы как-либо использовались в его производстве. По-моему, это чистый самогон, окрашенный в зеленый цвет. Даже для самых крепких достаточно двух ложек этого «вина», а третья, вероятно, вызовет мрачные галлюцинации с последующим летальным исходом. Страшно подумать, к чему может привести его регулярное употребление. Однако время покажет.

4 июня.

С сегодняшнего дня в моем доме поселился лама, который остался без крова. Его палатка была уничтожена ураганом. Лама подошел к порогу моего дома и спросил:

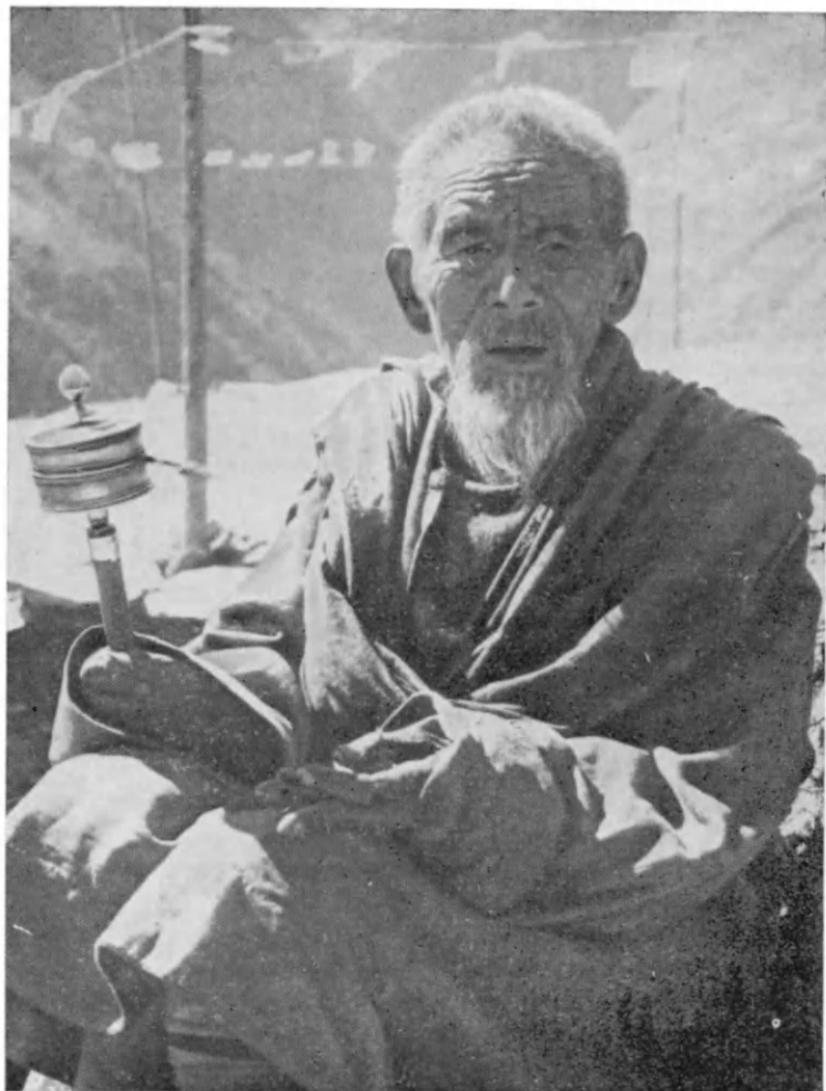
— Мадам, позвольте войти и жить у Вас?

Сначала я растерялась, меня одолевали некоторые сомнения — не те, которые в подобных случаях возникают в Европе, меня беспокоило то, что беженцам жить и питаться вне лагеря не разрешается. Однако лама есть лама, поэтому после минутного колебания я ответила:

— Хорошо, но вы должны отдать мне свою продовольственную карточку, и каждую пятницу утром я буду приносить ваш паек.

Его лицо расплылось в широкой улыбке. Несколько раз поблагодарив, лама отправился за своими пожитками.

Через полчаса я увидела отряд из двадцати двух мальчишек, направлявшихся к моему дому. Каждый нес по пять огромных томов в матерчатом переплете. У последнего мальчика в руках оказалось лишь три тома. Произведя быстрый подсчет в уме, я пришла к выводу, что они несли полный комплект буддийского канона — все сто восемь томов, основной багаж ламы. К счастью, остальной его скарб был более скромным —



Старый лама

курильница, молитвенное колесо, ритуальный барабан, дордже⁴⁴, молитвенный колокольчик, небольшая фотография его святейшества, одиннадцать маленьких серебряных лампадок для возжигания перед портретом и (из нерелигиозных предметов) помятый котелок, деревянная чашка для питья, оправленная в серебро, и вонючая шкура яка, служившая ламе постелью. Теперь маленькая комната внизу превратилась в небольшой храм, из которого поднимался аромат благовоний, а моя жизнь стала скрашиваться звуками ритуальной музыки. Нежная мелодия барабана и колокольчика кажется мне такой очаровательной, что при звуках ее я бросаю все свои дела и слушаю, слушаю.

Сегодня снова разразился сильный ураган, — правда не столь разрушительный, как вчерашний. Однако не следует путать подобные ураганы с муссоном, который начнется только дней через семь-десять. Мне сказали, что ураганы предвещают муссон. Вечером температура понизилась до благодатных 24 градусов по Цельсию. Впервые за несколько недель с моего тела исчезла сыпь, и я предвкушаю спокойный сон ночью.

5 июня.

Оказывается, я ошиблась. Соседство с ламой имеет свои минусы, главный из которых — привычка его преподобия молиться с трех часов утра под полное звуковое оформление. К сожалению, в такое время даже самые нежные мелодии оставляют человека равнодушным. Видимо, следует попросить его отложить свои заутрени хотя бы до половины шестого утра, но боюсь, что это будет не совсем тактично с моей стороны. Учитывая, что вечерняя молитва ламы кончается не ранее одиннадцати часов вечера, для его здоровья было бы невредно спать подольше. Ламы, видимо, уже давно покончили с нашими плотскими потребностями в регулярном питании и восьмичасовом сне. Его преподобие может молиться по шесть часов, при этом ни один мускул на его лице не дрогнет.

6 июня.

Сегодня мне удалось поближе познакомиться со своим высоким гостем во время ужина, на который я была приглашена вместе с Тхуптеном Таши. В семь ча-

сов вечера мы пошли к нему со своими тарелками, ложками и солью. К этому времени я обычно уже успеваю зверски проголодаться, так как днем почти ничего не ем. Однако трапеза состоялась лишь в половине десятого — ей предшествовал весьма интересный разговор и чашек девять-десять чая с маслом.

Тхуптен Таши — лучший переводчик из всех тибетцев, которых я когда-либо знала. С его помощью лама кратко поведал мне историю своей жизни.

С детства он мечтал уйти послушником в монастырь секты гелукпа⁴⁵. В восемнадцать лет его, как единственного сына и наследника, отец, зажиточный крестьянин, женил на дочери крестьянина-соседа. Говорят, подвести лошадь к воде — еще не значит напоить ее. Так и лама Онгьял, приведенный к супружескому ложу, не довел брак до его логического завершения. После двух лет целомудренной семейной жизни он отказался от наследства и убежал в монастырь в Кхаме — несомненно, к радости своей жены-девицы, которая теперь могла подыскать более практичного партнера. В Кхаме Онгьял постигал истину под руководством высокоученого наставника в течение шестнадцати лет, затем провел отшельником три года в пещере в Гималаях, на высоте восемнадцати тысяч футов над уровнем моря. Позднее он вернулся в монастырь, прошел последние испытания и стал гуру (учителем) в монастыре Дрепунг, откуда и бежал в район Долпа в 1959 году.

Я сказала ламе, что мои познания о тибетском буддизме очень поверхностны. Это весьма вдохновило его, и он сопроводил краткую автобиографию лекцией о том, как важно постичь бренность всего сущего и вести соответствующий образ жизни. Однако я слушала его рассеянно, так меня мучили нестерпимые муки голода. Несмотря на всю свою заинтересованность, я пропустила некоторые глубокие высказывания ламы. Он поинтересовался, верю ли я в бога, и одобрительно кивнул, услышав утвердительный ответ. Лама заметил, что многие современные европейцы — атеисты. Это вызывает у него немалое сожаление, ибо христианство — хороший путь к познанию бога. Я вынуждена была признать, что являюсь не совсем ортодоксальной христианкой. Услышав это, лама слегка забеспокоился и выразил надежду, что я не буддистка. Буддисты-европейцы, которых он

встречал в Катманду, весьма жалки и фактически лишь воображают себя буддистами.

Тем временем двенадцатилетний мальчик, слуга ламы Онгьяла, готовил для нас ужин на костре, разложенном среди камней. Когда еду наконец подали, я заметила, что хозяин с нами не ест. Мне хотелось спросить, ест ли он вообще — насколько я заметила, он питается только чаем с маслом, — но я удержалась из опасения показаться невежливой. Ужин состоял из риса, дала и картофеля — по тибетским понятиям, настоящий пир.

10 июня.

Сегодня утром две «Дакоты» с остатками багажа немецкой экспедиции поднялись с аэродрома. Альпинисты оставили много продовольствия. Это было выгоднее — дороже стоило бы доставить его в Катманду. Пожалуй, все непальское и тибетское население Парди и ровно половина европейского (то есть я) кинулись к «Аннапурне» за своей долей. Я, потеряв всякий стыд, ухватила банку шоколадного печенья и две банки мясного экстракта. Кто поживет в Покхаре хотя бы месяц, тот неминуемо забудет о гордости при виде таких деликатесов, которые к тому же достаются даром.

Что касается тибетцев, то сегодня лагерь полон тубиков, консервных банок, пакетов и пластиковых мешочков с невиданными яствами. Красивая разноцветная упаковка интригует тибетцев не меньше, чем загадочное содержимое. Прогуливаясь по лагерю, я наблюдала, как за ужином тибетцы с интересом смешивали печеночный паштет с цзамбой, добавляли шоколад в чай, жевали суповые кубики, как конфеты, а затем выплевывали. Из палатки слышались страшные вопли несчастной девочки, которую заботливая мать накормила целой ложкой густой горчицы.

Идет оживленная торговля. Обычно, когда экспедиция заканчивается, проводникам-шерпам дают «на чай». Тут и спальные мешки, и теплые куртки, и сапоги, и транзисторы, и электробатарейки, и нейлоновые веревки, и много других вещей, редких для местных жителей. Большую часть из них шерпы продают с аукциона во дворе «Аннапурны» перед возвращением домой. Завтра сюда придет японская экспедиция с Дхаулагири. Настроение у членов экспедиции и у шерпов будет подав-



Дети тибетских беженцев в одной из школ

ленное, так как два самых опытных проводника погибли под снежным обвалом. Говорят, у японцев еще больше диковинных вещей, чем у немцев, так что мы с нетерпением ждем утра.

Кроме того, завтра национальный праздник — день рождения короля Махендры.

15 июня.

Проснувшись утром, я увидела необыкновенное зрелище: небо было покрыто легкими облаками, за которыми скрылись высокие горы и почти исчезли ближайшие холмы. Неопишное облегчение испытываешь при виде

этой серой влажности. Хотя все еще 23 градуса жары по Цельсию, однако как приятно после режущего глаз блеска последних недель эта прохладная пасмурность, когда облака защищают землю от зноя! В полдень солнце вновь появилось и палило до пяти часов вечера, когда (благодарение богу!) начался муссон — не сильным ураганом, а ливнем с непрерывными раскатами грома и частыми вспышками голубых зарниц. По пути домой после ужина у Кэй я не раз падала на скользкой, мокрой дороге в кромешной тьме, воцарявшейся между вспышками молний, ярко освещавшими всю долину. А сейчас дождь так оглушительно барабанит по жестяной крыше, что я с трудом слышу собственные мысли.

Я не вдаюсь в подробности всех испытаний и перипетий, связанных со строительством хижин для лагеря. Скажу только, что после этих мучений многотерпеливый библейский Иов наверняка бы спился. Из-за бюрократизма непальских чиновников и нерасторопности тибетцев эта операция заняла времени в десять раз больше, чем следовало.

В настоящее время мы можем переселить только половину лагеря из сильно прохудившихся палаток под чуть менее протекающие бамбуковые навесы. По-моему, медлительность тибетцев в данном случае — это своеобразное пассивное сопротивление. Кочевников явно больше устраивает традиционное уединение в рваных палатках, чем совместная жизнь под навесами. И, как всякий человек, предпочитающий комфорту уединение, я втайне сочувствую им. Тибетцы еще не испытали на себе последствий муссона и не понимают, что переселение в более сносные условия для них вопрос жизни или смерти в буквальном смысле слова, особенно для тех, которые уже ослаблены жарким климатом долины и непривычной пищей.

16 июня.

Меня разбудил стук дождя по крыше. Температура в комнате упала до 21 градуса по Цельсию. Парди сегодня необычно тих: не слышно шума приземляющихся и взлетающих самолетов. Однако непальский муссон — всего лишь бледная копия индийского, поэтому вряд ли мы будем отрезаны от Катманду дольше чем на неделю. Дождь перестал к десяти утра, и до вечера, пока он не

возобновился, стояла изнуряющая жара, хотя небо, к счастью, было затянуто облаками.

Последние четыре дня я люблюсь двумя парами хищных скоп, поселившимися на лесистом обрыве над моим «бассейном». Они величиной с коршунов, с красивым красновато-золотистым оперением. Мне нравится наблюдать, как они, устремившись вниз, скользят над поверхностью зеленой воды, а потом победно взмывают в голубое небо с серебристой рыбой в когтях. Два раза я видела и огромных серебристо-синих зимородков, похожих, когда они ныряют, на большой сапфир. В долине много хищных птиц, необычайное разнообразие знакомых мне певчих разновидностей, множество соек, синиц, ворон, зябликов, ласточек и, конечно, отвратительных пожирателей падали — важных грифов с блестящими желтыми крючковатыми клювами, неуклюжей походкой и хищным видом.

На прошлой неделе мне в лагерь принесли двух необычных пациентов — птенцов. Их мать убили в лесу охотники-непальцы. Птенцов спас Дава — тибетец, собиравший хворост. Вид этого высокого, неуклюжего, внешне сурового парня с двумя крошечными существами, завернутыми в грязную тряпку, приятно удивил меня. Дава беспокоился, что птенцы не желали клевать пшеницу. Чем же их кормить? Я посоветовала наловить насекомых, и Дава, осторожно положив своих подопечных в карман чубы⁴⁶, торопливо отправился в энтомологическую экспедицию вместо того, чтобы строить себе навес. К моему удивлению, птенцы выжили и весело прыгают вокруг палатки Давы, забавляя его трехлетнего сына.

Я уже почувствовала, что муссон имеет свою отрицательную сторону — ночью появились целые полчища насекомых. В ставнях непальцы делают небольшие квадратные отверстия для вентиляции. Через них в комнату налетает невообразимое количество насекомых, привлеченных светом лампы. Сейчас все, что лежит на столе, буквально кишит этими созданиями. Я даже бросила писать и насчитала восемнадцать их разновидностей — от огромных щеголеватых мотыльков, ярко-зеленых кузнечиков длиной в два дюйма и красновато-коричневых рогатых жуков до комаров и крылатых муравьев...

ТИБЕТЦЫ В ПУТИ

18 июня. Покхара.

Чтобы закончить навесы, нам не доставало еще около полутора ста бамбуковых циновок, но в долине мы уже скупили все, что возможно. Сегодня я узнала, что, наверное, кое-что удастся приобрести в Сиклисе, деревне, расположенной в двух днях ходьбы отсюда. Поэтому я поручила Чимбе отправиться завтра на рассвете с двадцатью пятью тибетцами и принести столько циновок, сколько удастся добыть.

Я ожидала, что он обрадуется даже столь короткому походу, поскольку, как и у большинства тибетцев, у него врожденная страсть к бродяжничеству и торговле, но, как ни странно, Чимба не выказал особого желания идти в Сиклис. Когда я потребовала объяснений, он заявил, что и в лучшие-то времена дорога туда очень трудна, а сейчас, когда вода в реках поднялась, просто опасна. Аргумент вроде бы серьезный — однако он меня не убедил. Я продолжала настаивать, и Чимба признался, что не исключены неприятности в Сиклисе, где частое появление вооруженных кхампа⁴⁷ вызвало недовольство местных жителей, и теперь они вряд ли захотят торговать с нами.

Тут я сообразила, что у меня появилась редкая возможность совместить приятное с полезным: сопровождая тибетцев в качестве миротворца, впервые попутешествовать по горам. Чимба тотчас согласился организовать экспедицию с моим участием, так что завтра в шесть утра мы отправляемся в поход.

Сегодня я обнаружила, что за последние двадцать четыре часа река поднялась на пять футов, превратив спокойную заводь в пенистый водоворот. Я осторожно вошла в воду, избегая стремнины, цепляясь за скалу. Вода стремительно перекатывалась через меня. Я вышла

на берег, намылилась с головы до ног и вновь погрузилась, чтобы ополоснуться. Тем временем вода быстро прибывала. Мыло я оставила на небольшом выступе в скале, поднимающейся из воды. За те несколько мгновений, пока я ополаскивалась и одевалась, кусок мыла унесло потоком, а выступ полностью скрылся под водой.

19 июня. Топрунг.

Топрунг — довольно подходящее название для деревушки, прилепившейся у вершины горы высотой в шесть тысяч футов, возвышающейся над глубокой и узкой долиной, ведь по-английски оно звучит как «Верхняя ступенька». Впрочем, я записала это название на слух.

Из-за проливного дождя нам не удалось выйти спозаранку. В семь часов утра мы наконец покинули лагерь и двинулись в приятную серую прохладу. Потом снова была задержка, вызванная исчезновением нескольких человек. Оказывается, они отправились в «Аннапурну» улаживать свои дела, связанные со сделками, которые эти люди надеялись повернуть в Сиклисе; словом, когда мы пересекли взлетную полосу, было почти восемь часов.

Судя по карте Непала, Сиклис расположен к северу от Покхары, но из-за непроходимой местности мы вынуждены были сначала прошагать более пяти миль на юг по дну долины, прежде чем повернуть на восток и пройти две мили вверх по широкому ее ответвлению. Здесь протекала довольно капризная река, которую нам часто приходилось пересекать вброд. Несмотря на быстрое течение, это не составляло особого труда, поскольку уровень воды не поднимался выше бедра, а дно было каменистым. Хотя долина и имеет в ширину полмили, она не возделывается, так как является не чем иным, как пересохшим руслом реки, которое в сезон дождей полностью затапливается. Каменистая поверхность долины не понравилась босоногим тибетцам: многие из них гордо выступили в поход в огромных альпинистских ботинках, приобретенных у различных экспедиций, но вскоре эти символы престижа перековали с ног на плечи. И теперь вид такого количества босых ног на столь жестких камнях вызывал во мне почти физическую боль. Я пыталась настоять, чтобы они хоть на время одели ботинки, но эта идея была катего-

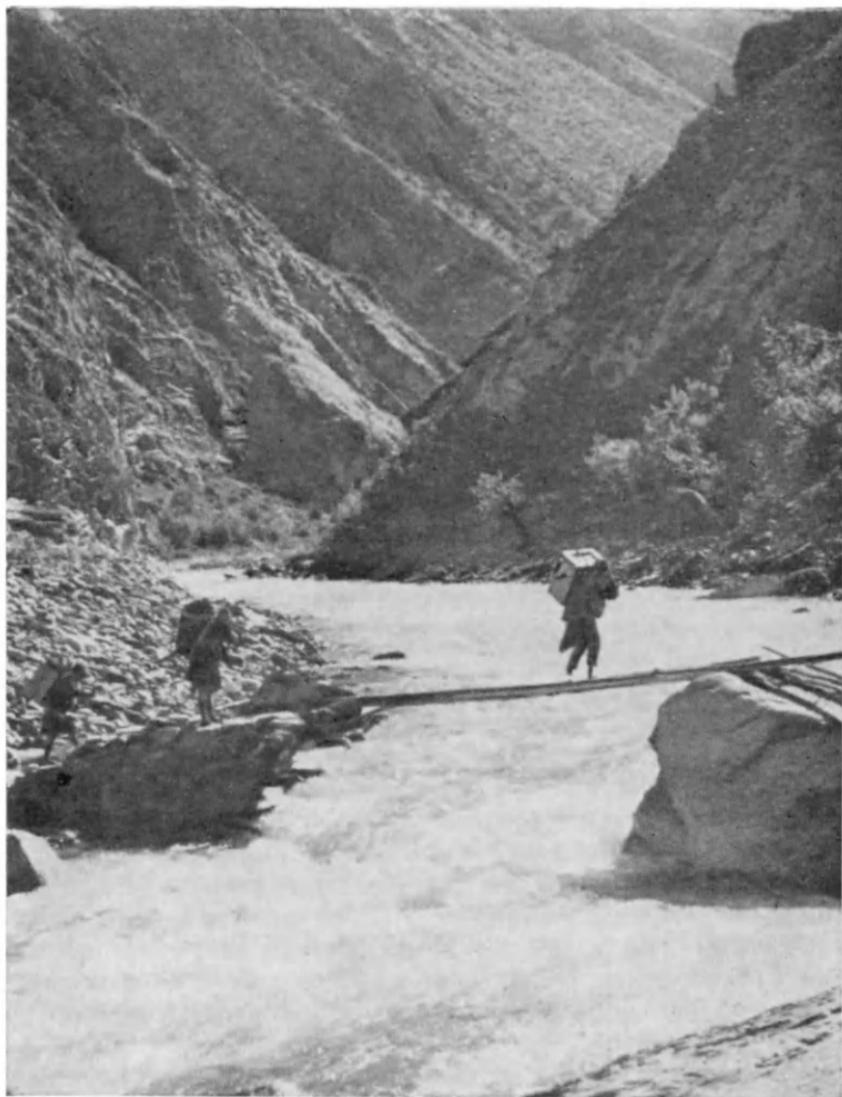
рически отвергнута. В результате в течение следующих полутора часов мы двигались очень медленно.

По обе стороны долины поднимались крутые лесистые холмы, и время от времени мы наталкивались на поросшие травой пригорки, на которых под присмотром худеньких любопытных ребятишек паслось несколько черных коров. Небо уже почти освободилось от облаков, стало припекать, поэтому я часто входила в реку, даже не сняв рубашки и брюк, что было весьма разумно, но вызывало безудержное веселье среди тибетцев. То, что никто из нас никогда не был в Сиклисе, придавало походу оттенок приключения. Вчера весь вечер Чимба искал кого-нибудь из местных, кто мог бы указать нам правильно дорогу, и подолгу расспрашивал их. Как известно, непальцы обычно не слишком точны в описании маршрута, поэтому Чимба даже не скрывал, что не знает, в каком направлении идти дальше.

Пройдя долину, мы в четвертый раз перешли реку, а затем двинулись по одному из ее притоков вверх по крутому ответвлению долины, которая в этом месте возделывалась, а дальше переходила в узкое ущелье. У слияния рек стояли три добротных дома гурунгов, все обитатели которых, от мала до велика, в поте лица трудились на залитых водой полях, вспахивая их на волах, готовясь к посадке риса.

На меня такая гармония природы и человека действует удивительно успокаивающе. В течение долгих жарких дней, предшествующих сезону дождей, работать почти невозможно, и люди наслаждаются бездельем. Затем внезапно приходят дожди и буквально за ночь ландшафт совершенно меняется, а темп жизни резко ускоряется. Здесь человек, чтобы выжить, должен точно согласовывать свои действия с природой; этот естественный жесткий календарь не хуже, чем ритм промышленности, где люди трудятся в ноябре с такой же монотонностью, что и в мае, до одержимости убежденные в своих личных «правах», однако неспособные ощутить себя частью целого.

Все острее ощущается в нашей жизни грозящая человечеству опасность искусственной изоляции от природы, когда упоение технической изобретательностью заменяет древнее инстинктивное осознание связей с остальным мирозданием. Однако, даже если бы существо-



Над бурным потоком

вала возможность вернуться назад, любое подобного рода отрицание положительных сторон цивилизации было бы куда более пагубным, чем нынешнее неразборчивое прятие ее и светлых, и темных сторон.

Я замешкалась — наблюдала за тем, как пахали землю, и теперь, спеша догнать остальных, пыталась представить невообразимое: какой будет жизнь в 2065 году. Очевидно, самое большое, на что можно рассчитывать, — это постепенное перерастание сегодняшнего юношеского преклонения перед человеческим могуществом в новое, осмысленное осознание необходимости верить во что-то большее.

Рисовые поля лежали по одну сторону реки, но я совсем запуталась и уже не знала, на каком берегу — северном, южном, восточном или западном нахожусь. Единственная тропинка вела вдоль насыпи узкого канала, переполненного дождевой водой. Мы двигались гуськом по мягкой глине, и то один, то другой неудачник проваливался по колено в жидкую грязь; и крестьяне, и животные были с головы до ног покрыты плотной темной жижей. Для мужчин, чья одежда состояла из набедренной повязки, это, может, и не так страшно, но женщины в своих широких юбках очень страдали.

На наших мужчинах — потертые брюки или шорты (свои чуба они берегут для праздничных случаев), на женщинах — традиционные тибетские наряды, от которых они еще не отказались. Тем не менее шестеро из девяти девушек носят несшитые юбки, часто встречающиеся в районе Долпа, которых ни я, ни Кэй ни разу не видели на тибетках в Индии. На первый взгляд одеяние кажется похожим на платье до щиколоток, на самом же деле это нечто вроде довольно свободных штанов, не стесняющих движения при ходьбе по горам.

Чем дальше мы поднимались вверх по долине, тем круче становился подъем, а река, зажатая среди нагромождений валунов, становилась все более стремительной и шумной. Когда вязкие рисовые поля остались позади, я обогнала тибетцев, размеренная походка которых, очевидно, приспособлена к поступи нагруженных яков. Вскоре они скрылись из виду, а я оказалась одна в свежем, привлекательном мире высоких лесистых гор, сверкающей воды и напоенного запахом трав воздуха. Часто попадались водопады. Местами долина расширя-

лась настолько, что тропинка, извиваясь среди свежей зеленой травы и серебристых камней, уходила от берега реки. Минут через сорок я добралась до очередного брода. И тут мне стало ясно, почему беспокоился Чимба. Течение здесь столь мощное, а вода настолько мутная, что определить глубину невозможно: прежде чем сделать хотя бы шаг, приходилось нащупывать дно палкой. К счастью, река в этом месте не шире пятнадцати ярдов, и вскоре я оказалась на другом берегу. Камни, перекатывающиеся под ногами, были опаснее всего.

Поджидая тибетцев, я присела покурить и заодно избавиться от пиявок, впившихся в ноги. Мне показалось странным, что, переходя реку вброд, девушки подняли страшную суматоху. Комично было наблюдать, как крепкие юные кочевницы нервно хихикали, словно викторианские дамы, у которых по дороге на званый ужин сломалась карета. Возможно, они рисовались перед мужчинами, хотя, конечно, для неумеющих плавать переход реки вброд — дело довольно рискованное. Правда, умение плавать почти наверняка не поможет, если кого-нибудь понесет горный поток, но, вопреки логике, оно все же придает некоторую уверенность.

Так как многие в группе уже пострадали от пиявок, Чимба решил устроить здесь привал. Для тибетцев это первый муссон в жизни и, следовательно, первая встреча с подобными паразитами. Опасаясь, как бы у кого-нибудь из них не началось заражение крови, я поспешила объяснить, что пиявок ни в коем случае нельзя отрывать от тела; единственное средство борьбы — соль или огонь. Поскольку у нас была только соль крупного помола — а она слишком дорогая, — мне пришлось прижечь пиявок, присосавшихся к ногам пострадавших, сигаретой, при этом я уверяла тибетцев, что ничего страшного в этом нет и, несмотря на обилие крови, никто не умрет от кровотечения. Пасанг, один из самых рьяных спорщиков, заявил, что он уже оторвал пиявку и нога совсем не кровоточит. Попробуй убеди его, что это и есть та опасность, о которой я предупреждала. Я же объяснила, что именно кровотечение спасительно после того, как пиявка отпала. Я уж и не пыталась объяснить, что обильное кровотечение вызвано тем, что пиявка выпускает в рану вещество, препятствующее свертыванию крови.

После привала мы начали подъем на вершину холма высотой более шести тысяч футов. Это была наиболее тяжелая часть сегодняшнего перехода. (Мне так и хочется назвать этот холм горой, но, по местным масштабам, это, конечно, всего лишь кротовая кочка.) Представьте себе лестницу длиной в две мили с очень высокими ступенями, поросшими густым лесом, и вы сможете оценить наше состояние, когда мы наконец оказались на вершине холма.

К тому времени стало очевидно, что мои тибетцы сильно ослабли — сказались шесть месяцев неполноценного питания и непривычного климата. Сейчас они шли налегке и тем не менее едва передвигали ноги, а ведь с детства тибетцы приучены к дальним переходам по суровой местности. Одно меня утешает: на обратном пути, когда они (я надеюсь) двинутся с тяжелой ношей, дорога будет идти главным образом под гору. Я поджидала их на каждом «привале носильщика» (каменной площадке, обычно сооружаемой у подножия большого дерева, где человек может присесть на нижней ступеньке, поместив свой груз на верхнюю). Уложить тяжелую и подчас громоздкую ношу весьма сложно, поэтому такие привалы служат для того, чтобы носильщик мог отдохнуть, не снимая груза. Многим таким «привалам», должно быть, более сотни лет, судя по камням, отполированным бесчисленными ягодицами и принявшим постепенно их форму.

На вершине холма я вновь ушла вперед и неожиданно оказалась у тропы, которая нависала (у меня голова закружилась от страха) над глубоким ущельем, и там, где она поворачивала вправо, поднимаясь на следующий хребет, в тени какого-то гигантского дерева приютился крохотный индуистский жертвенный алтарь, покрытый пятнами засохшей крови. Неестественное искривление придавало дереву столь одушевленный вид, что невольно возникала мысль о демоне-оборотне. Вдобавок чудовищные корни дерева оплели огромную черную скалу (высота ее около ста и ширина около тридцати футов), которая сползла со склона и в неестественной позе застыла над тысячефутовой пропастью. Эти могучие, переплетенные корни стискивали скалу с мучительной яростью, создавая необычайный эффект отталкивающей красоты.

Даже в яркий солнечный полдень здесь царил полумрак, и в полной тишине монотонный, размеренный шум падающих со скалы капель воды казался зловещим. Обычно я не слишком чувствительна. Возможно, если бы я заранее знала, что такое зрелище существует, то сработал бы спасительный скептицизм и я не почувствовала бы ничего, кроме интереса к любопытному явлению природы. Однако этот уголок леса действительно напугал меня. Не удивил меня здесь и алтарь для умиротворения явно недружелюбных духов дерева и скалы. Я трижды приветствовала духов, покачав тяжелый железный колокольчик. Необычно звонкое эхо все еще повторялось, пока я карабкалась на вершину следующего хребта.

Всегда поднимает дух встреча с чем-то неизведанным. Благотворно и полезно столкновение с таинственным, не поддающимся анализу. Благоговеешь, наслаждаясь тончайшими нюансами, перед которыми бессилен разум. Вместе с тем досадно, что все еще ты, выходишь, подвержен влияниям, которые, казалось бы, давным-давно преодолел. Твердо решив, что ни скалы, ни деревья души не имеют, мы оставили себе лишь одно возможное объяснение подобному ощущению: в течение многих веков люди приходили на это место с благоговейным страхом и верой в величие обитающих здесь духов и навечно населили тревогой и страхом тень у подножия стиснутой корнями скалы.

Дорога снова пошла вверх через поля кукурузы к деревушке, разместившейся на узких уступах у самой вершины хребта. Похоже, здесь много мрамора, вот почему эта деревня уникальна по красоте. Когда я наконец оказалась на последних ступеньках лестницы из гладких мраморных плит, у меня появилось ощущение, будто я добралась до роскошного королевского дворца. У местного мрамора так много мягких оттенков — розового, белого, желтого и желтовато-коричневого, что в окружении пленительных вершин и ущелий его красота кружит голову. Как во сне, шла я вдоль домов по блестящим мраморным плитам, а не по обычной каменистой тропе, и — самое поразительное — ярусом ниже видела крыши, покрытые тонкими разноцветными мраморными пластинами, сияющими в прозрачном воздухе.

В центре деревни я остановилась и стала поджидать

тибетцев. Когда они подошли, Чимба объяснил, что местные жители — гурунги — более гостеприимны, чем ортодоксальные индуисты-чхетри в следующем селении, поэтому мы решили поехать здесь. Чимба и я расположились на краю небольшого обрыва, чтобы перекусить вареными яйцами и сырым луком. Остальные разбрелись по деревне в поисках хозяев, которые разрешили бы им приготовить чай для неизменной цамбы на своих очагах.

Нельзя было оторвать глаз от открывшейся моим глазам картины. Поражали не только великолепные мраморные крыши домов, но и стены. Они также были сложены из красивых каменных плит, столь умело пригнанных, что не требовалось даже заделки щелей. Каждый камень, казалось, имел свой собственный оттенок коричневого, кремового или серого цветов. И все же больше всего меня пленил сам камень и хорошо выдержанные пропорции просторных строений — что само по себе требует недюжинного умения. Наличие столь необычного материала позволило местным строителям достигнуть гораздо более высокого мастерства, чем в любой другой соседней деревне. Чимба уверял, что за годы своих путешествий по Непалу ему не приходилось видеть подобной деревни.

Молока нам достать не удалось, но когда наша трапеза подходила к концу, Чимба гордо извлек из рюкзака банки с сухим молоком и швейцарским жидким шоколадом (богатство, доставшееся ему от немецкой экспедиции, — да будет благословенна ее память!). Пока мы лакомились этими деликатесами, орел (их много парит над долинами) с хищно вытянутыми когтями спикировал вниз и схватил курицу, хлопотавшую у брошенной нами яичной скорлупы. Какая же это лютая птица — орел, когда видишь ее вблизи и в действии!

Через час мы снова двинулись в путь. Сначала тропа шла под гору, через расположенные террасами поля кукурузы, затем пересекла реку, круто повела вверх через лес и наконец выровнялась, обогнула крутой склон еще одной горы и привела нас к той самой деревушке чхетри с крытыми соломой домами, окрашенными в коричневато-желтый цвет.

Мой способ переправы через реку совершенно потряс тибетцев. «Мостом» служило узкое, скользкое бревно

около тридцати футов длиной, висящее в пятидесяти футах над шумной рекой, сплошь усыпанной огромными валунами. Поскользнуться на нем было равносильно смерти. Испуганно взглянув, я заявила:

— Я отказываюсь! Еще во времена безрассудной юности я бы и согласилась, но только не сейчас!

Тибетцы немало потешались над моей трусостью. Тут же несколько человек вызвались перенести меня на своих спинах, но я решительно отказалась пускаться в такое рискованное путешествие. Переправа началась. Тибетцы, не задумываясь, гуськом двинулись по «мосту», а я металась на берегу в поисках способа перебраться через реку, но так его и не нашла. В отчаянии я решительно села верхом на это проклятое бревно и осторожно стала ползти вперед. Тибетцы так и падали от смеха. Однако медленно, но уверенно, живой и невредимой, я все-таки перебралась через реку.

Было только половина шестого вечера, и до наступления темноты оставалось еще часа два, поэтому сначала мы решили идти дальше, но, узнав, что устроиться на ночлег между Топрунгом и Сиклисом трудно, а до Сиклиса семь часов ходу, решили заночевать здесь. Перспектива спать под открытым небом в период муссонов нас совсем не прельщала, поэтому мы решили искать приюта у жителей деревни. Спать будем на верандах (одно место стоит пенни). Я оказалась в числе нескольких, особо почетных гостей, поэтому меня устроят на веранде деревенской лавки, в которой ничего нет, кроме сигарет, спичек и ткани, а также керосина. Последним торгуют в лавке не часто. Усталые тибетцы были в восторге от раннего привала. Я тоже обрадовалась неожиданному отдыху. Пока собирали хворост, чтобы вскипятить чай для цзамбы, я отправилась на прогулку к вершине горы. По дороге я упивалась прохладным вечерним воздухом и природой.

По крутой, скользкой, желтовато-красной глиняной тропинке я миновала несколько дворов, стоящих посреди полей кукурузы, достигающей двух метров в высоту. Возле домов паслись козы и разгуливали малорослые куры. Здесь можно встретить немало крупного скота — главным образом крепких волов. В основном выращивают рис и кукурузу, но даже на такой высоте попадались бананы с мелкими, неспелыми еще, плодами.

Я шла вдоль склона горы, в стороне от дороги, и заглядывала во дворы домов террасой ниже. Мне было очень интересно наблюдать за повседневной жизнью местных жителей. Вот молодой отец. Он поглощен игрой с двумя крошечными сынишками, а рядом пожилой мужчина осыпает руганью свою перепуганную насмерть жену и угрожает ей топором. Невдалеке я вижу старика. Он доит козу, однако все время следит краем глаза за маленькой внучкой, которая с увлечением играет с козленком. Наблюдая подобные сцены, забываешь о бесчисленных преградах, разделяющих народы. Однако меня уже заметили, и чувство благостного единения тут же исчезло...

Невозможно описать красоту этого горного края, так как она абсолютна и ее нельзя передать никакими словами. Ни одна книга или фотография, тщательно изученные дома, ни в малейшей степени не подготовили меня к такому величию. Поистине, эту страну надо увидеть собственными глазами, чтобы поверить и полюбить на всю жизнь.

Когда я спустилась в Топрунг, там было еще довольно светло, но необъятная далекая долина внизу уже наполнилась плотной темно-синей мглой, а над горами быстро собирались тучи. Сейчас половина десятого. Уже два часа льет дождь. Вода потоками низвергается из тьмы неба.

20 июня. Сиклис.

В четыре часа утра я была уже на ногах. Полчища клопов не давали мне спать всю ночь. Я металась в постели, проклиная паразитов и до крови расчесывая тело. Ночь была длинной и полной кошмаров. Наконец я задремала, но тут же проснулась. А вокруг крепко спали тибетцы, тем самым давая возможность тысячам зловредных насекомых спокойно продолжать свое пиршество.

Меня очень устраивают тибетцы как спутники в походе, так как их понятие о походном снаряжении соответствует моему. Через каких-то десять минут после подъема мы снова были в пути. С четверть часа мы шли при свете луны. Рассвет наступил сразу, и мы увидели гряду серебристых облаков, плывущих под нами по долине. Дождь едва прекратился, и все вокруг еще было

мокрым. Шумели потоки воды. Мы долго спускались к реке. После дождя тропинка превратилась в настоящий горный поток, через который мы пробирались среди перекатывающихся валунов. Кругом заросли низкорослого кустарника. Здесь нет ни лесов, ни полей. Один раз мы заблудились и спустились на несколько сот футов не в том направлении, но Чимба каким-то шестым чувством вывел нас на тропу.

Сегодня пиявок было гораздо больше, чем вчера. Глядя на тибетцев, можно подумать, что на несчастных напали тигры. Если я буду прижигать каждую пиявку тут же, как только они ее обнаружат, мы не сдвинемся с места. Поскольку укусы пиявок совершенно безболезненны, я попросила не обращать на них внимания до прихода в Сиклис, где мы проведем массовую «противопиявочную» кампанию.

Вторая половина спуска проходила по рисовым полям — некоторая передышка от тяжелой дороги, но тоже по-своему утомительная, так как большую часть времени приходилось пробираться по колено в липкой грязи. Террасированные рисовые поля имели около двадцати ярдов в длину, десяти в ширину и три-четыре фута в высоту, иногда между террасами ступеньками были уложены камни — единственные наши ориентиры, поскольку дороги, как таковой, уже не существовало.

Мы все еще находились футах в трехстах выше реки, когда увидели Сиклис — несколько домиков у вершины обрывистой горы. Видимо, по прямой до деревни было около двух миль, но нам пришлось прошагать до нее восемь.

Долина расширялась к северу на несколько миль. Быстро несла свои пенистые воды широкая река. К счастью, она не отделяла нас от цели нашего путешествия. Отсюда просматривалась и узкая часть долины, за которой возвышалась гора, а на вершине ее прилепился Сиклис. Нашим взорам открылась довольно устрашающая картина: под нами яростно бушевали воды притока реки. Тибетцы в страхе забормотали молитвы. Я оптимистически заверила их, что когда мы спустимся к притоку, то наверняка найдем брод. Однако я ошиблась: слишком глубокой оказалась эта бурная река. Мы потеряли много времени в поисках места, где ее можно было бы перейти. Долго мы прыгали с камня на камень.

Наконец Чимба нашел брод, но камни оказались округлыми валунами, скрытыми под водой, поэтому прыжки никому не показались забавой. Я забеспокоилась, сумеют ли на следующий день тибетцы перейти реку с тяжелым грузом, но тут же постаралась успокоить себя, да к тому же тибетцы внешне казались спокойными...

Раннее утро. На небе ни облачка. Ярким солнечным светом залиты величественные горы, бушующая река, голые скалы, свежая зелень. Мне так захотелось побыть одной! Однако, если бы мне еще раз пришлось выбирать себе попутчиков, то я снова предпочла бы тибетцев, которые настолько срослись сердцем с этой девственной красотой, что никогда не встанут между ней и мною, чего нельзя ожидать даже от самых близких по духу европейцев.

В полумиле от реки мы наткнулись на убогую уединенную хижину гурунгов (она же чайная). Здесь мы остановились, чтобы выпить имбирного чая, прежде чем начать изнурительное восхождение к Сиклису. Я впервые попробовала этот чай, столь популярный среди тех непальцев, которые не могут позволить себе настоящего, и нашла его весьма освежающим.

Тропа, теперь хорошо различимая, еще с милю шла по ровной долине. Затем прямо под Сиклисом, которого уже не было видно, она резко повернула влево. Тропа уводила нас все выше и выше. Мы долго тащились в гору. Стало казаться, что так будет продолжаться до бесконечности. Наши тела ныли от усталости, в животе бурчало, а конца подъему не было видно. И вот наконец мы у цели. Думаю, даже людям, не занимающимся альпинизмом, знакома ни с чем не сравнимая радость покорения высоты. Неизъяснимый восторг будоражит кровь, когда на каждой остановке видишь, как далеко внизу остается долина, откуда ты начал свой путь. Не понимаю, почему именно подъем, а не поступательное движение вперед вызывает такую бурную радость. Без сомнения, психологи могут это растолковать, я же не берусь подвергать ни с чем не сравнимое состояние клиническому анализу.

Чимба и я прибыли сюда после одиннадцати, на час раньше остальных. В Сиклисе живут гурунги. Несколько последних лет там действовала школа. Недавно ее закрыли: уехал учитель, поскольку правительство в тече-

ние пятнадцати месяцев забывало платить ему жалование. Этот случай не исключение из правил: по всему Непалу новые сельские школы часто закрываются по той же причине.

В единственной лавке (она же чайная) торговали тканями, сигаретами, спичками и, по счастливой случайности, отвратительным индийским печеньем, которое почему-то так любят непальцы. Пока Чимба варил рис на очаге хозяина магазина, я уничтожила целый фунт этого заплесневелого чуда кулинарного искусства.

Я сидела и ела печенье возле магазина на краю террасы, обращенной в сторону долины (каждая улочка здесь непременно терраса). Шум реки на такой высоте не слышен, и я наслаждалась тишиной, так успокаивающе действующей на мои нервы. Внизу лежала долина, а сверкающие снегом вершины словно парили над горами. Напротив Сиклиса, за рекой, виднелась еще одна горная деревушка. Она казалась обманчиво близкой (однако в период муссонов связь между этими двумя селениями нарушалась).

Солнце на высоте девяти тысяч футов над уровнем моря даже обжигает, и меня совсем разморило. Пока мы ели рис, над долиной величественно поплыли серые тучи, и вскоре длинные, спирально закручивающиеся жгуты тумана, оторвавшись от основной массы облаков, холодной влагой охватили деревню. Мы еще возились с пиявками — освобождали от них несчастных тибетцев, и тут дождь хлынул как из ведра. У моих спутников еще хватало сил подтрунивать друг над другом и над собственной усталостью, когда, измученные подъемом, по двое и по трое карабкались они в гору. К счастью, вездесущий Чимба уже договорился о нашем размещении в здании местного панчаята⁴⁸, куда мы кинулись, чтобы скрыться от сильных потоков воды, обрушившихся на наши головы.

Новое здание панчаята — весьма хлипкое сооружение из дерева, камня и глины, с протекающей крышей из рифленого железа. Иметь дом с такой крышей в этих местах — весьма престижно, ведь каждый лист железа доставлен на спине из Индии. Правда, эти крыши так же непрактичны, как и безобразны, и вызывающе контрастируют с великолепным пейзажем.

После кошмарной ночи, проведенной в Топрунге,

трудного похода и плотного обеда я буквально валилась с ног. Пока тибетцы кипятили свой честно заработанный чай для цамбы, я, свернувшись клубком в углу на неровном глиняном полу, крепко заснула.

Чимба попытался оповестить жителей, что мы ищем циновки. Однако в это время года крестьяне настолько заняты работой на полях, что в деревне с пяти часов утра до восьми вечера никого — ни мужчин, ни женщин, ни детей — не найти. (Когда приходится спускаться на две-три тысячи футов, чтобы добраться до своего поля, то не очень-то потянет домой пообедать.) Часов в шесть вечера небольшой группой мы отправились по домам, но там оставались лишь трясущиеся, беззубые, совершенно выжившие из ума старики, которые уже давно забыли, что такое бамбуковые циновки. Вскоре мы бросили бесполезное занятие, тем более что поднялся невообразимый шум — во дворе каждого дома нас встречали лаем цепные собаки.

Сиклис совершенно не похож на деревни в долине с крашенными в красно-коричневые тона стенами и соломенными крышами. Здесь дома построены из огромных камней, скрепленных коричневой глиной. Большинство крыш из тяжелых сланцевых плит. Крутые неровные ступени ведут от одного яруса домов к другому. Сегодня вечером каждая из таких лестниц превратилась в маленький водопад. Сначала я никак не могла понять, почему первопоселенцы, имея в своем распоряжении огромную гору, решили все-таки строить дома на такой высоте. Сегодня, осматривая деревню, я сообразила, что деревня расположилась в самой скалистой части горы, где ничего не растет.

В сумерках, одолжив у хозяина лавки фонарь, мы снова отправились закупать циновки. В это время крестьяне возвращались с полей. На плечах они несли примитивные деревянные плуги, а перед собой гнали черных лоснящихся волов. Меня поразила ловкость, с которой огромные животные взбирались по узким ступенькам между домами. Наше появление весьма заинтересовало крестьян, однако они не проявили никакого желания продавать тибетцам циновки (последних в деревне оказалось немало). Хотя Чимба предупреждал меня о таком отношении к тибетцам, меня эта враждебность удивила. Не знаю, чем бы все кончилось, не будь

сдерживающего присутствия власти, которую я смутно олицетворяла. Мое посредничество, несомненно, оказалось полезным, если не решающим. Мне удалось заручиться поддержкой деревенского старосты, и дело сдвинулось с мертвой точки. Он заверил, что рано утром нам принесут циновки в нужном количестве,— оставалось лишь проверить, насколько велико его влияние. Сейчас около девяти часов вечера. Вокруг дружно храпят тибетцы. Я тоже пытаюсь поскорее заснуть.

21 июня. Топрунг.

Влияние старосты оказалось столь значительным, что к четырем часам утра к зданию панчаята подошли нагруженные циновками жители деревни (из-за проливного дождя никто не вышел в поле спозаранку), и к восьми утра мы приобрели восемьдесят штук. Вскоре погода улучшилась, и крестьяне разошлись, пообещав, что к вечеру доставят еще сорок циновок. Поэтому я решила, что, пожалуй, будет лучше, если пятнадцать человек, в том числе девушки, вернутся в лагерь сегодня, а остальные — завтра. Хотелось, конечно, побыть здесь подольше, но так как Чимбе пришлось остаться в качестве переводчика, то я вместе с пятнадцатью тибетцами отправилась в путь в половине одиннадцатого, заранее хорошенько заправившись цзамбой.

У каждого тибетца на спине был укреплен рулон из пяти-шести тяжелых циновок, которые поддерживались при помощи головного ремня. Я шла налегке и мучилась угрызениями совести. Конечно, я и представить себе не могла, как понесу хотя бы одну циновку (размером восемь футов на три) по таким дорогам. Я с ужасом наблюдала, как тибетцы спускались по крутым тропам со своим нелегким грузом. Я сама двигалась с трудом, и поскольку при таком спуске основная нагрузка падает на мышцы бедра, то все время думала, что будет с моими ногами завтра.

Вскоре после того, как мы покинули Сиклис, гору заволокло облаками, и густой, промозглый туман, поплывший по серым скалам долины, вызвал во мне острую тоску по родной Ирландии. К тому времени когда мы достигли чайной, разразился еще один потоп. Мы сидели и пили имбирный чай и ждали, когда кончится ливень. По дороге подошва моего парусинового ботин-

ка немного отстала. Циринг — шестнадцатилетний парень, самый младший среди нас — заметил это, взял ботинок, вынул из кармана большую иглу и крепкую нитку и, пока мы пили чай, ловко починил обувь. Тибетцы — опытные кочевники и даже в столь недалекий поход выходят готовыми к подобным неожиданностям.

Как тибетцы все-таки любят курятину! В Сиклисе они приобрели по нескольку беспокойных птиц, и каждый рулон теперь представлял собой маленький курятник, из которого неслись громкие жалобные крики — к немалому удивлению местных гурунгских хохлаток.

Наконец показалась река. Со вчерашнего дня вода в ней поднялась настолько, что перебраться на другую сторону, перепрыгивая с валуна на валун, было абсолютно невозможно. После долгих поисков, мы набрали на место (далеко вверху по течению), где, чередуя скалолазание с прыжками в длину, можно было без риска для жизни, но без груза перейти реку. Часть группы, оставив груз, перебралась на другой берег, а те, кто остался, передавали каждый рулон из рук в руки сначала на скалу, затем над водой и снова со скалы на землю. Эта операция отняла у нас час с лишним.

Воспользовавшись тем, что до Топрунга опасных мест больше не будет, я пошла вперед. Мне хотелось немного побыть одной. Небо уже очистилось. Светило солнце, и под его яркими лучами все вокруг сверкало. Пожалуй, даже в Ирландии зелень не такая яркая, как та, что покрывала эти горы. Однако со вчерашнего дня дожди совсем размыли тропу за рисовыми полями. Где-то среди оползней я свернула не на ту тропинку и после долгих блужданий в разных направлениях пришла к деревне, но не сверху, а снизу.

На нижних склонах я несколько задержалась, наблюдая за тем, как крестьяне высаживали побеги риса. Эта неделя для непальских крестьян — самая критическая в году. Когда побеги достаточно проросли и первые дожди оросили террасы, приступают к пересаживанию рассады. Каждое крохотное поле имеет ограждение с отверстием, через которое спускают воду, пока она не станет по щиколотку. Затем отверстие искусно заделывают глиной и приступают к вспашке. После этого его приоткрывают — лишняя вода сходит, а в оставшуюся грязь высаживают молодые побеги риса. Отверстие вновь за-

мазывают, доводя уровень воды до шести дюймов. Никогда прежде я не предполагала, сколько сноровки требует такая работа. Когда видишь, как каждый отдельный крошечный побег риса сажают вручную, начинаешь понимать, почему все население деревни, от мала до велика, трудится на полях от зари до зари. Пока мужчины и юноши вспахивают поля на одном уровне, женщины и девушки, склонившись над террасами с рассадой, осторожно, но быстро вырывают нежные побеги и перебрасывают их на верхние террасы. А там другие женщины с удивительной сноровкой высаживают их на расстоянии шести дюймов друг от друга. Быстро мелькают руки, не успеваешь следить за их движениями.

Как выяснилось, жители этих деревень не отличаются богатырским здоровьем. Утром я полчаса беседовала с провизором в крохотной, бедной аптеке в Сиклисе. (За пределами долин Катманду и Покхары не найти ни одной больницы, врача или медсестры. Первую медицинскую помощь оказывают миссионеры.) Провизор, молодой человек родом из Катманду, — единственный в Сиклисе, кто немного говорит по-английски. В отличие от большинства чиновников из Катманду, отбывающих в горах «ссылку», он не жаловался на «примитивное» окружение. Наоборот, провизор казался искренне заинтересованным своей работой. Он с горечью признавал, что ему не хватает ни опыта, ни знаний, да и с лекарствами здесь худо, поэтому он мало чем может облегчить страдания местных жителей. Провизор также рассказал, что большинство жителей страдают венерическими заболеваниями — либо наследственными, либо приобретенными. По его подсчетам, процентов восемьдесят пять населения болеют венерическими болезнями. Вот почему в этих местах так много слепых, глухих, калек и слабоумных. Является ли Сиклис исключительной в этом плане деревней — судить не берусь; остается лишь надеяться, что это так.

Теперь скорее спать.

22 июня. Покхара.

Как и предполагала, спала я плохо — всю ночь воевала с клопами. В половине шестого утра, едва дождь прекратился, я двинулась в путь одна, оставив

тибетцев за приготовлением завтрака. Обычно местные жители рано утром не едят, однако тибетцы, в отличие от непальцев, имеют обыкновение завтракать сразу после пробуждения. Понимая, что люди сильно устали, я решила, что сытный завтрак перед походом им совсем не повредит.

Мне кажется, что эту утреннюю прогулку по лесу я не забуду никогда. Какое-то волшебство было в тех ранних часах, некое чудо, лежащее за пределами чувств. В полумиле от Топрунга я оказалась среди такой яркой зелени, что и представить себе трудно. Это был мир полного уединения, где гибкие шлейфы серого тумана, повисшие среди громадных деревьев, казались живыми. Над горами все еще стояла утренняя тишина, которую время от времени разрывали то шум стремительно низвергающегося водопада, то многоголосый птичий гомон. Глубоко внизу под неподвижными облаками лежала долина. Вот приоткрылись наполовину скрытые туманом темно-синие горы. Затем их снова заволкли тучи. Вдруг неожиданно засияло солнце, и плавные линии горного хребта обозначились на фоне ясного голубого неба. Теперь всю картину преобразил золотистый свет, разлившийся над вершинами гор. По мере того как воздух наполнялся теплом, чувствовалось, как реагирует на него земля. За каждым поворотом — цветущий кустарник. Белые, голубые и розовые цветы распускались на глазах, излучая при этом необыкновенно нежный свет на темную зелень травы...

Мой «короткий» путь лежал по склону горы сквозь лесную чашу, по рисовым полям, через бурную реку по пояс в воде, еще через один холм, который теперь показался мне настоящей горой.

«ИЗГНАНИЕ ДУХОВ»

25 июня. Покхара.

Население моего дома растет. Вчера сюда временно вселилась моя Таши — веселый и здоровый щенок. За последние недели Таши почти не выросла, но Нгаванг Пема уговорил меня забрать ее. Мне казалось, что рано отрывать Таши от родного дома. Тибетские собаки кормят щенков до тех пор, пока не начнут кровоточить соски от их острых зубов. Поэтому я считала, что вряд ли малышка Таши готова жить без матери, и оказалась права. Испуганный, несчастный щенок отказывался есть и лишь жалобно скулил. После бессонной ночи (не спал весь дом) пришлось с извинениями вернуть собачонку матери.

Надеюсь, Таши скоро подрастет, а пока это — настоящая пушистая игрушка. Не мешало бы ей также научиться понимать религиозную музыку: у нее к ней явная аллергия и священные мелодии ламы действуют на нее чрезвычайно пагубно. Стоит ламе завести дуэт колокольчика с барабаном, как Таши начинает судорожно подвывать. У Таши есть и своя музыка, которая раздается при каждом ее движении: как и у всех тибетских щенков, вокруг шеи у нее — семь крошечных колокольчиков. Их привязали, как только у нее открылись глаза. Колокольчики служат двум целям — «отгоняют злых духов» и не дают отбиться во время кочевки.

Уже час ночи. Сегодня вечером в лагере мы были свидетелями «изгнания злых духов» монахом-шаманом Давой: зрелище, прямо скажем, леденящее кровь.

Когда церемония «изгнания духов» началась, на улице уже стемнело. Под навесом разожгли огромный костер. Свет ста восьми масляных лампад мерцал по правую руку от монаха. Он сидел, скрестив ноги и обра-

тив лицо на запад, в хижине на небольшом возвышении из шкур яков, в окружении двух десятков родственников и друзей «одержимого».

Минут пятнадцать Дава все ускорял свое монотонное бормотание, все быстрее мелькали его руки с бубном и колокольчиком. Он призывал злых духов войти в его тело и вещать. Вскоре он задрожал всем телом — сначала слегка, потом спазматически содрогаясь, при этом повернулся к северу, в сторону Тибета. Здесь Тхуптен Таши стиснул мою руку и громко прошептал:

— Дух приближается!

Он и мне как будто передал этим восклицанием частицу своей благоговейной веры. Помощник, молодой слуга Давы, выступил вперед и водрузил на голову хозяина причудливую маску с плюмажем из грязных фазаньих перьев и засаленных цветных лент. Это означало, что дух вселился в своего оракула. Тотчас монах уже перестал быть просто соседом — тибетцы пали перед ним ниц, как раньше перед изображением далай-ламы.

Еще до того, как голова монаха была увенчана маской, Дава стал явно впадать в гипнотический транс. Вдруг он сорвал с лица маску и с остановившимся взором заговорил гневно, громко и отчетливо. Мне стало несколько не по себе: Дава обратился к собравшимся не на своем родном диалекте долпа, а на диалекте Лхасы, которые отличаются больше, чем язык передач Биби-си от шотландского просторечия. Я спросила Тхуптена, где необразованный монах мог научиться так правильно говорить на столичном диалекте тибетского языка. Тхуптен ответил, что Дава этого диалекта не знает, но все шаманы пользуются им, когда в них «вселяется дух».

Кровь стыла у меня в жилах, когда я увидела, как Дава, придя в ярость, стал неистово метаться по хижине. При этом он что-то кричал хриплым голосом и размахивал руками. Все забились в углы, кроме Тхуптена и ко всему привыкшего служки (последний умиротворял духа, благоговейно падая ниц, разбрызгивая воду из небольшой чаши и разбрасывая пригоршни муки).

Вот, бешено танцуя, Дава приблизился к нам. Со страшным шумом он потрясал над нашими головами бубном и колокольчиком и что-то гневно выкрикивал трубным голосом. На губах у него выступила пена, пот

струился по лицу, глаза сверкали поистине ужасным огнем. Затем, откинувшись назад, он с силой пнул алтарь, сооруженный из картонных ящиков, на котором горели лампы. По-моему, для духа такое поведение в бамбуковой хижине — весьма опрометчиво. К счастью, как только лампы упали на землю, пламя погасло. Вероятно, духи принимают меры предосторожности в расчете именно на такие приступы бешенства.

Внезапно Дава, весь дрожа, рухнул на шкуры. Вскоре все потихоньку приблизились к огню. Я спросила Тхуптена, отчего дух так сердился. Тот ответил, что время от времени необходимо предостеречь беженцев от дурных мыслей, благодаря которым злые духи легко проникают в лагерь, из-за чего его обитатели умирают один за другим. Кроме того, дух выразил недовольство другими прегрешениями беженцев, в том числе невыполнением требования его святейшества о том, чтобы беженцы старались сами зарабатывать на жизнь, а также тем, что они купают детей в реке, где обитает могущественное божество, и тем самым оскверняют его владения. Меня весьма озадачил открытый анимизм последнего утверждения, да, собственно, и беспорядочное смешение ритуалов бонпо, примитивной древней магии и политики. Страшно подумать о реакции его святейшества на подобную церемонию. Однако его не забыли, хотя бы в качестве светского главы беженцев.

Следующий номер «программы» — «изгнание злых духов» из больных. Дава вновь вернулся в нормальное состояние. Хотя теоретически дух все еще не покинул его, все признаки транса исчезли. Первый пациент — юная Дрома. Она жаловалась на сильную боль в груди и спине (Кэй лечит ее от острого несварения желудка). Девушка сидела перед монахом, крепко зажмурив глаза, с выражением ужаса на лице — и это неудивительно, ведь она была эмоционально подавлена описанием страшного демона, который в нее вселился. Она припустила свою чуба, прикрыв при этом скромно грудь (ведь она не замужем, а Дава соблюдает обет безбрачия). Помощник передал хозяину медный диск величиной с блюдце, стоявший вертикально в жертвенной чаше с мукой. Дава начал энергично постукивать диском по спине девушки, издавая громкие визгливые звуки, чтобы испугать духа. (Будь я духом, я бы давно сбежала от

страха.) Монах стал плевать на тело девушки, а между плевками бормотал заклинания. На этом исцеление закончилось. Когда Дрома трижды припала к его ногам, прежде чем передать пять рупий помощнику, я почувствовала облегчение; мне кажется, духам все же следует исчезать более явно.

Следующими двумя пациентами были дети (Кэй лечила их от тяжелой формы дизентерии, однако они не поправлялись, потому что матери никак не желали отнимать их от груди).

Дава снова впал в транс, который был ужаснее первого, и хотя «вселение духа» не вызвало словесного взрыва, монах метался по хижине, размахивая бубном и колокольчиком, а один раз даже треснул меня по голове и без того шедшей кругом. Однако на сей раз никто не сбежал от такого проявления гнева духа. Все только ежились от страха и прикрывали глаза руками при приближении шамана. Очевидно, людей больше всего пугает выраженная словами воля духа — на меня это тоже больше всего подействовало, хотя испуг не совсем подходящее слово для обозначения того ощущения, которое обычно называют «мороз по коже». Дава неистовствовал минут десять. Внезапно он сел и затих: тело его перестало судорожно дергаться, смолкли стоны. После этого Дава приступил к исцелению детей.

Первый малыш получил то же лечение, что и Дрома, а второго, очень слабенького, подвергли длительному и сложному ритуалу. До сих пор лицо Давы было полностью закрыто маской (он приоткрывал лицо лишь тогда, когда плевал на пациента). Испуганная мать протянула ему голенького малыша, и тут Дава, откинув назад ленты, открыл ужасное лицо, которое в мерцающем свете костра казалось нечеловеческим. Внезапно он резко наклонился вперед (в тот момент он был похож на осклаившуюся собаку) и укусил ребенка за спину.

Дальнейший ритуал был еще сложнее. Дава прижал к спине ребенка концы грязных лент, свисающих с ритуального бубна, и стал энергично сосать их там, где они крепятся к бубну. После каждого всасывания он сплевывал в небольшую медную чашку, которую ему передал помощник, затем выпивал глоток воды из другой медной чашки (мне кажется, он не глотал эту воду, а держал во рту для следующего плевка). Так повторил-

лось одиннадцать раз, после чего Дава с помощью медного диска проделал ту же самую процедуру «изгнания духа», что и с Дромой, потом он склонился над ребенком и положил голову ему на живот. Затем Дава вскочил, откинул маску назад, еще раз сплюнул в чашку и таинственным голосом сообщил, что причина болезни находится в чашке, и все могут ее увидеть. В ответ раздался шепот восхищения и благоговения. Присутствующие, сгрудившись у чашки, заглядывали внутрь, а мать ребенка от радости плакала и смеялась одновременно. Меня снова ждало разочарование: «злой дух» выглядел как-то странно — в чашке лежал дохлый водяной жук.

Наконец Дава начал освобождаться от вселившегося в него духа. Отрешенность сменилась заклинаниями и музыкой, которая постепенно дошла до бешеного крещендо. Тут Дава резким движением руки отбросил в сторону колокольчик и бубен, а сам, обессиленный, рухнул на землю. Какое-то время тело его конвульсивно дергалось, он хрипел и стонал. Наконец Дава откинулся в изнеможении и затих. Его взгляд блуждал по хижине. Вид у него был усталый.

Атмосфера сразу же разрядилась. Перед нами снова оказался обыкновенный человек. С чарами было покончено. Помощник снова превратился в слугу и стал угощать нас чаем. Между тибетцами завязалась оживленная беседа. Дава медленно поднялся и вернулся на свое место. Он вежливо поздоровался с Кэй и со мной в обычной тибетской манере, хотя перед церемонией он и виду не подал, что узнал нас.

Откровенно говоря, этот «спектакль» не показался мне религиозным обрядом, хотя, признаюсь: мне повезло, что я его увидела. Правда, в последнее время ламы в лагере много молились над больными детьми и взрослыми, и эти церемонии производили большое впечатление. Обычно храмом служила какая-нибудь палатка, а алтарем — ящики из-под американских продуктов. На «алтарь» водружали столько масляных лампад, сколько может себе позволить семья пациента, сюда же ставили небольшие чашки с кровью петуха, рисом и мукой, фигурки богов (здесь их делают из теста, а не из масла) и традиционные конические торма.

Затем два или три ламы садятся к «алтарю» боком и, подкрепляясь чаем, приправленным маслом, проводят

Весь день за монотонным чтением буддийских молитв в сопровождении изумительных потусторонних мелодий, исполняемых на барабанах, колокольчиках и трубах из человеческой берцовой кости. Иногда подобные церемонии завершались отпечатыванием молитв на коже больного в пораженной области, для чего использовались деревянные «клише»⁴⁹, с помощью которых изготавливаются молитвенные флажки.

Церемонию с участием Давы трудно назвать священнодействием, но это и не мошенничество. Его экстаз, несомненно, был неподдельным, а сказанное им во время «проповеди» свидетельствует об искренней заботе о благополучии лагеря. Его медицинские фокусы, на европейский взгляд, кажутся шарлатанством, направленным на то, чтобы держать людей в страхе и выманить у них последние гроши.

Однако не все кажущееся очевидным европейцу неоспоримо. Как писал один европейский исследователь: «Голос заклинателя в действительности есть не что иное, как отражение надежд и желаний толпы... трюки заклинателей (зачастую необходимые для достижения успеха и практикуемые даже в современной медицине при внушениях) призваны усилить их влияние и гарантировать успешное лечение. Но вера необходима; лишь уверенность в достижении желаемого результата... может предопределить успех». Вот почему обвинения в шарлатанстве, с такой готовностью выдвигаемые иностранными наблюдателями, едва ли справедливы. Заклинатели вроде Давы действительно пользуются своим редким даром для извлечения доходов, но так же ведут себя и «специалисты» с Харли-стрит⁵⁰, и, если заклинатель не занимается преднамеренным обманом, его нельзя осуждать за то, что он получает вознаграждение. Судя по сегодняшнему сеансу, оно достается ему тяжким трудом.

3 июля.

Вчера я вернулась из сумбурной четырехдневной поездки в Катманду. Трудно даже сказать, что в этом путешествии было наиболее изнуряющим — дела беженцев, по которым я туда ездила, или светский вихрь с неумеренным потреблением спиртного (все четыре вечера отмечалось мое возвращение в столицу).

После того как я провела семь недель в Покхаре,

Катманду показался мне гораздо больше похожим на столицу, чем тогда, когда я туда приехала впервые. Сейчас, в период дождей, плодородная Долина как-то преобразилась. Погода стоит такая, что я все время вспоминаю теплые дождливые дни в середине лета в Ирландии, когда легкий бриз гонит стаи серо-белых облаков, медленно плывущих на ослепительно голубом небе. Вокруг буйствует зелень; людей, казалось, охватил прилив жизненной энергии; а воздух чист и свеж. Однако даже дожди имеют свои неудобства: сейчас весь город еще больше «благоухает». И все-таки эта деталь несущественна по сравнению с тем, что происходит вокруг: золотистый свет косыми лучами льется из-за туч на свежую листву деревьев, буйно цветут кустарники, живописны рисовые поля, очаровывают яркие красно-коричневые дома и блестящие крыши пагод.

Я заказала билет в Покхару на 1 июля. Однако в то утро муссон разгулялся в полную силу, так что первую половину дня я писала, а во второй бродила по Долине по другую сторону Джавалкхеля.

Меня поразило, что невары, создавшие одну из величайших культур в Азии, а в сельском хозяйстве далеко опередившие большинство непальских племен, все еще обрабатывают землю железной мотыгой с короткой рукояткой, подобной той, которой пользовались тысячелетия назад, хотя деревянный плуг с впряженными в него волами мог бы с успехом применяться на широких полях долины Катманду. Не менее удивительно, что в Долине выращивают практически все виды овощей и фруктов, известные в умеренной и субтропической зонах, в то время как в остальной части Непала, даже с таким же благоприятным климатом, почти ни одно из этих растений не культивируется.

Как только я вернулась в Покхару, я решила восстановить свои отношения с Таши. Я принесла ее из лагеря и провозилась с ней до вечера, стараясь помочь ей приспособиться к новым условиям. Пока я писала письма, собачонка сидела у меня на коленях. Прошло много часов, прежде чем выражение неудовольствия сменилось на ее мордочке покоем. Вдруг Таши вильнула хвостиком. Правда, сделала она это как-то неопределенно, но все же хвост шевельнулся, и это первое изъяснение удовольствия привело меня в восторг.

Готовая к тому, что и эту ночь Таши будет скулить, я легла на свою циновку, но собачонка тут же с трудом вскарабкалась ко мне на живот, свернулась калачиком и мгновенно заснула. И так, меня признали, и не ее вина, что я не спала в эту ночь столь же крепко.

Пока не было Таши, крысы беспокоили меня не более одного-двух раз за ночь, но сегодня к утру я, к своему ужасу, поняла, что для этих отвратительных созданий пухленький щенок всего лишь приятное разнообразие в их скудном рационе. Теперь мне придется постоянно находиться в состоянии боевой готовности, чтобы в любой момент прийти на помощь моей любимице. Вряд ли мне удастся насладиться хотя бы одной спокойной ночью, по крайней мере пока Таши не подрастет до размеров крысы.

Сейчас щенок еще совсем маленький и слабый, поэтому рискованно оставлять его одного. Сегодня утром, когда я отлучилась минуты на три, Таши так жалобно скулила, что сердце мое разрывалось на части. Пришлось весь день носить ее с собой в матерчатой сумке через плечо. И в лагере, и в деревне при виде Таши все приходят в восторг: крохотная черная, с подпалинами, головка с двумя блестящими глазками высовывается из сумки на уровне живота. Я забежала к Кэй и сказала:

— Сегодня я чувствую себя как кенгуру.

— Ты и выглядишь так же, — поддела меня Кэй.

6 июля.

Вчера в лагере царило возбуждение — готовились к празднованию тридцатилетия его святейшества. В основном занимались приготовлением чанга. С утра небо хмурилось, а часам к четырем некстати начался сильный дождь: из резиденции кхампа в «Аннапурну» уже перенесли огромный портрет его святейшества, и, оторвавшись от наблюдения за брожением чанга, принарядившиеся тибетцы отправились помолиться перед этим изображением.

Дождь лил как из ведра до десяти часов утра. Церемония должна была состояться в семь утра. В половине седьмого я пришла в лагерь посмотреть, как новые хижины выдержали первое настоящее испытание, и узнала, что приготовления, прерванные вчера дождем, еще не закончились и наполовину.

Вдоль дороги, проходящей через лагерь, был аккуратно выложен двумя рядами белых камней маршрут, по которому портрет его святейшества понесут из «Анна-пурны». Из таких же камней были сооружены небольшие пирамиды — на них будут куриться благовония во время шествия процессии с портретом. Две большие палатки под храм и кухню, позаимствованные в лагере индийской армии, еще не поставили. Однако в одной палатке уже готовили праздничный обед. Проходя мимо, я видела несколько огромных котлов, в которых кипело хлопковое масло. Туда бросали круглые тибетские печенья, несколько минут варили, а затем выуживали раздвоенными палками.

Как только сильный дождь прекратился, весь лагерь прошествовал в Парди. Через час тибетцы возвратились. Впереди шли четыре тибетца почтенного возраста и несли паланкин, сколоченный из ящиков. Под балдахином из традиционной оранжевой материи находилась безвкусно раскрашенная фотография его святейшества. (По счастливому совпадению, недавно японская экспедиция пользовалась брезентом именно того цвета, который необходим для подобных церемоний.) Во главе процессии на бамбуковом шесте развевался потрепанный красно-сине-желтый штандарт; трогательное зрелище представляли тибетцы, маршировавшие за ним вразнобой с пением гимна — каждый в своей тональности.

Когда мы вошли в лагерь, в нашу сторону поплыли клубы благовоний, особо едкие из-за того, что воздух был влажный, а погода безветренная. Я что-то сказала Кэй по поводу приятного аромата, но она довольно резко ответила, что терпеть не может этот запах.

Шесть лам лагеря, представляющие секты ньингма-па, гелукпа и сакьяпа⁵¹, с музыкой и пением гимнов встретили паланкин у палатки, приспособленной под храм. Портрет водрузили на алтарь, и Кесанг возложил перед ним том буддийского канона, миску с рисом, большую торма, колокольчик и дордже. Кэй и мне выдали по горсточке сырого риса. Нужно было бросить рис на портрет. После этого ламы, гости и, наконец, по очереди все мужчины, женщины и дети подходили и возлагали перед портретом белые шарфы, а затем низко кланялись.

Очевидно, никто из наших кочевников никогда раньше в подобной церемонии не участвовал, и, хотя их

нельзя было упрекнуть в недостатке набожности, поведение тибетцев явно не соответствовало святости церемонии. Мне стало жаль Кесанга, который, как церемониймейстер, отвечал за поддержание хотя бы видимости порядка и пристойного поведения. Большинство мужчин отвешивали поклоны, не снимая медвежьих шапок или широкополых шляп, что само по себе недопустимо. Кесанг приходил в полное отчаяние от того, что в самый торжественный момент шляпы падали на землю. Когда наступила очередь женщин, многие из них пытались заполучить особое благословение для своих грудных детей. Они опускали детей на грудь шарфов, сложенных перед портретом. Тем самым малыши как бы прикасались к его святейшему. К такому нарушению Кесанг был более снисходителен и лишь неодобрительно покрякивал, но к действиям не прибегал. Наконец наступил самый интересный момент — шествие маленьких тибетцев. Они подходили с шарфами, возлагали их на алтарь, затем, сложив ладони, торжественно кланялись и отходили.

В продолжение всего этого затянувшегося ритуала шесть лам и четыре монаха (включая нашего заклинателя Даву) непрерывно распевали гимны, били в барабаны, дули в раковины, звонили в колокольчики. Время от времени кто-нибудь из них отвлекался, чтобы выпить чашечку чая или проглотить горсть отварного подслащенного риса, поданного среди других деликатесов сомнительного качества. Лишь когда церемония подношения шарфов закончилась, они опустили свои инструменты и приступили к пиру, в котором даже мой аскетический сосед-лама принял посильное участие, хотя более сдержанно, чем остальные. Все это время Таши тихо сидела в сумке, из чего можно заключить, что она постигает религиозную музыку быстрее, чем растет.

После обеда появились деревянные кувшины с чагом, медные украшения на которых по такому случаю были начищены до блеска. Тут Кэй, принеся извинения, с достоинством удалилась. Часа через два я ушла тоже — без особого достоинства, но чувствуя себя абсолютно счастливой после четырех или пяти пинт того, что Джон Моррис столь удачно окрестил «алкогольной кашей».

Во второй половине дня морозящий дождь перешел в ливень, который до сих пор еще не прекратился. Вече-

ром, когда я вышла на прогулку, все с удовольствием играли в кости на деньги — народ веселился.

12 июля.

Подсчеты Кэй свидетельствуют, насколько этот климат вреден тибетцам: с 1 января по 27 мая умерло трое, а за последнее время — восемнадцать человек, причем большинство от дизентерии.

Сегодня скончался ребенок. Его не успели даже довести до больницы «Сияние». Родители вскоре вернулись с трупом малыша на руках. Я услышала плач под окнами моего дома, вышла на дорогу и увидела, что несчастная мать прижимает тельце ребенка к обнаженной груди в безумной надежде, что малыш жив. Я старалась утешить ее как могла. При этом я мягко настаивала на том, чтобы она закрыла от мух личико ребенка. Муж и жена никак не могли понять, что ребенок мертв. Отец был в отчаянии. Он рухнул в дорожную грязь и стал безутешно рыдать. Я отвела их в свою комнату и налила неразбавленного виски. Однако алкоголь не принес облегчения, но немного помог преодолеть шоковое состояние. У родителей — еще четверо детей, но они так страдали, словно потеряли единственного.

Больше всего меня угнетает рост заболеваемости в лагере за последние несколько недель. Даже самые крепкие страдают от ревматизма, дизентерии, фурункулов, нарывов, глистов, цинги (недостаток витамина С). У многих опухли ноги (не хватает витамина В). Мне тоже досталось: то, что я считала двумя укусами клопов на правой ноге, на самом деле оказалось цинготными язвами. Ниже спины появилась впечатляющая россыпь из пяти небольших, но доставляющих массу неудобств фурункулов.

Утром я поехала на велосипеде (болезненная процедура!) в госпиталь. Там я оказалась свидетелем мучительного зрелища. Я увидела двухлетнюю девочку, находящуюся на такой стадии истощения, что в ней трудно было признать человеческое существо. Последние пять месяцев ее мать страдала грудницей, а ребенка, очевидно, даже не пытались отнять от груди. Семья живет в четырех днях ходьбы отсюда. Сегодня утром отец доставил в госпиталь жену с дочерью в большой корзине с головным ремнем, которую нес на спине. Грудь женщи-

ны были в ужасном состоянии; непонятно, почему она не обратилась за помощью несколько месяцев назад. Кожа у девочки — желтая, сухая, морщинистая — висела на острых костях, словно у девятилетней старухи. Огромные тусклые глаза смотрели отчужденно. Казалось, девочка уже умирает, хотя все еще слабо шевелится. Сердце у меня сжималось от боли при виде этого несчастного существа.

Много пьяных. Они валяются в грязи по обочинам дорог, спотыкаясь и покачиваясь, бродят по улицам под сердитыми взглядами брахманов, сопровождаемые беззловонными насмешками более терпимых прохожих.

Сегодня в госпитале врач сказал мне, что язва желудка, вызываемая чрезмерным употреблением ракши, стала одним из самых частых заболеваний среди местных жителей. На мой взгляд, даже умеренное потребление этого зелья опасно. Ракши еще отвратительнее, чем «очищенное» ананасное вино, которое, по словам доктора, ведет к слепоте.

Муссон разбушевался. Возвращаясь домой после ужина у Кэй, мне пришлось в темноте брести по колено в бурлящем потоке. В такие вечера зонтик — лишняя обуза, а мой протекает насквозь, да и «штормовой» фонарь (тоже индийского производства) гаснет при первом дуновении ветерка. Я мечтаю лишь об одном: чтобы в крыше не образовалось слишком много новых щелей. Пока она протекает всего в трех-четыре местах, и с этим еще кое-как можно справиться.

16 июля.

Таши, кажется, истинная тибетка. Однажды я решила проверить, может ли она самостоятельно передвигаться, и собачонка, смешно подпрыгивая, последовала за мной.

Неделю назад она совершила свой первый заплыв в озере. У меня и в мыслях не было, что Таши увяжется за мной, но когда она увидела, что я уплываю, истошно завизжала и стала испуганно метаться на берегу. Затем Таши бросилась в воду и поплыла. Глупо задранный хвостик торчал сухим из воды. Я повернула к берегу, и хвостик благодарно завилял, выражая крайнюю степень преданности. Я поняла, что судьба соединила нас навсегда. Теперь я уже не лъщу себя надеждой, что перед

отъездом из Покхары мне легко удастся найти подходящих хозяев для Таши и распрощаться с ней. Жизнь моя осложнится всякими карантинными правилами, международными справками о собачьих прививках, постановлениями об импорте и экспорте домашних животных и правилами их перевозки сухопутным, морским и воздушным транспортом. И все эти неудобства я приобрела всего лишь за десять с половиной шиллингов!

Способность Таши к разрушениям невероятна, и, поскольку в моей комнате нет предметов, до которых можно дотянуться и погрызть, ей доставляет большое удовольствие посещение комнаты Кэй. Здесь она набрасывается на драгоценные бумажные салфетки, присланные из Лондона, на любимые кактусы в горшочках, проделавшие долгий путь из Майсура, на крайне важные документы и бесценные пластиковые пакеты, которых не найти здесь днем с огнем. Терпение Кэй бесконечно. Она лишь повторяет:

— Щенок есть щенок.

Однако я придерживаюсь старомодной точки зрения, что небольшое наказание идет на пользу подрастающему поколению. Поэтому Таши каждый раз получает взбучку. Если я стараюсь что-то от нее прятать, она принимает это за некую игру перед сном, а в ответ на мои карательные меры переворачивается на спину и смотрит на меня влюбленными глазами, держа лапу во рту, — трюк, рассчитанный на то, чтобы обезоружить самого бесчувственного дрессировщика.

Вообще Таши послушна, но сегодня впервые она публично опозорила меня, заставив малодушно сделать вид, что мы с ней незнакомы. Есть у нее одна слабость — шнурки от ботинок: она думает, что их завязывают с единственной целью, чтобы она имела удовольствие их развязать. Так как здесь в основном ходят босиком, то у нее почти совсем нет возможности поразвлечься таким способом. Зато сегодняшнее появление на взлетной полосе аккуратно одетой китайской делегации стало для нее праздником. (К кому эта делегация была направлена и от кого — мне так и не удалось выяснить.) Когда самолет приземлился и из него вышли двенадцать китайцев, их приветствовали многочисленные представители власти; большая часть полиции Покхары была собрана здесь, чтобы «охранять» их (от тибетцев?). Прибыли сю-

да и фотокорреспонденты. Они спешили запечатлеть на пленку всю группу прибывших. Вдруг Таши вприпрыжку бросилась искать меня по взлетному полю и наткнулась на строй неподвижно стоящих ботинок. Щенок в восторге метался вдоль шеренги, пока не облюбовал башмаки главы делегации. Щелкнули затворы фотоаппаратов, и тут же улыбка на лице главы делегации сменилась хмурым раздражением.

Когда я писала эти строки, из «входного люка» выглянула голова. Я узнала симпатичного молодого человека, живущего по соседству (на прошлой неделе я вылечила его от дизентерии). Он пришел ко мне с матерью. Она пожаловалась на невыносимую боль в правой груди. Даже при тусклом свете лампы сразу было видно, что у нее запущенный воспалительный процесс. Я дала ей три таблетки аспирина и настоятельно посоветовала завтра же обратиться в больницу «Сияние», объяснив, что я ничем не могу ей больше помочь. Большинство непальцев и тибетцев искренне верят, что люди с белой кожей (или имевшие белую кожу до приезда в Покхару) могут творить чудеса врачевания.

Утром Кришна, мой домовладелец, сообщил, что мне скоро придется перебраться в соседнюю комнату, которую освободил Тхуптен Таши, а мои две займет зять Кришны. Он откроет лавку внизу. Разумеется, там будут сигареты, спички, рис, мыло и печенье, как и во всех лавках Парди.

24 июля.

Под утро я проснулась от душераздирающих криков. Шум, рыдания, стоны неслись, видимо, из пристройки, прилепившейся к дому. Там ютилась семья портного, состоящая из пяти человек. Пристройка представляла собой весьма убогое зрелище: соломенная крыша, две стены из бамбуковых циновок и земляной пол. Сейчас, очевидно, там кого-то убивали или кто-то сошел с ума. Но поскольку ни в том, ни в другом случае вмешательство мое не поможет, я снова заснула. Часа через два, когда я завтракала, страшный шум повторился. У пристройки собралась толпа зевак. Подойдя поближе, я увидела, что старуха, мать портного, действительно сошла с ума и сын с невесткой пытались ее успокоить. В углу на куче грязного тряпья громко плакал ребенок. Припа-

док внезапно прекратился, и старуха, тяжело дыша, рухнула на пол. Люди молча разбрелись.

Многие события, которые нам кажутся катастрофическими, здесь воспринимаются удивительно спокойно. Несколько дней назад я видела, как муж набросился на жену. В гневе он пытался схватить камень потяжелее, чтобы побыстрее разделаться с несчастной. Мальчик лет двенадцати отчаянно пытался удержать отца. В конце концов мать с сыном победили. В тот же день, когда я снова проходила мимо их дома, увидела эту пару, мирно сидящую на крыльце. Они как ни в чем не бывало дружно перебирали кукурузные початки. Случись такое у нас — мужчину, скорее всего, арестовали бы, жену поместили в больницу, а сына отправили в интернат.

На прошлой неделе я стала свидетелем отвратительной сцены. Я отправилась на базар, взяв с собой в качестве носильщика кроткого четырнадцатилетнего мальчика по имени Пема. Торгуясь о цене на горох для оплачиваемых благотворительным обществом обедов, я услышала крики и, оглянувшись, увидела, что Пему окружило человек двадцать непальских мальчишек. Сначала я не придавала этому никакого значения — мальчишки есть мальчишки. Но когда эти маленькие негодяи столкнули его в сточную канаву и стали забрасывать камнями, я поняла, что дело плохо, ведь тибетцы в долине чужие. Выскочив из лавки, я накинулась на обидчиков. Схватив их предводителя за руку, я уже собиралась дать ему затрещину, как вдруг какая-то женщина в дикой ярости бросилась на меня. Одной рукой она пыталась оторвать меня от своего перепуганного отпрыска, а другой била меня по голове пустой корзиной. Тотчас вокруг собралась толпа веселых зевак, насколько можно судить, вполне нейтрально настроенных. Им явно нравилось бесплатное представление. Мне удалось вырвать корзину и забросить ее в толпу, но обезоруженная мамаша, к ее чести, не испугалась и продолжала осыпать меня проклятиями. При этом она выворачивала и царапала мне руку (огромная царапина украшает ее и сейчас). Несмотря на все усилия «тигрицы, защищающей своего детеныша», я все же умудрилась велосипедным насосом дать маленькому забияке четыре хороших тумака, прежде чем отпустить его.

К сожалению, я не могла объяснить этим людям, что

если бы двадцать тибетцев напали на одного непальского мальчика, я бы с такой же яростью обрушилась на тибетцев; так что ирландско-непальским отношениям инцидент этот мог немало повредить. Он был пагубен для репутации и других европейцев, проживающих в долине. Природа базарных сплетен такова, что, когда час спустя я покидала Покхару, мне рассказали, что какая-то медсестра из больницы «Сияние» только что избила (почти до полусмерти!) беззащитного мальчика, который просил у нее денег. Мне и в голову не пришло, что толпа могла принять меня за миссионера.

Вчера я перебралась в другую комнату, что отняло у меня в общей сложности минут пятнадцать. Переезд должен был состояться четыре дня назад, но наступила пора посадки риса, и за последнюю неделю Кришна ни разу не открыл свой магазин. Он появился лишь вчера утром, да и то на минутку, чтобы передать мне ключ.

У моей новой комнаты много преимуществ: красный глиняный пол, заново обмазанный матерью Кришны после отъезда Тхуптена; крохотное окно в задней стене, которое можно открыть. Правда, в потолке восемь дыр вместо четырех, однако с этим можно смириться, так как два открытых окна снижают температуру, а спать на гладком полу значительно удобнее, чем на неровных досках. К сожалению, глиняная обмазка на фут поднимает уровень пола, так что голова моя теперь, когда я стою, почти касается потолка. Сегодня я замазала дырки свечным салом, и пока эта уловка оправдывает себя.

Среди предметов первой необходимости одежда — единственное, что можно приобрести здесь по разумной цене. Недавно я купила семь ярдов коричневой хлопчатобумажной ткани за девять шиллингов и четыре пенса, а мой сосед-портной за пять шиллингов сшил мне шорты и две рубашки, так что за четырнадцать шиллингов и четыре пенса я обзавелась тремя новыми предметами туалета. Кэй уверяет, что в шортах и рубашке одного и того же тускло-коричневого цвета я похожа на заключенного. Ну и что, ведь никто здесь на это не обращает внимания!

ПЕСТРЫЕ КАРТИНКИ

21 августа. Покхара.

Последние три недели я сильно болела. Мне хотелось вылететь в Катманду 7 августа, но с 6 августа Покхара на десять дней оказалась в полной изоляции. Может быть, это и к лучшему, потому что как раз тогда я стала жертвой чудовищного расстройства желудка.

Если бы знать, что в течение десяти дней самолета не будет, такая изоляция была бы весьма приятной. Но когда нужно лететь как можно скорее, а тут приходится ждать самолета и непрерывно поглядывать на небо, откуда он в любую минуту может появиться, то затянувшаяся неопределенность становится совершенно невыносимой. И все же, живя рядом со взлетной полосой, я была в более выгодном положении по сравнению с теми потенциальными пассажирами, которые влачили бесцельное существование в сырой «Аннапурне», где в условиях сезонной нехватки продовольствия не помогала даже изобретательность Кесанга.

К 8 августа уже девять иностранцев ожидали самолета, чтобы вылететь в Катманду. Алан Маквильям выходил из себя — ему необходимо было попасть в Дели для неотложной консультации. В углу безутешно томился Питер Джонсон, отсчитывая впустую потраченные дни своего двухнедельного отпуска, который он (после восемнадцати месяцев работы в отдаленной горной деревне в составе «Корпуса мира») намеревался весело провести в Калькутте. Здесь же был индийский инженер, страдавший диабетом. Он лежал на чарпай⁵² и без конца повторял, что его запасов инсулина надолго не хватит. Американка, меряя шагами веранду, уверяла, что такая скудная диета истощает ее энергию, но двигалась она при этом довольно бодро. Нервы у немецкой четы агрономов (они занимались составлением почвенной кар-

ты долины) также были взвинчены до предела. Супруги путешествовали вместе со своими капризными детьми. Они упорно приписывали отсутствие самолетов нерасторопности непальцев. На десятый день атмосфера в «Аннапурне» настолько накалилась, что все избегали смотреть друг другу в глаза. Только тибетец мог в этой обстановке сохранять спокойствие, что Кесанг и делал.

Затопленная долина представляла собой довольно резкий контраст тому шумному оживлению, которое обычно царит там с рассвета. Большую часть времени наша «улица» в Парди — это коричневый поток по колее-но глубиной. Вскоре на глиняном полу в нашей прихожей начала бурно расти трава. Таши страшно обрадовалась, таким образом она была избавлена от частых походов по лужам к своему привычному месту.

16 августа я прибыла в Катманду и прежде всего попыталась заказать обратный билет на двадцатое; но самолеты непальской авиакомпании туда не летали ни вчера, ни сегодня, и лишь благодаря любезности швейцарцев мне удалось вернуться сегодня на маленьком самолете.

Когда трое швейцарцев и я в 9 утра явились в аэропорт Гаучар, нам сказали, что прогноз неясен, и следующие четыре часа мы провели в так называемом ресторане, откуда пилот периодически выходил взглянуть на небо. В половине второго по радио поступило благоприятное сообщение из Покхары, но, поскольку Катманду оставался совершенно закрыт облаками, я считала, что с места мы не тронемся. Однако пилот бодро заявил, что стоит рискнуть, имея в виду, что мы можем вернуться, если условия ухудшатся.

Полет на мини-самолете больше напоминает поездку на автомобиле с крыльями. С переднего сиденья видны работающие на холмах люди. Однако у меня полет оставил самые мрачные воспоминания. Когда мы набирали высоту, я не могла различить узкую щель между горами, через которую только и возможны полеты в Покхару. Нас выручил пятнадцатиминутный интервал хорошей погоды, последовавший сразу после нашего побега из туманного ада. Вскоре новая стена облаков преградила нам путь, и, когда мы вошли в центр ее, я стала вспоминать своих близких. Пилот связался с Катманду и закричал в микрофон:

— Может, мы и повернем обратно, точка. Посмотрю, сколько это будет продолжаться, точка. Подождите две минуты, точка. Предупреждаю Покхару, точка.

Как ни странно, но минуты через две (очень долгих) туман действительно начал рассеиваться и в Катманду ушло новое сообщение:

— Все хорошо, прекрасная маркиза.

Затем передали в Покхару, что теперь они могут спокойно отправлять самолеты. Минут через десять мы снова попали в облако, и я отчаянно дрожала в ожидании столкновения с возвращающейся «Дакотой». К счастью, в самой долине Покхары было безоблачно, и в половине третьего мы приземлились. Ярко светило солнце.

В Парди меня удивительно тепло встретили соседи. Возможно, они наконец признали меня за свою — так же, как безмятежно улыбающегося слепого мальчика-нищего, одиноко бродящего по долине, или оборванного сумасшедшего индийца, говорящего на безупречном английском и часами просиживающего в чайных, где он ведет горячие дискуссии с самим собой о достоинствах индуизма и христианства.

31 августа.

Недавно я узнала, что Бхупи Шерчан — мой молодой друг из Покхары, широко известный в Непале поэт, — обладатель книги Э. Кавакути «Три года в Тибете». Это редчайшая книга о Тибете, и я уже давно ищу во всех книжных магазинах Великобритании и Индии английский ее перевод, который был опубликован в Мадрасе в 1909 году. Мне казалось непостижимым, что скудный запас английских книг в долине может включать Кавакути, но Бхупи объяснил, что эта книга была подарена его деду автором, которому могущественный клан Шерчанов — одна из богатейших купеческих семей в Непале — по пути в Тибет оказал большую помощь.

Ранее, в период вынужденного безделья, я провела массу времени за чтением Кавакути и по-настоящему полюбила этого эксцентричного, но набожного японского буддийского монаха, сочетавшего глубокие знания с детской непосредственностью. В 1900 году, в совершенстве изучив тибетский язык, он, рискуя жизнью, под видом ламы, нелегально проник в Тибет, чтобы изучить рели-

гию страны. Благополучно пережив множество опасных и разнообразных приключений, он вернулся домой, чтобы написать своеобразный отчет о Тибете на стыке двух столетий. Книга настолько захватила меня, что я не могу не процитировать несколько самых интересных, на мой взгляд, отрывков, прежде чем с большой неохотой верну ее Бхупи.

В марте 1899 года Кавакути побывал в долине и записал: «Покхара похожа на города моей родины. Место его выбрано из-за удивительной красоты окружающей природы. Покрытые бамбуковыми зарослями лощины, поросшие цветами холмы в богатом убранстве зеленой листвы, украшенные бегущими с гор потоками, само расположение городка среди высоких гор — таковы характерные черты Покхары. Вода в реке молочно-белого цвета, очевидно, из-за частиц приносимой с гор глины. Ни в одном из своих путешествий по Гималаям не встречал я красоты столь захватывающей, какая покорила меня в Покхаре. Следует также отметить, что здесь самые низкие во всем Непале цены на все виды товаров».

Со всем этим, кроме последней фразы, я согласна всем сердцем. Поскольку рост цен и постройка взлетной полосы — единственные изменения, происшедшие в Покхаре с 1899 года, то можно считать, что если бы Кавакути вернулся сюда в новом воплощении, он тотчас же узнал бы долину, некогда покорившую его сердце.

В шесть часов утра я отправилась на велосипеде на базар. Небо было безоблачным. Я увидела горы в лучах раннего солнца! После долгого отсутствия они кажутся еще красивее. Даже кисть опытного художника — будь он рядом, — наверное, не смогла бы перенести на полотно заснеженные пики Гималаев. Они поистине величественны, пожалуй, это единственное прилагательное, способное передать то впечатление, которое получаешь при выезде из Парди по направлению к самой Мачхалпучхре — царице снегов и льдов, надменно возвышающейся над всем вокруг и уходящей в голубизну неба.

3 сентября.

Сегодня я впервые поссорилась с местными властями. Несмотря на мои успехи в установлении личных контактов с местными жителями, я, кажется, обречена на вечные неудачи на служебном поприще, где столь часто

происходят столкновения наших взглядов. Эти проблемы редко удается решить достойно и в то же время практично. Здравый смысл и терпимость требуют определенной гибкости, поэтому в мелочах я соглашаюсь с необходимостью медленно плыть по течению в тумане компромисса. Однако подчас возникают серьезные разногласия, побуждающие меня действовать согласно собственным принципам. И каково же недоумение непальцев, когда я внезапно восстаю и становлюсь непреклонной. Возможно, компромисс — вообще неверный путь даже в мелочах, однако без него работа здесь зайдет в тупик. Не сказала бы, что я в подобных случаях принимаю обдуманное решение и сознательно отказываюсь идти на поводу; просто я инстинктивно восстаю против совершенно недопустимых для меня поступков, и с этого момента уверенность, что каждый по-своему прав, делает дальнейший компромисс невозможным.

5 сентября.

Вчера вечером мы, жители Парди, подверглись пропагандистской обработке в духе Запада. Сотрудник британского посольства устроил киносеанс на открытом воздухе, чтобы рассказать местным жителям о жизни в современной Великобритании. Фильмы были настолько неуместны, что приходилось только удивляться, как работники посольства могли допустить такую глупость. Правда, киносеанс немало позабавил меня — я старалась смотреть на все происходящее глазами непальского крестьянина.

Жизнь в Лондоне была представлена торжественным парадом, так что публика, естественно, пришла к выводу, что этот город — самый цивилизованный в мире, где большинство мужского населения носит пышные мундиры и гарцует на ухоженных лошадях. Потом нам показали отрывки из «Макбет». На экране мелькали костюмы времен Елизаветы, причем крупным планом дали окровавленный кинжал. Последняя деталь, несомненно, должна была «содействовать» дальнейшему укреплению дружеских связей между гуркхами и английским народом. За этим последовало празднование 400-летнего юбилея У. Шекспира в Страффорд-на-Эйвоне, собравшее множество облаченных в мантии мэров со всех концов Великобритании, затем — фестиваль фольклора в Уэль-

се с участием танцоров из многих стран в национальных костюмах, со стайками (а может, правильнее — выводками?) разряженных «друидов» на переднем плане. На сладкое нам преподнесли шотландские игры, с развешивающимися юбками шотландских горцев и воем вольноков. Таков облик Великобритании сегодня, каким его видела долина Покхары. Несомненно, мои соседи теперь уверены, что одежда, которую здесь носят европейцы, шита специально для тропиков. Кроме того, они поняли, что в Великобритании по крайней мере столько же национальных праздников, сколько в Непале.

8 сентября.

Сегодня моя очередь готовить ужин. Кэй вернулась домой в половине восьмого. В руках у нее был транзисторный приемник, которым она редко пользуется. Кэй задышалась от возбуждения. Она объявила:

— Началась война!

Я на мгновение почувствовала слабость — вот оно! Но по мере выяснения подробностей стало ясно, что это война между Индией и Пакистаном.

Рыночная цена на керосин поднялась до двух фунтов за галлон. Поговаривают, что все внутренние рейсы непальской авиакомпании будут сняты, так как Непал зависит от поставок горючего из Индии. Два часа мы пытались понять из передач последних известий на английском языке сложившуюся ситуацию и получили весьма противоречивые сведения. Радио Пакистана, Индии, Непала, Китая, США и Великобритании по-разному объясняли события дня.

Сейчас мне больше всего жаль маленький Непал. Радио Катманду изо всех сил старается быть нейтральным. В данный момент в Пекине находится непальская делегация... Мы здесь, правда, в безопасности. Даже если между Китаем и Индией разразится крупный конфликт, маловероятно, что Непал будет непосредственно вовлечен в военные действия.

Кэй сильно расстроилась: она планировала в конце месяца поездку на своем джипе в Южную Индию и боялась, что к тому времени застрянет в пути из-за трудностей с бензином. Поэтому решено было отправиться пораньше.

15 сентября.

Кэй уехала 11 сентября. Сейчас она, должно быть, держит путь по Раджпатху. Кроме нее я знаю еще только одну старую леди — Джил Бакстон, которая способна бодро провести в одиночку джип, бывший в употреблении двадцать один год, из Катманду в Майсур через воюющую страну. Что бы там ни говорили о внешней торговле Великобритании, с экспортом старушек там все в порядке.

Уже неделю идет война, но Пекин сейчас настолько преуспел в глушении радиопередач, что ни одна новость из внешнего мира сюда не просачивается. Может быть, это и к лучшему...

Черный рынок процветает. Очевидно, непальские торговцы — прирожденные предприниматели: стоит им только почуять дымок войны за горизонтом, как за ночь все становится дефицитом, хотя правительство ввело контроль за ценами.

Утром я помчалась на базар за русским сгущенным молоком для тибетцев, страдающих от недоедания. (После отъезда Кэй они каждое утро приходят ко мне в комнату за своей порцией «гоголя-моголя».) Мне удалось приобрести сорок больших банок молока. Но надолго их не хватит, поэтому я купила еще тридцать банок индийского производства. Правда, оно гораздо хуже русского, да и стоит дороже.

Сейчас я в шоке: только что на моих глазах убили бешеную собаку. Выйдя из лагеря после обычного вечернего обхода, я услышала пронзительные вопли — и вслед за этим увидела, что в мою сторону несется стадо буйволов. Люди бросились врассыпную. Тут я заметила очень симпатичную собаку, принадлежавшую местному торговцу. Она кружилась на месте и страшно выла. В панике я стала искать глазами Таши, которая сильно отстала, заигравшись с другими тибетскими собаками. Я бросилась к ней, подхватила на руки и остановилась у палаток посмотреть, что же будет дальше. Долго ждать не пришлось: трое молодых парней взобрались на крышу дома и стали забрасывать несчастную собачонку камнями. Жестокая расправа вскоре закончилась. Но то, что это бедное существо было одним из лучших друзей Таши, в определенной степени меня настораживает.

Таши стала довольно элегантной дамой, и если раньше лохматый комочек хотелось потискать, то теперь она вызывает желание погладить ее шелковую шерстку. Экстерьером она напоминает таксу. У нее нелепый пушистый хвост коричневого цвета, игриво загнутый калачиком, и красивые бело-золотистые подпалины.

Я считаю, что Таши — «чистокровная тибетская дворняжка». Однако, если имеешь глупость пойти на мытарства и огромные расходы, связанные с провозом собаки из Непала в Ирландию, есть смысл притвориться, из престижных соображений, что собака принадлежит к редкой «центрально-азиатской» породе. Поэтому на бланке, который я заполняла сегодня вечером, приступая к мучительному процессу получения ирландского гражданства для Таши, в графе «порода» появилась начальная запись: «карликовая гималайская овчарка».

Неделю назад наша идиллия стала омрачаться более неприятными сторонами владения собакой, родившейся в Непале. Я должна вернуться домой в декабре, и в ответ на мой запрос в ирландское посольство в Нью-Дели я получила целый ворох бумаг, требующих заполнения. Ясно, наше министерство сельского хозяйства терпеть не может иностранных четвероногих, а страницы неумолимых предписаний призваны искоренить все неблагоприятные привязанности, которые позволяют себе ирландские граждане за границей. Однако уважаемое учреждение плохо меня знает, если пытается помешать исполнению желаний ирландской гражданки. Моя решимость «импортировать мелкое домашнее животное из семейства псовых» (собаку, попросту говоря) мгновенно укрепилась, стоило мне прочесть грозные правила. Даже если бы я терпеть не могла Таши, они бы вызвали у меня непреодолимое желание импортировать ее «отдельно, помещенной в соответствующую корзину с крышкой, клетку, коробку или другую тару, через которую нельзя просунуть нос и лапу и которая не должна содержать сена, соломы или торфяного мха». В воинственном настроении заполняла я анкеты и писала заявки «официальным карантинным службам» и «официальным агентам по перевозкам», в то время как Таши безмятежно дремала у моих ног, не ведая, что в течение следующих нескольких месяцев она станет предметом большого беспокойства множества людей.

ВОР И БОГИНЯ

23 сентября. Катманду.

Два дня назад я прилетела в Катманду. За стенами посольства и отеля «Ройял» не чувствуется никаких признаков, что наши южные соседи находятся в состоянии войны. Отель «Ройял» совершенно пуст: схлынули толпы богатых туристов, ненадолго останавливающихся в Непале во время своих кругосветных путешествий. Хозяева отелей распустили большую часть персонала.

Я провела три часа в аэропорту, разыскивая груз с продуктами для беженцев среди гор провианта, скопившегося здесь. Как ни странно, создавшийся кризис ускорил доставку товаров из Калькутты. Большинство пассажирских рейсов отменено, поэтому непальская авиакомпания занялась транспортировкой грузов, вместо того чтобы терять деньги на простоях. Теперь аэропорт забит всевозможными тюками, корзинами, ящиками и коробками. Наши сто пятьдесят банок консервов ждали отправки в калькуттском аэропорту уже семь недель, и могли пролежать там еще семь месяцев, если бы не прекратились более выгодные пассажирские перевозки.

24 сентября.

Сегодня я провела в аэропорту почти десять часов. Я все ждала, что самолет поднимется в воздух, но он так и не взлетел. Метеорологические условия для рейса в Покхару были благоприятны, но что-то все время мешало полету. Наконец в 5 часов 20 минут вечера было объявлено, что рейс на Покхару отменен.

Началось мучительное возвращение в Джавалкхель с обычным моим багажом для беженцев. На сей раз груз состоял из трех ящиков порошкового молока весом по шестьдесят фунтов каждый, шести банок консервов по сорок фунтов и двух ящиков медикаментов по двадцать,

корзины со свежими овощами для больницы «Сияние» в тридцать фунтов и матерчатой сумки через плечо с личным багажом — в два с половиной фунта. В порту царил страшный хаос. Поэтому не так-то просто было охранять такое количество багажа в течение почти десяти часов. Собственно, сделать это можно было одним-единственным способом — построить из тюков «пирамиду», взгромоздиться на нее, воссесть на ней, как воплощенное долготерпение, и с улыбкой встречать очередную задержку. Труднее всего было доставить багаж в город. Я внутренне содрогалась при мысли о том, что завтра на рассвете все это придется вновь тащить в аэропорт. Ужаснее всего то, что ни в аэропорту, ни на аэровокзале на Нью-Роуд нет камер хранения.

В половине шестого я решила попросить машину у приятельницы, но телефоны в ее районе не работали. В шесть часов пятнадцать минут появился автобус службы аэропорта, мой багаж погрузили, к восьми доставили на Нью-Роуд, откуда я попыталась дозвониться до Зигрид, но меня снова ждала неудача. Тогда я вызвала такси и наконец в половине девятого вернулась домой измученная и сердитая.

25 сентября.

Жизнь становится легче: сегодня я провела в аэропорту только шесть часов. Суббота. У Зигрид выходной день, однако она благородно поднялась с рассветом и отвезла меня и мой проклятый багаж на Нью-Роуд, где нам объявили, что отправление автобуса в аэропорт откладывается до десяти часов утра. Я в очередной раз попрощалась со своей гостеприимной приятельницей, человеком редчайшего долготерпения, чья стоическая способность выносить мои бесконечные приезды и неотъезды ни с чем не сравнима. Когда вчера вечером я вернулась в Джавалкхель, она мигом меня успокоила и была очень рада, что я не улетела в Покхару!

В конце концов автобус доставил меня и багаж в аэропорт в 11 часов 30 минут. Соорудив «пирамиду», я с надеждой восседала на ней до половины шестого вечера. Мое терпение было вознаграждено объявлением, что рейс на Покхару снова задерживается. Я еще раз повторила процедуру перевозки багажа на аэровокзал. Там мне посоветовали приехать завтра в половине седьмого

утра и заверили, что место на самолете для меня гарантировано. Не могли они гарантировать только вылет.

26 сентября.

Не исключено, что самолет в Покхару сегодня действительно улетел, но меня среди его пассажиров не оказалось. Мне снова не повезло: в автобусе я сломала два ребра — слава богу не те, что два года назад...

Несчастье произошло вчера по дороге из аэропорта, но, как это часто бывает при переломе, степень повреждения выявилась не сразу. Весь багаж пассажиров бросили в кучу в центре салона, между двумя узкими деревянными скамьями. Шофер оказался отчаянным лихачом, и, когда от группы крестьян,двигающихся вереницей с охапками травы в руках, неожиданно отделился священный бык и направился наперерез автобусу, мы неслись с огромной скоростью. Шофер резко затормозил, и меня швырнуло на пресловутую банку консервов. Было больно, но я не придавала этому особого значения. Среди ночи я проснулась от нестерпимой боли и поняла, что дело мое плохо.

Зигрид дома не оказалось — она все еще играла в бридж у кого-то в гостях и ничего не знала о случившемся. Вскоре она появилась, успокоила меня как могла, крепко перебинтовала, заставила принять таблетки кодеина и выпить бренди. При этом она без конца повторяла, что ничего серьезного не произошло. Она уговаривала меня лечь в ее постель, но я решительно отказалась и устроилась на своей тибетской подстилке, рядом с Пучхре, и через мгновение заснула.

Утром доктор Гир направил меня в туберкулезный центр на рентген. Он хотел иметь подтверждение своему диагнозу — перелом двух ребер. Прибыв туда после мучительной тряски в автомобиле, я узнала, что ни о каком рентгене до завтрашнего дня не может быть речи, так как сегодня — очередной национальный праздник. Несмотря ни на что, ко вторнику я надеюсь поправиться и вылететь в Покхару.

28 сентября.

Через неделю после злосчастного происшествия я уже не считала, что перелом ребер дело шуточное. Даже если бы доктор Гир не запретил мне поездки на ближайшее

будущее, все равно мне пришлось бы отказаться от заказанных на сегодня билетов на рейс в Покхару.

Вчера утром я, как условились, в половине десятого приехала в туберкулезный центр, где мне сообщили, что аппарат снова забарахлил и вряд ли заработает раньше часа дня. Действительно, в 2 часа 45 минут мной занялся очень приятный, но удивительно бестолковый рентгенолог: минут пять он внимательнейшим образом изучал снимок, хотя даже мне с первого взгляда было ясно, что ребра, указанные доктором Гиrom, на снимок не попали.

Прошлой ночью боль усилилась, поэтому сегодня весь день я лежала в саду на солнце и читала. Сейчас я чувствую себя намного лучше.

Когда Зигрид на работе, ее дом превращается в некое подобие клуба, где Донбахадур и его друзья встречаются, чтобы петь под аккомпанемент непальского барабана, обучать друг друга странным вариантам английского и немецкого языков, заигрывать с чужими женами, пить чай и увлеченно сплетничать о своих хозяевах или часами сооружать в саду воздушных змеев для состязаний, чем, кстати, они сейчас и занимаются.

«Сезон воздушных змеев» открывается после муссонов, и сейчас по всей Долине можно видеть «поверженных» змеев, печально повисших на вершинах деревьев и на электропроводах. Вчера я наблюдала три состязания, одновременно проходившие высоко-высоко в голубом небе. Обычно нити не видны, поэтому следить за искусными маневрами этих парящих, внезапно бросающихся вниз, трепещущих соперников всегда интересно. Зрелище просто захватывающее. Создается впечатление, что каждый воздушный змей имеет собственный маленький мозг.

Донбахадур — местный чемпион. Сегодня он готовил своего змея для ответственных соревнований, которые состоятся завтра, лишь бы только не затих свежий ветерок. Нитка у его змея в длину более ста ярдов, и каждый дюйм ее, после первых пяти-шести ярдов, покрывается мелко растолченным стеклом, которое должно подрезать нить соперника. Мне эта работа показалась скучной, но Донбахадур был очень увлечен ею. Его приятель Тулбахадур, молочник, помог ему натянуть нитку во всю длину между стволами деревьев, после чего Дон-

бахадур взял из кухни Зигрид лучшую кастрюлю и сварил в ней смесь из муки, воды и толченого стекла. Пасту аккуратно нанесли на нитку и, после того как она быстро высохла на солнце, ее дюйм за дюймом подвергли тщательной проверке. Необходимо было выяснить, насколько крепко держится каждый крохотный осколок стекла. Пока драгоценную нить осторожно наматывали на катушку, я незаметно взяла кастрюлю и в ванной комнате постаралась тщательно удалить следы ее смертоносного содержимого.

30 сентября.

Эту дату я запомню надолго, ведь это был мой самый тяжелый день в Непале. Только я села позавтракать, как наверху кто-то подавленно вскрикнул и тут же в дверях появилась мертвенно-бледная Зигрид.

— Меня обокрали, — сообщила она. — Забрали драгоценности, фотоаппараты, пленки — все.

Руки и ноги у меня похолодели, но не только потому, что мне было очень жаль Зигрид, — я вдруг отчетливо поняла, что вина за эту кражу лежит полностью на мне.

Дело в том, что, когда я работала вчера вечером за столом в гостиной, слышались шаги прямо у меня над головой. «Наверное, вернулась Зигрид, пока я была в туалете», — подумала я и не двинулась с места. Какое-то время спустя я услышала удары в наружную стену дома прямо за моим креслом. Про себя я отметила эти звуки, но тут же автоматически отмела, как и все, что мешало сосредоточиться. Инстинкт подсказывал, что они раздаются либо сверху, либо прямо у меня за спиной. Однако я об этом тут же забыла, потому что казалось невероятным, что кто-то мог побывать наверху. Трудно найти даже слабое оправдание столь неумному моему поведению, но славная Зигрид умоляла меня не волноваться. Она даже сказала, что виновата сама, так как всегда оставляла шкафы незапертыми, а окна настежь открытыми. Мне было бы легче, если бы она проявила меньше великодушия и воздала мне по заслугам.

Донбахадур услышал о краже и расстроился не меньше нас. Тулбахадур был на кухне (похоже, он завтракает чаще здесь, чем дома), и мы вчетвером немедленно отправились в Патан на машине Зигрид.

Полицейский участок размещается в одном из старейших и красивейших зданий неварской архитектуры Патана. В нише рядом с главным входом установлена статуя Ханумана, бога-обезьяны⁵³. Эту древнюю скульптуру верующие регулярно покрывают красным и желтым порошком и краской. Нависающая крыша здания поддерживается балками с резными детальными изображениями обнаженных богов и богинь. Такими же изображениями заполнены простенки между окнами. Хотя такое искусство часто называют непристойным, мне оно кажется скорее забавным, чем оскорбительным. Понятно, что для европейского полицейского участка это не самое подходящее украшение, но если непальцы достигли того состояния равновесия, когда секс воспринимается с юмором, то это надо скорее приветствовать, чем критиковать.

Внутри здания шаткая лестница вела в кабинет начальника участка. В углу, у небольшого окна, стоял колченогий стол. Покрытые изысканной резьбой решетки на окнах были откинuty внутрь и на день крепились к низким потолочным балкам. Начальник — толстый, пожилой человек с лицом, изрытым оспой, бритой головой и в очках с металлической оправой — встретил нас довольно сухо. Он долго молча разглядывал нас, всем своим видом выказывая глубокое недовольство. Начальник сообщил через Донбахадур, что нам придется подождать переводчика, который неизвестно когда появится в участке и появится ли вообще.

Мы вчетвером сели на скамью у окна и час спустя были приятно удивлены прибытием Лал Рана, молодого переводчика. Его относительная пунктуальность заставила меня заподозрить, что пессимизм начальника был рассчитан на то, чтобы спровадить нетерпеливых иностранцев. Лал Рана был любезен, но не очень сообразителен. Когда Зигрид пыталась изложить дело, он, как и его коллеги, проявил гораздо меньше интереса к преступлению, чем к возрасту потерпевшей и моему, занятиям, номерам паспортов, домашним адресам и прочей ерунде. Затем переводчик гордо заявил, что в полиции есть «список местных воров» и сейчас он займется тем, что опросит их. Тут Зигрид довольно ехидно заметила, что, обрати они хоть чуточку внимания на опись украденных вещей, расследование пошло бы куда быстрее.

Все с ней согласились. Лал Рана очень оживился и сказал, что совершенно необходимо снять у нас отпечатки пальцев. После чего он помчался искать соответствующее оборудование: оно было куплено месяц назад у полиции города Лакхнау, которая решила заменить его на более современное. Увидев этот прибор, я поняла, что полиция Лакхнау не прогадала.

Переводчик и еще четверо полицейских чиновников последовали за нами пешком — двое в поношенной форме и двое в веселеньких полосатых штанах. Я так и не поняла, кто из них был старше по званию: ношение полосатых штанов при исполнении служебных обязанностей можно рассматривать и как особую привилегию офицеров более высокого ранга, и как признак самого низкого положения в полиции. Однако никто из этих стражей закона, казалось, не имел власти друг над другом. Они наслаждались происшествием и бродили по спальне Зигрид с преувеличенной до нелепости осторожностью, заматывали руку полотенцем, прежде чем прикоснуться к занавесям. Но именно Зигрид обнаружила множество обгоревших спичек на полках серванта и на полу, хотя ни она, ни я, ни тем более полиция не могли сделать никакого заключения из этого обстоятельства.

Мы совершили «наружный осмотр» места, через которое преступник проник в дом. Полицейские старательно делали бесчисленные снимки огромной камерой, которая при этом только не скрипела. Затем полиция удалилась «продолжить с расследованием», как объяснил переводчик; мы поняли, что «с расследованием» дело бесперспективно, поэтому Зигрид тотчас бросилась звонить одному влиятельному непальскому другу — и вскоре нас снова пригласили в полицейский участок.

Там мы узнали, что для ведения нашего дела из главного полицейского управления в Синха Дарбаре⁵⁴ сюда прибыл сурового вида молодой офицер в щеголеватой форме. С его появлением атмосфера в полицейском участке резко изменилась. Стоило ему шевельнуть пальцем, как все делали какие-то судорожные движения, что, по их понятиям, очевидно, должно было означать «стать по стойке „смирно“, отдать честь и щелкнуть каблуками». Правда, вряд ли практическая эффективность расследования от этого заметно повысилась, но тем не менее у нас взяли отпечатки пальцев, что тоже означало

прогресс. Нас допросили обо всех наших вчерашних передвижениях. Молодой офицер сидел, грозно смотрел на своих подчиненных и молча слушал нас.

Вскоре выяснилось, что местная полиция, напуганная присутствием начальства, старается свалить вину на Донбахадур. Мы с Зигрид яростно запротестовали, видя, как они настойчиво пытаются уличить беднягу во всех грехах. С таким же успехом мы могли подозревать самих себя. Донбахадур и так весь день чуть не плакал из-за того, что «такие красивые вещи его хозяйки пропали». Однако наше гневное вмешательство не помогало. Мы замолчали и лишь время от времени бросали негодующие взгляды на полицейских и ободряющие — на их жертву.

Было почти пять часов вечера, когда мы покинули полицейский участок. Молодой офицер отпустил нас с таким видом, будто мы два довольно бестолковых новобранца. Донбахадур тут же предложил посоветоваться с одним индуистским прорицателем, жившим неподалеку. Мы тут же согласились, уверенные, что этот совет будет более полезным, чем «помощь» полиции Патана. Мы долго блуждали по узким улочкам, пока наконец не остановились у входа в запущенный, застроенный храмами и храмиками двор. На первом этаже в углу комнаты восседал, скрестив ноги, жрец-брахман. Перед ним стоял низкий столик, исчерченный геометрическими фигурками. Донбахадур кратко объяснил, что нам нужно. Прорицатель взял пригоршню сухой земли, рассыпал ее по столу, сверился с лежавшей рядом на земле истрепанной книгой и начал что-то чертить на земле стеклянной палочкой. Между тем старуха, которая веяла рис в другом углу комнаты, не обращала на нас никакого внимания. В лучах заходящего солнца мякина казалась золотым облаком.

Донбахадур, стоявший рядом с прорицателем, внезапно напомнил мне европейца, который пришел к врачу с легким недомоганием, описал ему симптомы и теперь доверчиво ждет, когда ему выпишут рецепт. Прорицатель «священнодействовал», но атмосфера оставалась крайне прозаической.

Брахман не потратил на свои расчеты и пяти минут. Отложив в сторону свою палочку, он будничным тоном объявил, что украденные вещи не будут проданы немед-

ленно, а останутся надолго у вора в Патане. Прорицатель заявил, что в преступлении замешан молодой человек, который обычно носит черные брюки европейского покроя и иногда посещает контору Зигрид. В заключение он предсказал, что этот молодой человек завтра в полдень навестит дом Зигрид. Донбахадур заплатил брахману рупию и последовал за нами во двор, на ходу переводя предсказания брахмана. Но даже Донбахадур вынужден был признать, что консультация помогла мало.

2 октября.

Вчера в полдень, как предсказал брахман, молодой человек в черных брюках вошел в гостиную с запиской для Зигрид. Этот человек иногда бывает у нее в конторе по делам, хотя домой к ней никогда раньше не заходил. Его появление сильно подействовало на меня, ведь европейского покроя брюки здесь встретишь не часто. Я позвала Донбахадура. Тот вышел из кухни, чтобы принять записку. Увидев молодого человека, он едва скрыл свое волнение. Но как арестовать человека на основании таких «улик»?

До обеда воров так и не поймали. Сегодня суббота, и Зигрид пошла на базар в надежде обнаружить там свои вещи. Когда я сидела в саду и читала, влетел возбужденный Лал Рана. Узнав, что Зигрид вернется только к ужину, он поспешно объяснил, что какой-то подозрительный человек прохаживается возле нашей калитки, и спросил, не видел ли его кто-нибудь поблизости от дома или сада в последнее время. Я кинулась к калитке — слишком быстро для моих ребер — и оказалась лицом к лицу с Черными Брюками. Времени на обдумывание ситуации у меня не было. Молодой человек поздоровался со мной очень приветливо, но мне почудилась некоторая неловкость в его поведении. Однако я уверила себя, что это всего лишь игра моего воспаленного воображения. Вернувшись в сад, я сказала переводчику, что этот тип был у нас вчера. Лал Рана удалился, но он предупредил, что придет снова, чтобы еще раз поговорить с Зигрид.

Теперь после появления здесь молодого человека в черных брюках Донбахадур полностью и безоговорочно уверовал в прорицателя. Вечером он дважды побывал у

него. В результате расследование сейчас идет по всем законам магии. Вчера они испекли из теста фигурку человека, и сегодня брахман произносит над ней зловещие заклинания, чтобы заставить вора постоянно дрожать от страха, пока его не арестуют. (Донбахадур, конечно, предупредил полицию, что надо искать трясущегося человека.) Однако если преступник — молодой человек в черных брюках, то почему же он не дрожал?

Вторая половина магической операции осуществляется в доме Зигрид. В спальне в большой чаше весь день курились благовония, а над сервантом и дверями были прибиты листы бумаги с какими-то непонятными знаками. Конечно, это типичный образец суеверия. Несомненно, и я, и Зигрид — довольно чувствительные особы и воспринимаем эту церемонию гораздо серьезнее, чем хотелось бы.

Расследование приобретало все более иррациональный характер. При других обстоятельствах можно было от души посмеяться над этим странным калейдоскопом невероятных полицейских участков, детективов, раздетых в пижамы или в изношенные мундиры, сверхъестественно точных предсказаний прорицателей, допотопного оборудования, полного незнания, как приступить к поиску преступника.

Последние дни в Катманду стоит прекрасная погода. Ночи освежающе прохладны, а по утрам Долина наполняется густым серым туманом, который так напоминает мне осень на родине. Чудесный прозрачный дневной свет к вечеру становится удивительно ласковым. Сегодня в половине седьмого, когда в Долине уже стемнело, вздымавшиеся на востоке массы облаков все еще сияли глубоким розовым светом — а за ними, далеко позади, высочайшие в мире снежные вершины медленно таяли на фоне яркой синевы звездного неба.

4 октября.

В течение последних восьми дней вся страна праздновала Дасаин (известный еще как Дурга Пуджа)⁵⁵. И мы, иностранцы, по-настоящему почувствовали сейчас всю значимость, серьезность, важность происходящего. Главный почтамт не работает; три дня назад прекратилась подача электроэнергии, и нам сообщили, что она не возобновится до 6 октября; телефонная связь прервана.

Синха Дарбар закрыл ставни, заморозив всякого рода переговоры на высшем уровне. Почти все слуги, рассыльные и вахтеры в отпуске. Только теперь мы по-настоящему поняли, в какой мере зависим от рассыльных. Ситуация, скажем прямо, курьезная. Вот это столица! Главный почтамт спокойно закрыли на неопределенный срок, лишь бы его сотрудники могли спокойно помолиться.

Несколько дней меня сильно беспокоят боли в спине. Сначала я держалась мужественно и не принимала болеутоляющих средств, но терпения моего хватило ненадолго, и теперь я с жадностью их поглощаю каждые три часа. Сегодня, в половине шестого утра, прежде чем отправиться с Зигрид и Донбахадуром на ежегодное жертвоприношение Дурге в Коте⁵⁶, я приняла двойную дозу лекарства. Правда, вскоре я поняла, что напрасно перестаралась — церемония умиротворения Черной Богини Разрушения, пожалуй, самое эффективное болеутоляющее средство.

Обрядам непальцев присущи одновременно и небрежность, и жизнерадостность, и анархизм, и удивительная непосредственность. Подобная смесь, казалось, должна вызывать у европейцев усмешку. Однако этого не происходит, ибо, несмотря ни на что, черты эти органичны. Дело не в том, что непальцы стараются что-то упорядочить и им это не удается, — они просто и не пытаются. И складывается впечатление приподнятой беззаботности и свободы — пусть ничто не идет по намеченному плану, ведь он — не главное, так о чем волноваться?

Церемония жертвоприношения Дурге была обставлена весьма прозаично: с трех сторон Кот окружен новыми бетонными армейскими бараками, крытыми рифленным железом, так уродующим панораму Катманду. На одной из таких крыш мы и расположились, чтобы было видно древнее, ветхое здание, замыкающее квадрат. Половина черепичной крыши давно уже провалилась, и нетерпеливая толпа наблюдала церемонию с верхнего этажа. На длинной веранде, слева от нас, разложили старенькую полосатую циновку. На нее поставили диван и два кресла, обитые ситцем кричащих тонов, будто их взяли из курортной гостиницы. Рядом установили три «современных» столика с дешевенькими жестяными пепельни-

цами яркого синего цвета. По обе стороны этого сооружения поставили ряды простых деревянных стульев. На том и заканчивались приготовления к приему его величества и сопровождающих его членов августейшей семьи, прибытия которых ждали с минуты на минуту.

Нестройная шеренга солдат (человек двенадцать) стояла лицом к королевской «ложе»; в руках у каждого — сигнальная труба. Время от времени они выдували из них что-то отдаленно напоминающее сигнал, но никаких событий за этим не следовало. Несмотря на то что церемония эта чисто военная, все были одеты в штатское, кроме трубачей и музыкантов военного духового оркестра, пристроившегося на крыше, справа от нас.

К семи часам внимание зрителей переключилось на Кот. Туда стали выводить и выносить на руках буйволят и совсем еще маленьких игривых козлят. Животных было много. Их ласкали, кормили, всячески стремились скрасить несчастным созданиям последний час жизни. Ярдах в двадцати друг от друга стояли три ряда свернутых знамен, вокруг которых мелом нарисовали какие-то загадочные знаки. Ни статуй, ни каких-либо других религиозных аксессуаров не было, поэтому, когда началось жертвоприношение, создавалось впечатление, что оно адресовано непосредственно знаменам. В ярде от каждого ряда знамен стояли крепкие деревянные столбы, возле которых возвышались кучи сухой глины (ею посыпают землю вокруг, когда она становится слишком скользкой от крови). С нами на крыше было еще несколько иностранцев, и некоторые женщины уже начали сентиментально причитать по поводу «маленьких, бедненьких, миленьких козляток, которых вот-вот безжалостно прирежут». Как лицемерен человек! Уверена, что ни одна из них не отказалась бы от жаркого из молодого барашка.

Люди ставили под флагштоками на землю круглые подносы с фруктами, овощами, яйцами, хлебом, зерном, цветами, листьями, маленькими кучками красного и желтого порошка — а иногда и комьями земли с проросшими стеблями молодого риса. Тут можно было увидеть и оборванных нищих, и крестьян с крохотными жестяными подносами, и богатых купцов, и высокопоставленных государственных чиновников, огромные медные подносы которых одному поднять не под силу,

Донбахадур говорил, что в семь часов король сам принесет в жертву белого буйволена и откроет церемонию; в половине восьмого мы решили, что его величество неожиданно вспомнил о каком-нибудь другом мероприятии. К тому времени трое солдат, одетых в белые фуфайки и синие шорты из грубой бумажной ткани, уже рубили головы буйволятам ножами, несколько большими и не такими кривыми, как обычные кукри. Животное привязывали к столбу; один крепко держал его за голову, второй — за задние ноги. Если бы мне пришлось держать голову, я бы очень волновалась, видя, как смертоносное оружие со свистом рассекает воздух в нескольких дюймах от моей шеи. Однако, хотя на наших глазах было отрублено примерно пятьдесят голов, солдаты не допустили ни единого промаха: чтобы отсечь голову, требовался лишь один взмах ножа. Головы бросали к основаниям флагштоков, где какое-то время у животных еще судорожно дергались уши, открывались и закрывались челюсти — зрелище, неприятно поразившее меня вначале, не привыкшую еще к жертвоприношениям. Туловища сначала волокли вокруг знамен по кругу, орошая землю кровью, затем подтаскивали обратно к столбу и складывали рядком у кучи глины. Обезглавленные туловища еще долго дергались в конвульсиях. Они не просто дергались, а лягались так яростно, что тащить их по ритуальному кругу было трудно. Интересно, что произойдет, если оставить животное стоять на ногах после отсечения головы? Сможет ли оно сделать хотя бы несколько шагов, прежде чем упасть? Историям о телах, разгуливающих без головы, никогда раньше я не верила, но теперь считаю их вполне правдоподобными.

Незадолго до начала экзекуции трубачи и духовой оркестр одновременно заиграли разные мелодии. Можно было только догадываться, что каждая команда уродует свой европейский марш, но музыканты упивались собственным исполнением.

Без четверти восемь, когда трое солдат уже немало потрудились и кровь текла рекой, на площади появилась важная персона в роговых очках и с кротким выражением лица. Резня тотчас прекратилась, и все стали непрерывно салютовать, словно рота сумасшедших оловянных солдатиков. Двадцать человек, смешавшихся с толпой, одетых в обычные непальские костюмы, но опо-

ясанных саблями, вдруг стали спешно обнажать свое оружие — и когда эти уже не сверкающие клинки поднялись вверх в нестройном приветственном салюте, было видно, что время покрыло их ржавчиной. Духовой оркестр умолк, и, пока трубачи изображали фанфары, важный чин, слегка конфузясь, торжественно приветствовал пустой диван и кресла. После того как фанфары смяли концовку мелодии, сабли опустились, важный чин закурил сигарету, степенно подошел к группе людей, сидевших как раз под нами, и заговорил с ними.

Теперь темп церемонии убыстрился, животных все вели и вели к жертвенным столбам, кривые мечи сверкали все быстрее и быстрее, окровавленные солдаты уже не ходили, а бегали вокруг флагов с туловищами жертв, а сваленные в кучу подносы уже почти скрыли флагштоки. Чтобы поддать жару, двое музыкантов духового оркестра сменили свои инструменты на старинные мушкеты, из которых стали оглушительно палить в воздух, а в это время их коллеги продолжали состязаться с трубачами в громкости, нещадно коверкая бравурные марши.

Запахи всегда составляют неотъемлемую часть всех непальских празднеств, а на сей раз они обрушились на нас лавиной. Когда мы пришли на площадь Кат, там пахло отбросами. Вскоре на высоких бронзовых подставках рядом с каждой группой флагштоков стали возжигать благовония, и через какое-то время уже трудно было понять, чем пахло. Затем мы почувствовали приятный запах порохового дыма и свежей крови, который совсем сбил с толку обоняние. Но, как ни странно, в целом получилась весьма аппетитная смесь.

Рядом со мной сидел старый офицер, служивший еще во времена Рана, и, когда я не удержалась от выражения восхищения происходящим, он, нахмурившись, отрывисто бросил, что это совсем не то, что было когда-то. Во времена режима Рана каждый житель Катманду был обязан принести в жертву Дурге хотя бы голубя или воробья, а теперь атмосфера отравлена демократическими идеями, и король объявил, что лишь тот, кто воистину жаждет умиротворить богиню, должен это делать. Возможно, она раздражена этим, поскольку, по подсчетам, число жертвоприношений по сравнению с периодом до 1951 года уменьшилось вчетверо. Впрочем, она может

счесть это результатом не столько уменьшения набожности, сколько роста цен. В 1950 году цыпленок стоил полрупии, сейчас яйцо стоит три четверти рупии, а цыпленок — двенадцать-пятнадцать рупий.

Когда в девять часов мы покидали Кот, резня все еще продолжалась; начавших «экзекуцию» трех солдат сменили три новых. Донбахадур сказал, что это может длиться еще много часов. Атмосфера праздничной приподнятости уже поутихла, и у меня создалось такое ощущение, что дальнейшая церемония будет все больше и больше напоминать обычный забой животных.

Донбахадур заявил, что хочет купить цыпленка, чтобы принести жертву Дурге перед автомобилем своей хозяйки. Он объяснил что церемонии подвергаются все машины в Долине, чтобы Дурга не использовала их в будущем году во вред людям. Учитывая, что автомобили появились в долине Катманду совсем недавно, можно понять, насколько гибок непальский вариант индуизма. Цыпленка купили по дороге в Джавалкхель. Следующий час Донбахадур плел длинную гирлянду желтых цветов, чтобы положить их на капот, растворяя цветные порошки в воде из священной реки Багмати, и точил кухонный нож. Затем мы все трое торжественно проследовали к маленькому бежевому «фольксвагену» Зигрид. За нами по пятам шел Пучхре, который всегда интересуется цыплятами, но по мотивам отнюдь не религиозным.

Донбахадур открыл церемонию, окропив подкрашенной святой водой автомобиль. Он разместил цветы и фрукты на переднем бампере. Затем Донбахадур возложил на капот гирлянду, а на покрытых пылью дверях и колесах пальцем нарисовал какие-то таинственные знаки. При этом он бормотал вполголоса молитвы. Наконец наступил торжественный момент: он взял из рук Зигрид цыпленка и над цветами и фруктами перерезал ему шею. В заключение Донбахадур еще раз медленно обошел вокруг машины, окропляя кровью крышу, двери и колеса, — очевидно, когда дело касается Дурги, то «чем больше крови, тем лучше».

Мы также приняли участие в этой церемонии. На медном жертвенном подносе лежала небольшая кучка риса, и, когда его смешали с кровью, Зигрид опустилась на колени перед Донбахадуром. Тот прикрепил ку-



Резиденция средневекового правителя княжества Патан

сочек варева к ее лбу, а к волосам — красный цветок. Теперь настала моя очередь, после чего Донбахадур поставил тикку⁵⁷ и себе. Кровь сворачивается быстро, и даже сейчас, в половине одиннадцатого, мой кусочек все еще не отвалился, — значит, Дурга не уничтожит меня по крайней мере в течение ближайшего года. К несчастью, знак Зигрид отвалился очень быстро, и бедняга Донбахадур не на шутку перепугался за судьбу своей любимой хозяйки.

Праздник окончился обедом с цыпленком, обильно приправленным карри.

5 октября.

Совершенно неожиданно я пошла на поправку. Сегодня я обошлась без болеутоляющих лекарств и заказала билет в Покхару на послезавтра.

Днем я совершила пробную прогулку в Патан. Проходя по узкой улочке, на которой стояли трехэтажные кирпичные дома, я увидела сумасшедшую. Она танцевала и пела (явно что-то непристойное). Ее окружила

группа добродушных зевак. Много людей наблюдали за ее телодвижениями с балконов. Почти все были с неизменной тикой на лбу, гирляндой свежих цветов на шее и ярким цветком в волосах. Сразу чувствовалось, что представление юродивой воспринималось (без жестокости, а как бы между прочим) как небольшой сюрприз, вполне приличествующий дню развлечений и веселья. Умалишенные — обычное явление в стране, где нет психиатрических больниц. Многие из них проявляют безумие именно такими неистовыми и подчас довольно пикантными излияниями в танце и пении. В Европе вид сумасшедшей, бредущей по улицам, вызывает жалость, неловкость и ужас, поэтому с непривычки действительно несколько странно видеть людей, наслаждающихся столь трагическим зрелищем. Хотя они и смеются, а иногда бросают безумной подбадривающие реплики, это, по-моему, не значит, что они хотят высмеять или обидеть ее. На деле они явно разделяют с сумасшедшей ее наслаждение пением и танцами. Невольно думаешь: этим безумцам живется лучше, чем нашим упрятым за высокие стены умалишенным, обреченным влачить существование в полной изоляции.

В Патане дворцовая площадь заполнена толпами людей, которые беспечно веселятся. Поднимаясь по боковой улочке, я встретила необычную маленькую процессию, медленно продвигавшуюся в сторону главного храма на площади. Она состояла из четырнадцати мужчин в женских одеждах, в огромных раскрашенных масках, с которых свисали до пояса фантастические покровы из конских волос, окрашенных в красный, зеленый, розовый, желтый и коричневый цвета. Во главе процессии шли двое мужчин, один держал над головой огромный пылающий факел, пламя которого угрожающе металось над толпой, а другой нес в руках древнее и почитаемое бронзовое изображение богини Дурги в различных гневных позах. «Богини» шли вереницей, их движения были ритмичными, но судорожными. Каждую сопровождал мужчина в обычной одежде. Правую руку «богини» он сжимал левой. Они вместе несли огромный меч. Процессию замыкал мужчина с барабаном, украшенным двумя парами рогов горного барана. Время от времени, когда к ударам барабана присоединялись цимбалы, «богини» останавливались, а их сопровождающие на несколь-

ко шагов отступали назад. Тогда «богини», размахивая мечами, начинали короткий танец, состоящий из нескольких медленных торжественных движений рук и ног. Когда танец заканчивался, от толпы отделялись люди. Они подходили к «богиням» и кормили их маленькими кусочками пшеничного хлеба, подсовывая еду под маску, предлагали воду в глиняных блюдцах. Выпив воду, «богини» разбивали блюдца о землю.

Даже если бы «богини» не останавливались, все равно процессия двигалась бы медленно, так как узкая улица до отказа была забита радостными, полными благоговения, веселыми зрителями, которые то и дело пытались протиснуться вперед, чтобы прикоснуться к богиням. Особенно усердствовали матери: им так хотелось, чтобы их малыши могли дотянуться ручонками до «богинь». Я присоединилась к процессии, и толпа приняла меня так тепло и дружелюбно, как это умеют делать жители Катманду.

Мы приблизились к площади, в толпе началась давка. Я испугалась за свои ребра и отошла в сторону. Я устроилась на пьедестале статуи бога с головой слона⁵⁸, откуда хорошо просматривалось церемониальное шествие во двор храма. Здесь я оказалась в обществе веселых, озорных и любопытных ребяташек. Со многими из них у меня старая дружба. Они запускали воздушные шары и жевали сладости. Вскоре на площади зазвонил большой бронзовый колокол. Его мягкий мелодичный перезвон живо напомнил мне звучание колокола в европейских церквях. Этот звон должен был возвестить о появлении процессии, однако прошло полчаса, а «богини» так и не появлялись. Смеркалось. Я решила вернуться домой до наступления темноты. По дороге я увидела «богинь» — они отдыхали на веранде пыльной чайной. Без масок и париков, с сигаретами в зубах сидели «богини» и ждали, пока заварят чай, который придаст им сил для последнего броска к храму.

ОЧИЩЕНИЕ ДУХА

11 октября. Покхара.

Я вернулась в Покхару четыре дня назад и вдруг почувствовала, как сильно стосковалась по этим местам. Теперь я и представить себе не могу, как покину этот край навсегда. Мне казалось, что при отъезде буду испытывать лишь грусть расставания с тибетцами, но лишь сейчас поняла, насколько сильно я привязалась к долине и к жителям Парди.

Таши была вне себя от радости при моем появлении. Она гордо вела меня из лагеря домой. Напрасно я надеялась, что без меня она привяжется к Нгаванг Пему и членам его семьи, приютившим ее на время моего отсутствия. С точки зрения Таши, я вернулась не вовремя. Дело в том, что вчера произошло невероятное — у Таши началась течка. Известно, что в этом климате все созревает слишком быстро, но если крошечный щенок в возрасте пяти месяцев и десяти дней становится взрослой собакой, то смириться с этим трудно. Конечно, я не была готова к такому событию (как, очевидно, и Таши). Боюсь, что самое худшее уже произошло. Вчера днем, когда она вернулась с прогулки, вид у нее был довольно потерянный, но я не придала этому никакого значения — решила, что Таши переживает очередную стычку с приятелем. На самом деле именно тогда она, видимо, и потеряла невинность, чем была сильно потрясена.

Сегодня днем, когда я вывела Таши на прогулку на цепи, мне пришлось с палкой защищать ее, возможно не существующую, девственность. Конечно, жалко губить молодую любовь, но даже если отвлечься от возраста этого несмышлениша, то страшно подумать, к каким осложнениям приведет подобная ситуация. И без того достаточно трудно импортировать в Ирландию «мелкое домашнее животное семейства псовых», даже незамуж-

нее, — но я и представить себе не могу сложности перевозки Таши со всем ее многочисленным потомством; а оно будет бесчисленным, если плодовитость Таши соответствует ее раннему созреванию.

Дни стоят теплые, небо ясное, а ночи по-настоящему холодные, поэтому Таши рвется ко мне в спальный мешок. Сначала я протестовала, боясь, что она задохнется, но Таши упорствовала. Очевидно, она все продумала заранее, потому что стоило мне разрешить ей забраться в мешок, как она тут же проскользнула в угол и свернулась калачиком у ног, и я решила, что совсем неплохо иметь в ногах неостывающую грелку.

19 октября.

Прошлой ночью шел сильный дождь, а до трех часов дня моросило, будто вернулся муссон. Местные жители говорят, что это каприз природы, хотя, начиная с середины ноября, в долине иногда случаются сильные ливни.

Теперь, когда так называемая война окончилась, туристы вновь зачастили в Непал. Последнюю неделю почти каждый день специальный самолет из Катманду высаживал на нашу взлетную полосу сверхорганизованные группы, следующие по кругосветному туристскому маршруту. Группы состоят, естественно, из храбрейших туристов — тех, кто, презрев советы друзей, рискнул провести два-три часа в Покхаре, прихватив с собой тщательно упакованные обеды. За завтраком они пьют мало:

— Дорогой, ведь нас же предупреждали! Здесь не имеют даже представления о туалете!

Грешно смеяться над такими бедолагами, но невозможно удержаться от смеха, когда они выбираются из самолета с тем самым выражением скуки, лишь слегка прикрытым «восторгом первооткрывателей», которое мне так часто приходилось наблюдать на лицах туристов, прибывших в шикарных автобусах в «полный достопримечательностей» мой родной город. Разумеется, группа «кругосветников» в Покхаре выглядит еще забавнее, чем в Ирландии. Я ощущаю восхитительное единение со своими соседями, стоя рядом с ними у взлетной полосы и шалея от последних парижских и нью-йоркских

мод, которые в Центральном Непале кажутся еще более гротескными, чем они есть на самом деле.

Обычно группой командует цветущая блондинка, «гидесса» (чудовищное слово, с которым я недавно вынуждена была познакомиться) в туфлях на «умеренном» каблуке. Она вышагивает впереди туристов и, бренча вычурным бронзовым колокольчиком, «типичным для древнего Непала», пытается удержать свое «войско» в повиновении. К несчастью, мало кто из женщин следует ее стилю в одежде и кара наступает незамедлительно, как только любительницы высоких каблуков попадают на наши каменистые дороги.

Несколько дней назад одна из таких модниц заставила меня несколько часов мучиться от любопытства. Когда ее группа проходила мимо моего дома, в конце базара, я беспечно сидела на ступеньках крыльца (занятие приятное и мало кому сейчас известное в Европе). Женщина остановилась, уставившись на меня, будто увидела что-то редкое и отвратительное. Она позвала подругу:

— Бетти, смотри! Как ты думаешь, она здесь живет?

С тех пор меня мучает любопытство, что же все-таки ответила Бетти.

Вчера группа «кругосветников» застряла в Покхаре на ночь из-за внезапной непогоды. Я отказала себе в садистском удовольствии посетить набитые клопами ночлежки, где квартировали туристы. Мне даже трудно было представить их реакцию на здешний «сервис». Днем я их все-таки видела: невымытые, голодные, невыспавшиеся, они выстраивались в шеренгу на взлетной полосе, готовые к спасательной операции. Должна сказать, для спасения они созрели. Нужно было их видеть: помятые, полные страха подхватить дизентерию, они спешили как можно быстрее вырваться отсюда. Теперь-то уж они будут помнить Покхару долго, даже после того, как забудут Тадж Махал.

3 ноября.

Несколько дней назад я предупредила хозяина, что уезжаю через неделю, и с тех пор в моей комнате идет «кампания» по «очищению». Делается это с явным пренебрежением к моему желанию хотя бы иногда побыть одной. В любое время дня бородатый садху⁵⁹, вооружен-

ный сандаловыми палочками, святой водой, цветами, фруктами и текстами на санскрите, может вскарабкаться ко мне по лестнице, сесть посреди комнаты на полу и, не обращая на меня ни малейшего внимания, совершать бесконечные ритуалы для «очищения» комнаты от скверны, оставленной «неприкасаемым» жильцом. Несмотря на то что он делает вид, будто окружающее для него не существует (возможно, это тоже часть ритуала), я очень привязалась к «своему» садху.

Основная часть церемонии — долгое пение гимнов, время от времени прерываемое разбрасыванием цветов по углам комнаты. При этом он кладет на стол прямо мне под нос фрукты и мелкие монеты. Поначалу я думала, что это подарки для меня. Оказывается, нет. После каждого сеанса он уносит фрукты, а цветы оставляет вянуть в углах комнаты. (Фрукты, цветы и овощи придают индуистским ритуалам в Непале особую прелесть и изящество, чего лишены буддийские ритуалы, свидетелем которых я была в лагере.)

Должна признать, что я тоскую по уединению. Конечно, можно просто-напросто запирать дверь, но мне не хотелось бы портить отношений с жителями деревни. К несчастью, компромисс в таких делах невозможен: надо либо полностью принять местные обычаи, либо отвергнуть.

Последние две недели погода стояла прескверная, и поскольку это как раз время сбора риса, то дожди могут вызвать большие трудности в Покхаре. Мешают они и недавно начавшемуся сезонному строительству домов, которое вызвало страшную суматоху по всей долине.

Мужчины ведут запряженные волами скрипучие повозки, груженные камнями. Женщины и дети ташат огромные связки травы для крыш и глину для стен. Некоторые по трое-четверо переносят стволы бамбука для опор. Вроде бы все просто — на пустом клочке земли за неделю вырастает крепкий, уютный новый дом. В течение этой недели даже четырехлетние дети работают буквально день и ночь; трогательно смотреть, как они спешат за своими родителями с крохотными корзинами травы на плечах, — возможно, сердобольные мои сограждане этого не одобрили бы, но дети выглядят счастливыми и гордыми, участвуя в столь важном семейном деле. Обычно строительство дома заканчивается после того,

как их владельцы въедут в него. Тогда женщины обмазывают стены и пол красной глиной, а мужчины навешивают деревянные двери и ставни, из камня или бревен сооружают наружную лестницу, если нижний этаж предполагается использовать под хлев.

Сегодня днем в лагере состоялся прощальный обед в честь моего отъезда — церемония поистине грустная. Непрерывно моросил дождь — погода как нельзя более соответствовала моему настроению, однако тибетцы танцевали для меня под хмурым небом. Было съедено огромное количество вкусных момо⁶⁰, отваренных в масле, выпито много соленого чая с маслом.

5 ноября. Катманду.

Теперь я точно знаю, что клин вышибается клином. Утром у меня так сильно болела голова, что так страшивший меня отъезд из Покхары показался пустяком по сравнению с деятельностью Богини Разрушения, видимо поселившейся в моей голове.

На протяжении своей не столь безупречной жизни я лишь раз испытала, что такое тяжелое похмелье. Мне было лет двадцать. Я выпила полбутылки самого дешевого испанского бренди и жестоко поплатилась за это. В данном случае, очевидно, сработала смесь чанга и ракиши. Кесанг и община кхампа в Покхаре пригласили меня к шести часам вечера на прощальный тибетский ужин в «Аннапурну», а приятель-гуркх из Парди — к девяти вечера на прощальный непальский в харчевню тхакали. Двойной ужин, сопровождаемый обильными возлияниями, — тут уж жаловаться не приходится.

Вчера весь день лил проливной дождь. В половине пятого вечера на Покхару обрушился такой ливень, что сильнейший из муссонных дождей по сравнению с этим кажется небольшим дождичком. Этот кошмар продолжался целый час, затем внезапно ливень прекратился, будто перекрыли кран. Тогда мы пошли в «Аннапурну», причем Таши пришлось всю дорогу нести. Собственно, дороги не было — вместо нее несся яростный поток по пояс глубиной, а в одном месте он достиг шеи и мне пришлось выбираться вплавь, держа Таши одной рукой за шиворот. Может, к лучшему, что за вечер я проспиртовалась, иначе наутро я проснулась бы не с головной болью, а с воспалением легких.

То, что тибетцы называют вечеринкой — в нашем понимании пир. Зная, что мне предстоит еще один ужин, я сначала пыталась увилить от угощения, однако все было приготовлено так восхитительно, что я не смогла удержаться от соблазна, да и отказываться было неудобно, ведь хозяева приложили столько стараний. Когда в половине девятого я встала из-за стола, то едва могла передвигаться. Некоторые гости откровенно дремали, положив голову на стол.

Харчевня тхакали так и сияла чистотой, как, впрочем, все дома тхакали. На светло-коричневые стены и пол ложились извивающиеся отсветы пламени, полыхающего из ямы в углу комнаты, — впечатление, будто находишься на краю небольшого вулкана. На ужин официально пригласили человек десять, но прибывали все новые и новые гости. Мы сидели, скрестив ноги, на небольших тибетских ковриках. К счастью, самые сытные блюда подали только в одиннадцать часов. Правда, мы непрерывно угощались разными лакомствами и пили неочищенную ракши, специально привезенную хозяином из деревни. Он уверял, что это самый крепкий напиток в Непале (там и любой другой слабым не назовешь), и сегодня я готова подтвердить его слова.

Еду подавали на начищенных до блеска медных блюдах различных размеров — от крохотных тарелочек под закуску до круглых подносов для риса. В результате «закуска» оказалась весьма плотной. Я с удовольствием отведала маленьких ломтиков чудесного тушеного мяса дикой козы — вкуснейшее яство из всего, что мне приходилось пробовать, затем жареную рыбку, похожую на сардины, два варенных вкрутую яйца, яичницу, омлет, приправленный таким невыносимо острым, мелко порезанным перцем, что я выплюнула его более поспешно, чем позволяют правила хорошего тона. Все блюда мы тщательно запивали ракши, до тех пор, пока внутри у меня загорелся костер. Правда, к тому времени я уже перешла ту границу, откуда возврата нет.

Наконец подали гигантскую гору риса, приправленного овощами и далом. Тут появилась местная проститутка. Она надеялась заполучить клиента в конце вечера, но с первого же взгляда поняла, что поживиться здесь не удастся. Поэтому она тут же перестала кокетничать и присела к столу поболтать. Я всегда считала



Аэропорт в Покхаре

ее самой красивой женщиной в деревне: у нее были правильные черты лица, светлая кожа и блестящие черные волосы. При свете камина она казалась прекрасной до тех пор, пока не стало бросаться в глаза то выражение ущербности и неженственности, которое обезображивает даже самых прелестных ее коллег в любой стране мира. В носу женщины продето огромное золотое украшение, которое мешало ей курить, поэтому она держала сигарету в уголке рта. Курила она много. Одежда на ней была рваная и грязная, но из дорогой ткани — видимо, плата за услуги. Я заметила, что появление проститутки хозяйке харчевни не понравилось. Когда миловидная шестнадцатилетняя дочь хозяйки заговорила с незваной гостьей, мать в резких тонах потребовала, чтобы девочка пошла спать.

Не помню, когда закончилась вечеринка. Два едва державшихся на ногах соседа привели меня домой и впахнули на лестницу. Я благополучно поднялась в комнату, но так и не смогла отличить верхний конец спального мешка от нижнего и поэтому плюхнулась на него сверху.

Прошло несколько часов, но они не принесли мне облегчения. Среди ночи я проснулась от кошмарного видения и несколько мгновений была твердо убеждена, что я больше не человек, а спутник Юпитера. Прямо скажем, исключительно неприятная галлюцинация, которой, очевидно, я обязана ракши. Сегодня мое состояние скорее похоже на серьезную болезнь, чем просто на похмелье. Пожалуй, я никогда не испытывала подобных ощущений.

В аэропорту Покхары как всегда царил хаос. Хотя мне было велено прибыть туда в половине десятого утра, чтобы успеть на десятичасовой рейс, самолет вылетел лишь в половине пятого вечера. Однако эта задержка меня не волновала. Я чувствовала себя так плохо, что мне было все равно, где я нахожусь, почему и зачем. Я сидела в «Аннапурне», больная и несчастная, вместе с провожающими — тоже не слишком здоровыми, — поглощая чашку за чашкой крепко посоленный черный кофе, который, как меня заверили, должен был снять худшие последствия отравления ракши. Мы подолгу молчали. Лишь время от времени жаловались друг другу на плохое самочувствие.

Сегодня в Покхаре праздник. Кто-то сказал мне, что долина празднует бракосочетание двух берегов реки Сети. Вам может показаться странным, но в Непале случается и не такое. Во всяком случае, какова бы ни была причина праздника, он широко отмечался, и два грузовых самолета, возвращавшихся из Бхайравы, вынуждены были в течение десяти-двенадцати минут кружить над долиной, пока медленная процессия женщин (их было несколько сот) пересекала взлетную полосу. Все были нарядно одеты, пели, танцевали и трубили в раковины. На украшенных цветами платформах несли изображение Сети. Часами эти шумные красочные процессии кружили по долине...

ПЕШКОМ В ЛАНГТАНГ

9 ноября. Катманду.

Последние несколько дней я провела в тщетных попытках забыть лагерь тибетцев в Покхаре. Я старалась организовать двухнедельный поход в район хребта Лангтанг к северу от Катманду, хотя, пожалуй, «организовать» — слишком громкое слово для такого рода приготовлений.

Туристские походы здесь сильно различаются в зависимости от статуса, привередливости и физической подготовки (или неподготовленности) их участников. Наиболее тщательно готовятся уморительные походы послов. Последние отправляются в путь в сопровождении целой команды носильщиков с управляющим во главе, повара с поваренком, гида, переводчика, слуг. С собой они прихватывают импортные продукты, ящики со спиртным и всякого рода оборудование, от походного туалета до складного шифоньера. Следующая, и наиболее многочисленная, категория «туристов» — менее ответственные дипломаты и иностранные специалисты. Они путешествуют с умеренной роскошью: человек двенадцать носильщиков, без туалетов и шифоньеров, но с палатками, столами, стульями, кроватями и ящиками, набитыми едой и питьем. И наконец, путешественники попроще, которые слишком бедны (или слишком благоразумны), чтобы обременять себя особыми удобствами.

Я хотела совершить этот небольшой поход в одиночку. Но Руди Вейсмюллер, мой швейцарский приятель, хорошо знакомый с этими местами, предупредил, что на местных жителей надежда плохая — у них самих с питанием туго. Он указал, что без проводника я заблужусь и посоветовал подойти к известному ресторану «Глоб» и найти там шерпа, который согласился бы служить мне носильщиком и проводником.

Не будь я к этому времени своим человеком среди тибетцев в Непале, вряд ли мне удалось бы найти такого помощника. Местные шерпы уже избалованы крупными экспедициями и не желают бродить по горам с простыми смертными. Однако через своих тибетских друзей мне удалось познакомиться с Мингмаром, двадцатичетырехлетним уроженцем Намче-Базара, который согласился сопровождать меня за баснословно низкую для шерпов плату — восемь шиллингов в день.

Месяц назад я обратилась в Синха Дарбар за разрешением на поход, но последние несколько дней мне, естественно, пришлось добывать его в соответствующем департаменте. Мало того, что затерялась моя анкета; эти бюрократы не могли никак найти и мой паспорт. Пришлось дневать и ночевать в учреждении до тех пор, пока я совсем не надоела им. Наконец какой-то клерк соблаговолил покопаться в куче документов (наверняка затеряв при этом еще несколько паспортов), и на свет появилась мятая зеленая книжечка с надписью «Ирландия». Я тотчас схватила ее, к великому огорчению клерка, который утверждал, что книжечка принадлежит чеху, представителю чулочной фабрики. Долго ли, коротко ли, но разрешение было нехотя выдано клерком более высокого ранга, который отругал меня за то, что я, видите ли, подала заявление в последний момент.

Я встретила с Мингмаром и дала ему денег на рис, соль, чай и котелок. Он был весьма обескуражен размером закупок. Конечно, он беспокоился не за себя, а за меня. Не утешило его даже то, что я беру еще двенадцать банок сардин, двенадцать пакетов супа-концентрата, банку кофе, две кружки, две ложки и нож. Не такого снаряжения ожидал он даже от самого скромного западного путешественника и, несмотря на мои уверения, что я не боюсь трудностей походной жизни, был убежден, что дорожных неудобств мне не выдержать.

Вчера я провела незабываемый день: бродила по Патану — моей любимой части Долины. Для меня есть что-то особенное в этом приходящем в упадок, но все еще милом городе. Знакомство с грязными узкими улочками и потрепанными непогодой причудливо вырезанными полуживотными-полубогами заставило меня сменить первоначальное радостное восхищение на теплую привязанность.

Сезон сбора риса в самом разгаре. Я шла по узким улицам, смотрела по сторонам и ощущала, что подпадаю под таинственное очарование здешних мест. Это чувство росло, поднималось, подобно приливу, чтобы поглотить меня. В воздухе висела золотистая дымка мякины. Патан превратился в большую деревню, и даже на центральной площади, где группа чопорных туристов с гидом во главе делала вид, что не замечает абсолютно обнаженных статуй на храмах, мне приходилось осторожно лавировать между грудями сверкающего зерна и снопами соломы. Большинство людей во время уборки урожая бросают всякую работу и спешат на помощь домой — разумное решение, однако оно ни в коей мере не ускоряет модернизацию Непала. Пока мужчины убирают рис, женщины молотят, и около каждого дома, на каждой улице лежат запасы риса на следующий год. Обычно излишки продают торговцам, но, к сожалению, в этом году их будет мало, так как в Катманду последние две недели погода стояла отвратительная.

Жаль, что до отъезда я не успею еще раз посетить Патан, но я надолго запомню этот город таким, каким я его видела вчера, когда все улицы превратились в огромный, залитый солнцем ток. Юбки с малиновыми краями металась над золотистым зерном, снопы сверкающей соломы мешались с волосами цвета воронова крыла, и слабо звучал беспорядочный перезвон украшений, когда гибкие тела демонстрировали свое вечное искусство.

11 ноября. Трисули.

Типичный непальский день, занятый в основном ожиданием. Мы с Мингмаром договорились встретиться в шесть утра на одном из мостов, но каждый из нас пришел не на тот мост. Когда мы друг друга разыскали, было уже девять часов.

Трисули — долина к северо-западу от Катманду. Здесь индийцы строят огромную гидроэлектростанцию. Через горы проложена каменистая дорога длиной в сорок миль, по которой весь день идут тяжелые разбитые грузовики. Они везут на строительную площадку оборудование, трубы и цемент. К моей досаде, Мингмар решил совершить первую часть похода «с комфортом» — на грузовике до Трисули. Я доказывала, что вовсе не

собираюсь путешествовать по Гималаям на автомобилях, но принцип нынешних проводников — не ходить пешком ни на шаг больше, чем это абсолютно необходимо. Пришлось с ним согласиться, и мы направились в Баладжу, пригород Катманду, откуда начинается дорога на Трисули. Это промышленный район Долины, где иностранная помощь уже сделала свое черное дело, породив нелепые фабрички, школы и кварталы домов для рабочих.

Почти час пришлось ждать машину на обочине дороги. Мне все больше и больше становилось не по себе. Можно терпеливо ожидать, если другого выхода нет, но сидеть бесцельно, когда есть возможность с удовольствием идти по горам, — просто глупо. Однако шерпы не менее упрямы, чем тибетцы. Мне так и не удалось убедить Мингмара, что путешествие пешком действительно может доставить удовольствие.

Наконец появился грузовик с цементом. После долгих препирательств с водителем-сикхом по поводу оплаты за проезд мы присоединились к двадцати другим пассажирам. Видимо, для Мингмара было вопросом чести выторговать скидку побольше, хотя платил не он. Мы проехали несколько сот ярдов по свежемощеной деревенской улице и уперлись в допотопный паровой каток, будто взятый напрокат из музея истории техники. Этот мастодонт, испустивший дух на самом узком участке дороги, ни столкнуть, ни оттащить на буксире или убрать каким-либо другим способом не представлялось никакой возможности. Время от времени откуда-то появлялся сердитый молодой индеец. Он решительно вскакивал на сиденье и остервенело дергал какие-то рычаги, которые, очевидно, должны были привести древний паровой каток в движение, но ничего не помогало.

Между тем наш водитель вел какие-то сложные переговоры с полицейскими, которые никак не могли решить, продолжать нам путь в Трисули (если каток уберут) сейчас или подождать до пяти часов вечера. Непонятно, какое вообще дело полиции до наших совершенно безобидных передвижений, но я давно уже дала зарок не удивляться причудам непальских представителей власти. Трижды все двадцать два пассажира покидали грузовик, прихватив багаж, и трижды вновь занимали свои места, подчиняясь переменам настроения

полицейских. Похоже, Льюис Кэрролл тайно посетил Непал, ибо вся сцена словно была взята из «Приключений Алисы в стране чудес». Когда в третий раз нам приказали подняться в кузов, на меня, к ужасу Мингмара, напал неудержимый истерический смех.

В тот момент появился еще один индиец — старший инженер. Он сделал нечто такое, отчего паровой каток издал страшный вопль, выпустил огромные клубы пара и с дикой скоростью рванулся вниз с крутого холма, ободрав по дороге борт нашего грузовика. К счастью, на этот раз полицейские были настроены немедленно избавиться от нас, поэтому наш грузовик тут же помчался на полной скорости вверх по недостроенной дороге.

Чтобы подработать, водители-сикхи, видно, мудрят с грузами, поэтому наш крытый грузовик лишь на четверть был заполнен мешками с цементом. Поскольку это самый неприятный для совместного путешествия груз, я скоро вынуждена была забраться на крышу кабины и наслаждаться прекрасными, хотя и жутковатыми видами на протяжении почти всего сорокашестимильного шестичасового пути.

Когда мы выехали из Баладжу, я находилась под впечатлением вчерашней катастрофы американского самолета: ведь мне предстояло возвращение на родину. Но, проехав несколько миль по этой дороге, я стала думать лишь о том, насколько ничтожны мои шансы когда-либо подняться на борт самолета. Крыша кабины грузовика нависала над колесами, которые катились в нескольких дюймах от сыпучего края пропасти. У меня было ощущение, что на крутых поворотах неуклюжий грузовик вот-вот свалится вниз. Еще недавно я радовалась, что научилась переносить высоту спокойно, но, хотя я действительно больше не пугаюсь пропастей в тысячу футов и лишь чуть опасаясь двухтысячфутовых, в этот момент мне было страшновато висеть над бездной глубиной в четыре тысячи футов, тем более что за рулем находился подвыпивший сикх. Однако скоро я привыкла к резким поворотам, и бесконечные спирали по склонам гор стали действовать на меня, как ни странно, даже успокаивающе. Болтанка, правда, была дьявольская, и к вечеру я чувствовала себя так, словно меня пропустили через мясорубку. Подобная поездка — далеко не лучший способ подготовки к тяжелому переходу.

Почва здесь гораздо скуднее, чем в окрестностях Покхары. В основном выращивают здесь просо и кукурузу, однако три четверти территории непригодны для обработки. Кругом лес и камень.

В течение дня навстречу нам проехало несколько грузовиков и два джипа с индийскими инженерами. Во время сложных маневров, необходимых для того, чтобы разъехаться, наш грузовик засел в жидкой грязи над обрывом. Очевидно, мы застряли надолго, по крайней мере до тех пор, пока наиболее трудоспособные пассажиры, одолжив лопаты у местных крестьян, не вытащат грузовик из грязи. Поэтому я предложила Мингмару пройти оставшиеся до Трисули-Базара десять миль пешком, но он отказался наотрез. Одна я не решилась: водитель мог повернуть назад в Катманду и я осталась бы и без Мингмара и без основного снаряжения.

Я обратила внимание на то, что четверо тибетцев оказались самыми энергичными помощниками из всех пассажиров. Они не обижались на водителя, который повелительно покрикивал на них. В свою очередь местные крестьяне странно на него рассердились, не хотели давать лопат и потребовали за них плату.

Несчастье произошло, когда мы почти спустились к реке. В длинных лучах заходящего солнца грубые расщелины в горах — следы муссонных оползней — багряно светились на фоне темной зелени лесов и зеленоватого золота поспевающего проса. В это время года нет напряженных полевых работ, поэтому вскоре небольшая толпа собралась вокруг грузовика. Одна женщина была со своим очень серьезным пятилетним сынишкой, который, слегка проголодавшись, приложился к груди матери, потом сполз на землю, вытер рот, вынул из кармана рваной рубашки сигарету и направился ко мне за спичками. Врачи не рекомендуют женщинам курить, пока они кормят ребенка грудью; в Непале, очевидно, в порядке вещей, когда курят дети.

Через час наконец с трудом вытащили грузовик, и мы поехали дальше, к руслу долины, где на высоте тысячи семисот футов теплый воздух казался густым. Потом мы пересекли реку по прекрасному новому мосту и как раз с наступлением темноты прибыли в Трисули-Базар, где остановились на ночь в ветхой харчевне, именуемой отелем — очевидно, от избытка самомнения

хозяина. Маленький городок расположен на крутом склоне горы над рекой, а все улицы — не что иное, как узкие и грязные лестницы. Как принято в Непале, мужчины по вечерам предаются азартным играм, и нам стоило большого труда оторвать хозяина от карт, чтобы он проводил нас по темной узкой лестнице. На двоих нам предоставили роскошно мебелированную комнату — целых три соломенных матраца на полу.

11 ноября. Хижина на перевале.

Ночь прошла спокойно. В шесть часов утра мы проснулись и уже через пятнадцать минут были в пути. У Мингмара за плечами груз в шестьдесят фунтов (легкий для шерпа), у меня — в тридцать (тяжелый для хилого европейца). Ноша Мингмара могла быть гораздо легче, не будь он в плену абсурдных представлений, оставшихся у него от прошлых экспедиций. Кроме спального мешка он нес еще надувной резиновый матрас и теплое одеяло, которые весят не менее двадцати пяти фунтов.

Долина Трисули была бы очень красивой, если бы не индийская техническая помощь, которая вторглась сюда с ревом машин, горами цемента и штабелями труб. Чудовищные бульдозеры и угловатые подъемные краны пытаются покорить реку. Страшно становится, с какой скоростью человек уродует красоту. Я вздохнула с облегчением, когда после двухчасовой ходьбы эти места кончились, мы снова пересекли реку, и дорога пошла в гору. Здесь, как раз над рекой, стояла деревушка из деревянных домов, и, хотя завтракать было еще рановато, Мингмар решил, что необходимо подкрепиться, так как еще очень долго на нашем пути не встретится ни одного селения.

Когда мы, позавтракав, начали восхождение на первую гору (она же горный хребет), солнце палило вовсю, и Мингмар время от времени бормотал нечто весьма нелестное по поводу жары. На мой вопрос, что его так угнетает, он признался: под хлопчатобумажными штанами у него шерстяные кальсоны и нейлоновые лыжные брюки, а под теплой стеганой курткой — шерстяной жилет, фланелевая рубашка и свитер. Я задыхалась от жары в тонкой хлопчатобумажной рубашке и шортах и просто онемела от удивления при мысли о таком одея-

нии. Постепенно я уговорила его снять две трети «обмундирования», что существенно увеличило его багаж, но даже теперь он был одет явно не по сезону. Привычка шерпов к лишней одежде граничит с манией: обзаведясь этими символами своего ремесла в экспедициях, они не могут не носить их всегда и повсюду с собой.

Большую часть сегодняшнего пути мы двигались на север вдоль реки Керунг. Тропа ни разу не приводила к реке, хотя часто спускалась на несколько тысяч футов, обходя более серьезные препятствия, а затем вновь круто поднималась в среднем до пяти тысяч футов, но нигде не была такой изнурительной, как дорога Покхара—Сиклис.

Казалось бы, то, что мы весь день шагали с горы на гору, могло создать впечатление монотонности. На самом деле за каждым крутым поворотом вновь открывалась панорама неповторимой красоты. Отвесные горы поднимались за узким ущельем реки Керунг. Мы переходили от густых лесных зарослей к бесплодным каменистым пространствам, поросшим вереском; от солнечных полей, охваченных полукружьем высоких серых скал, к прохладным сумеречным тоннелям из гигантских кустарников, наполненным буйным шумом водопадов, а кругом — островки ярких пахучих трав и великолепные дикие цветы, окрасившие горы в оранжевые, голубые, красные, желтые, белые и розовые тона.

Это, по сути дела, в культурном плане «ничейная земля». Она расположена между лежащими к югу территориями, населенными индуистами, и буддийскими районами на севере, и я была несказанно тронута, завидев первый древний придорожный чортен⁶¹. Значит, отныне я настолько близка к Тибету, духовно и географически, насколько может быть к нему близок путешественник. Каменные чортены (обычно они стоят посредине тропы) символизируют нирвану; буддисты всегда обходят их слева, а последователи бонпо — справа. Этот чортен очень старый, в трещинах, между камнями проросла трава; можно было пройти мимо, даже не заметив его. Однако даже сама незаметность его, казалось, признак зачастую неверно понимаемого, но несомненно буддийского влияния, которому подверглись все народности гималайского высокогорья.

Я добралась до этой уединенной лачуги на гребне

горы на сорок минут раньше Мингмара, который сегодня далеко не в лучшей форме: его мучает огромный фурункул на правой щеке. Европейские путешественники здесь не частые гости, однако семеро обитателей дома встретили мое появление без какого-либо любопытства, недовольства или радости.

Хижина сложена из обломков скалы, дощатая крыша завалена камнями. Убожество этого сооружения делает его похожим больше на тюрьму, чем на жилище. Меня не так легко потрясти уровнем жизни на Востоке, однако нищета этих людей не подходит ни под какие мерки. На малоплодородном склоне горы они выращивают просо, но это и в ничтожной доле не удовлетворяет их потребностей. Сегодня ужин состоял из вареной крапивы (они называют ее жгучей травой) с красным стручковым перцем. На десерт подали ракши. При виде такого стола мы с Мингмаром тут же решили сварить двойную порцию риса. Надо было видеть, с какой жадностью обитатели хижины ели рис прямо из котелка.

В лачуге две комнаты. В одной стоят две дощатые кровати, в центре другой на полу разводят костер. С наступлением темноты вокруг него собираются члены семьи. К счастью, дров здесь достаточно, поэтому весело потрескивающее пламя немного разряжает обстановку полной безысходности. Когда требуется что-нибудь разыскать за пределами освещенного круга, вместо свечи используется головня. В общую хукуку, которая молча передается из рук в руки, вместо табака засыпают тлеющие угольки. Древесный дым (одна из причин глаукомы) сильно разъедает глаза, и сейчас я пишу с большим трудом.

В темной комнате, выходящей на веранду, под грязным одеялом в полном одиночестве стонет и кашляет молодая женщина. Очевидно, у нее последняя стадия туберкулеза легких, однако семья, кажется, совершенно равнодушна к ее страданиям. Я дала ей аспирин, чтобы проявить какое-то внимание. Она была чрезвычайно благодарна и сейчас говорит, что чувствует себя лучше. Но стоны и надрывный кашель не прекращаются.

Я пыталась выяснить, к какому племени принадлежат эти люди, но, похоже, они и сами этого не знают. Мингмар говорит, что с трудом понимает их. Видимо, диалект, на котором они изъясняются, относится скорее

к тибето-бирманским языкам, чем к индийским. Черты лица скорее монголоидные, чем европеоидные, и поскольку в хижине ничто не напоминает об индуизме, я буду считать их буддистами.

Пока я писала эти строки, хозяева опустили ставни, заменяющие двери, и надежно закрепили их длинными деревянными брусьями. Так что, пока костер не угас, мне надо быстрее разложить спальный мешок на второй дощатой кровати.

12 ноября. Тхангджет.

Мы легли в половине девятого вечера, но спать нам не давали стоны несчастной женщины. В шесть утра мы уже были в дороге.

Покинув хижину, мы, прежде чем продолжить путь вниз от перевала, бросили прощальный взгляд на широкую долину Трисули, оставшуюся далеко среди холмов, которые мы прошли за вчерашний день. Сейчас долина, скрытая облаками, напомнила молочное море, неподвижные волны которого омывали подножия гор.

Через пять часов мы остановились позавтракать в деревушке, в которой было всего несколько грязных каменных домиков. Здесь чувствовалось то же отсутствие пищи — слишком острое, чтобы назвать его нехваткой. По крайней мере каждый второй житель, включая детей, страдал эндемическим зобом. Кожные заболевания, правда, были не столь распространены, как этого следовало ожидать, зато всех мучили кашель и глазные болезни. За потрясающей бедностью этого района почти не замечаешь великолепной окружающей природы. Однако Лангтанг всегда был одним из самых отсталых районов Непала, поэтому не стоит делать выводы на основании увиденного. Здесь живут в основном таманги. Дэвид Снедгроув считает, что они пришли из-за Гималаев до VI века нашей эры.

Как и все горцы Непала, они издавна страдали от пренебрежительного отношения правительства к их нуждам, да и сейчас, когда делаются некоторые попытки улучшить управление в других районах, эти презируемые «бхотия» по-прежнему остаются вне поля зрения администрации. Рекрутов отсюда тоже редко набирают, поэтому даже армейское жалованье не помогает улучшить положение жителей,

На карте Тхангджет обозначен к западу от реки Керунг, но, при всем моем уважении к европейской картографии, он находится на востоке от нее — или уж я вообще перепутала, где заходит солнце. (Впрочем, даже уважаемых географов можно простить, когда речь идет о создании карты Непала.) Сначала я подумала, что, быть может, за Керунгом действительно есть еще один Тхангджет, а это — просто Малый Тхангджет-за-рекой, но местные жители говорят, что здесь нет другого селения с похожим названием, кроме Тхондже в верховьях реки Марсенди.

Я впервые увидела деревню тибетского типа и при виде запущенной молитвенной стены или ветхих створчатых ворот вновь испытывала сладкий трепет близости к недосягаемому. Сегодня нам попало еще несколько чортонов, а также очень высоких молельных флажтсков, которые неожиданно напомнили о существовании богов и людей среди этого горного уединения. И сейчас, подняв голову от своего дневника, я вижу огромный полуразвалившийся чортен посреди деревенской улицы, а рядом с ним на холодном вечернем ветру трепещут белые молельные флаги. Мне особенно приятно их видеть, когда они развеваются в естественных условиях, а не над лагерем беженцев.

Мы прибыли в Тхангджет в три часа дня, пройдя гораздо более трудный участок пути, чем вчера. Когда Мингмар решил сделать привал, хотя следующая деревня находилась лишь в трех часах ходьбы, я с обычной настойчивостью предложила идти дальше. В ответ он показал рукой на гору и сказал:

— Взгляни на нашу дорогу...

Я покорно взглянула — и бунтарство мое как рукой сняло. Тхангджет находится на высоте восьми тысяч футов, и, чтобы попасть в следующую деревню, надо спуститься на пять тысяч футов до реки и потом подняться до девяти тысяч футов, где тропа огибает склон противоположной горы и, насколько я понимаю, поднимается дальше.

В Тхангджете около ста пятидесяти домов под шиферными крышами; в этой деревне, являющейся одним из основных пунктов на дороге Лангтанг—Катманду, удивительно чистый постоялый двор с жизнерадостной хозяйкой-тхакали. Это скорее пристройка с односкатной

крышей, чем здание: одна стена — из свободно уложенных камней, другая, так же как и крыша, — из бамбуковых циновок. В середине ноября здесь не теплее, чем в холодильнике. Хорошо, что Руди Вейсмюллер уговорил меня взять теплую куртку, которую я с брюками использую вместо пижамы.

Ужин на этот раз состоял из риса и кипяченого буйволиного молока. Постоялый двор одновременно служит чайной — признак тхангджетской цивилизованности. С наступлением темноты у огня собралось пить чай с полдюжины укутанных в рваные одеяла мужчин. Говорили по-тибетски, поэтому мне удалось понять суть разговора: речь шла о «снежном человеке» — о йети. Хозяйка и Мингмар считали все это выдумкой, но местные жители, а также наш сосед-постоялец (тибетский торговец) твердо в них верили и расходились во мнениях лишь относительно природы этих существ: некоторые считали их животными, другие утверждали, что они — воплощение злого духа. Двое деревенских уверяли, что видели маленьких йети, величиной с пятилетнего ребенка. Здесь я вмешалась, и через Мингмара высказала свою точку зрения: йети — животные, которые неизвестны зоологам, живут на очень большой высоте и, естественно, не даются людям в руки.

Сейчас я сижу с комфортом на мешке с шерстью (пять футов на три), принадлежащем тибетскому торговцу. Что такое тюк размером метр на полтора, может понять лишь тот, кто сам прошел по горным дорогам Непала. Джон Моррис писал: «...я должен подчеркнуть, что дороги в горах Непала нельзя никоим образом сравнить даже с самыми дикими тропами в самых отдаленных частях Европы: это просто тропинки, протоптанные многими поколениями людей». Это действительно так, и «дороги» — слишком пышное название для большей части пути, который мы сегодня проделали. Теперьто я вижу, что Мингмар мне необходим не только как проводник. Наверное, со временем я бы и сама начала ориентироваться, но сегодня днем нам пришлось карабкаться через фантастические завалы огромных качающихся зазубренных камней, на которых я при всем желании не могла заметить следов тропы. Самое обидное то, что когда надо двигаться на север, нужная тропа может сначала идти на юг, а ведущая на юг — на север.

Вечером я любовалась прохожими, которые прогуливались вверх-вниз по крутой каменистой улочке, держа в вытянутой руке горящие факелы — уличное освещение «по-тхангджетски»!

13 ноября. Шаблуна.

Сегодня боги рассердились на нас: некий тип, именуемый себя полицейским, запретил нам идти на северо-восток, в долину Лангтанг. Снова неразбериха? Блюститель порядка носит форму, состоящую из хлопчатобумажных шортов и рваной рубахи европейского покроя, и является единственным брахманом в деревне. Он заявил, что в моем разрешении сказано, будто я имею право передвижения только до Госаинкунд Лекха, но не севернее. Документ, написанный на непали, ни я, ни Мингмар прочесть не можем, поэтому спорить бесполезно. Видимо, в Синха Дарбаре в ответ на запрос о разрешении посетить Лангтанг могли дать согласие на поход в Госаинкунд Лекх по глупости или по причинам политического характера, и теперь этот тип наслаждается редкой возможностью на законном основании проявить свою власть над европейцем. Не исключено, что он усмотрел в моем появлении редкий шанс прилично получить «на лапу». Однако, к его разочарованию, я согласилась повернуть на юго-восток. Жаль, конечно, что нельзя пройти прямо на север, ведь Тибет отсюда всего в пяти часах ходьбы.

Во время похода мы то и дело попадаем в разные климатические пояса. Когда на рассвете мы покидали Тхангджет, там стояла настоящая зима: резкий ветер обжигал лицо, утренний свет имел металлический оттенок, бесцветные поля словно замерли в неподвижности.

К трем часам мы подошли к Шаблунгу и попали в лето: голубое небо, цветущий миндаль, высокая сочная трава, буйно цветущий кустарник над шумной зеленой рекой, теплый воздух. Во время долгого спуска мы успели насладиться и осенним пейзажем, с его яркими красными, черными и коричневыми ягодами и орехами, с хрустящими под ногами темно-красными, оранжевыми и красновато-коричневыми листьями.

После трудного подъема сразу за Тхангджетом при-

ятно было позавтракать в тамангской деревушке, состоящей из четырех хижин. Это было бедное селение, но люди здесь подвижные — пожалуй, даже жизнерадостные. Встретили нас дружелюбно. Местные жители разглядывали нас с любопытством.

В каменных хижинах, крытых соломой и досками, жили тридцать шесть человек. Здесь было много очаровательных ребятишек, на редкость крепких, хотя и с непременными глазными болезнями. Я поинтересовалась, кашляют ли дети, но, похоже, этот недуг их миновал. Здоровая обстановка таких селений держится чудом: стоит одному туберкулезному больному остановиться на ночлег, как он заражает все селение.

Пока Мингмар готовил завтрак, я наблюдала, как молотили просо. На ровной земляной террасе перед одной из хижин пожилой крестьянин ритмично ударял по зернам толстой шестифутовой палкой. Рядом с ним на высоких флагштоках развевались молельные флаги, за ним разверзся обрыв глубиной в три тысячи футов, вдаль сверкали снежные пики Тибета. Когда зерно было достаточно вымолочено, женщины ссыпали его в огромные овальные корзины, переносили на другую террасу, рассыпали на круглые плетеные подносы и трясали до тех пор, пока вся мякина не вылетала. Со стороны их работа казалась очень простой, однако, когда я попробовала проделать то же самое, половина зерна высыпалась на землю, а мякина осталась на подносе. Крестьяне пришли в восторг.

Когда мы завтракали, Мингмар внес сумятицу в мои географические познания, заявив, что несущая свои воды с востока на запад река, которую мы только что пересекли, — и есть Керунг. По-моему, Керунг — та самая текущая с севера на юг река, вверх по которой мы шли от слияния ее с Трисули. Она начинается миль на тридцать к северу от тибетского пограничного городка Керунг. Ниже Тхангджета в нее впадает этот приток. Карта деликатно обошла вопрос о названии той реки (там мы останавливались позавтракать в первый день пути), берущей начало в нескольких милях к северо-западу от селения Хелму. Все это довольно любопытно — лично мне нравятся неясные карты, оставляющие широкие возможности для догадок.

Не менее загадочным в своем роде остается количе-

ство риса, поедаемого Мингмаром. Худощавый, ростом около пяти футов, он умудряется поглощать граммов триста этого сытного продукта за один присест. На рисовый пудинг обычно идет пятьдесят граммов риса, так что можете себе представить, как выглядят триста граммов риса, сваренного и выложенного на большую медную тарелку. Я бы на неделю выбыла из строя после одного такого обеда, а Мингмар никак не может понять, как я держусь до сих пор на горстке риса и маленькой банке сардин, да еще быстро двигаюсь. Точно так же он не понимает моей потребности окунуться в ледяной поток при первой же возможности. Вода действительно холодная, но что может сравниться со сладостным ощущением, когда в теплый, солнечный день погружаешь свое потное, усталое тело в обжигающий холод быстрого потока и затем выскакиваешь, чувствуя легкое покалывание.

Шаблунг расположен на высоте всего трех тысяч футов, однако Тибет здесь ощущается сильнее, чем в Тхангджете. Шаблунг не отмечен у меня на карте, так же как и довольно большой приток, который течет с северо-востока и впадает в Керунг — или Трисули (все может быть...). Деревня стоит на небольшом плато к северу от этого притока, через который переброшен подвесной мостик из веревок и досок, и расположена в тени следующего высокого горного хребта. Через Керунг можно переправиться по канатному мосту: человек висит высоко над водой, руками держась за шкив, который скользит по канату. За рекой, по нижним склонам противоположной горной гряды — длинная полоса обрабатываемой земли, благодаря которой люди здесь живут сравнительно богато. Они выращивают в основном просо и кукурузу, пасут стада коров, коз и овец. В Шаблунге есть также школа — предмет огромной гордости жителей деревни. Правда, в ней нет учителей, да и вряд ли будут в обозримом будущем.

При виде этих изолированных селений возникает ощущение заброшенности. Они резко отличаются от промышленных районов Европы, где на первом месте — прибыль, там с трудом терпят карликовые земельные участки, обезображенные столбами с натянутой на них провололочной изгородью. Гималаи же позволяют людям существовать маленькими и разбросанными общинами

лишь там, где они могут выжить благодаря героическим усилиям, недоступным пониманию бесчисленных теоретизирующих западных советников-агрономов, которые погибнут через месяц, если оставить их один на один с Гималаями.

Мы остановились в очень милой семье, чей дом с дощатой крышей, как и все остальные в Шаблунге, построен из грубого камня. Скот помещается на первом этаже, а на второй с улицы ведет шаткая приставная лестница, по которой через низенькую дверь попадаешь в комнату с большим каменным очагом в углу и с неровным деревянным полом. Над очагом на высоте пяти футов из стены выступает закопченный дымоход из бамбуковых циновок, прибитых к деревянным перекладинам: одновременно и сушка и кладовая — такого я еще нигде не встречала. Дома имеют резные деревянные фасады, существенно отличающиеся друг от друга исполнением, хотя даже лучший из них грубее, чем знаменитая резьба неваров.

В данный момент я сижу в небольшом оконном проеме, ловлю последние лучи быстро угасающего дня и отбиваюсь от клопов, слишком прожорливых, чтобы дожидаться темноты. Вверху на стропилах висят три лука и колчан со стрелами, и в моей беспросветно романтической душе разливается блаженство от того, что мне довелось побывать у людей, привычных к охоте с луком и стрелами на диких коз. Семья состоит из родителей — Давы и Таши, которым по сорок с небольшим, и девяти детей. Старшему ребенку восемнадцать лет, младшему — шесть месяцев, что говорит о тщательном планировании семьи, хотя и не направленном на ограничение рождаемости. Все дети выжили, что не часто встречается в этих краях. В настоящий момент трое старших пасут скот на верхних пастбищах, откуда скоро должны спуститься на зимовку.

Мингмар зажег свечи, и я перебралась на пол. У огня, лежа на куче пестрых шкур дзо⁶², голая по пояс Таши кормит грудью ребенка. Ее мускулистое тело в свете пламени отликает медью, черные волосы свисают на лицо. Она улыбается малышу, который с упоением сосет грудь. Остальные ребятишки кувыркаются на полу, а Дава своим кукри отрубает кусок свежей баранины — у меня даже слюнки текут. Значит, на ужин будет мясо,

Кукри поражает меня своей универсальностью. Им можно делать все: отрубить голову быку и свалить дерево, заточить карандаш и чистить картофель — не говоря уже о боевом применении. Небрежность, с которой этим тяжелым, острым как бритва оружием пользуются маленькие дети, совершенно потрясающа: малейшее неосторожное движение — и они могут что-нибудь себе отрубить.

Сегодня вечером мне самой пришлось воспользоваться кукри в качестве хирургического инструмента. Мингмар весь день чувствовал себя плохо, нарыв на щеке вырос до размеров карбункула. Я вскрыла его предварительно стерилизованным острым кукри и выдавила много гноя. Должно быть, Мингмару было очень больно, и он чувствовал слабость, но, как настоящий шерп, даже не пожаловался. По окончании операции нам налили по чашке густого коричневого чанга, сделанного из проса вместо риса или ячменя. В нем кишели какие-то подозрительные тела. Это был кислый, грязноватый, но удивительно крепкий напиток, но я не отказалась ни от второй, ни от третьей чашки.

В начале вечера зашел навестить нас деревенский лама — высокий, красивый мужчина лет тридцати пяти, необычайно представительный в своем темно-красном одеянии. Правда, он больше интересуется торговлей, чем религией, и вряд ли уделяет достаточно внимания духовной жизни своей общины.

14 ноября. Монастырь на горе.

Сегодня мы дотащились до ночлега вконец обессиленными. Из Шаблунга мы вышли в шесть утра, а к пяти вечера поднялись на высоту более десяти тысяч футов над уровнем моря.

Перейдя подвесной мост у Шаблунга, мы направились снова к Тхангджету, что, по моей наивности, слегка меня озадачило, ибо на пути сюда я не помню ни одного отклонения дороги на восток. Слева лежали ровные узкие поля кукурузы. Неожиданно я увидела стадо лангуров, пожиривших в поле зерно. Эти обезьяны наносят большой ущерб урожаю, и крестьяне-неиндуисты всегда забрасывают их камнями. Поэтому при нашем появлении лангуры умчались прочь.

От кукурузных полей дорога стала петлять вокруг

почти отвесной горы. Вскоре Шаблунг скрылся из виду. Я шла впереди. Вдруг Мингмар остановил меня свистом. Когда я подошла к нему, он указал на ничем не примечательное место:

— Здесь будем подниматься.

И вот мы уже идем почти десять часов. Теперь-то я поняла, что опасная тропа от Трисули — по непальским масштабам настоящее шоссе — на самом деле едва заметная тропинка, по которой Мингмар никогда раньше не ходил, — настолько крута, что первый час мы не шли, а карабкались сквозь высокую густую траву (деревьев не было, кустарник попадался редко), пользуясь при этом руками не меньше, чем ногами. Скоро Мингмар остался далеко позади, и я оказалась совсем одна на такой высоте. Мне было радостно, что я способна двигаться по причудливой, почти несуществующей тропе. Я часто останавливалась, чтобы передохнуть и оглядеться вокруг, и даже сделала несколько снимков, прекрасно зная, что при моем полном неумении фотографировать из этого ничего не получится. Конечно, фото — лишь жалкое подобие действительности. При виде такого великолепия начинаешь понимать, насколько тщетны попытки фотографа запечатлеть его отдельные фрагменты. Кроме того, я боюсь испортить зрительное восприятие цельности ландшафта Гималаев. Поэтому я вскоре спрятала фотоаппарат и почувствовала, что нахожусь во власти прозрачного воздуха, пенящейся реки, вздымающегося по обе стороны нагромождения гор и досадно недоступного ущелья, ведущего в Тибет — царство снежных холодных вершин, ослепительно сверкающих вдоль горизонта.

Я никак не могла понять, откуда здесь тропа, поскольку кажется невероятным, чтобы даже непальцы жили на такой крутизне. Неожиданно для себя я оказалась на широком ровном уступе, засеянном ячменем. В отдалении виднелись два крепких каменных крестьянских дома.

Я шла по уступу и наслаждалась тем, что можно идти, а не карабкаться, и мое воображение рисовало какие-то сказочные картины об этих суровых, мрачных жилищах. Вероятно, они населены ведьмами, чьи метлы обеспечивают отличное воздушное сообщение с Шаблунгом. На самом деле в них жили двенадцать очень сим-

патичных тамангов, в том числе один молодой монах, вернувшийся из монастыря в районе Госаинкунд Лекха погостить в свой дом, который он покинул в девятилетнем возрасте. Только этот юноша видел в своей жизни европейца. Однако еще до прихода Мингмара, объяснившего им мое появление здесь, все меня очень тепло, хотя и с удивлением, приветствовали.

Образ жизни подобных селений меня весьма занимает: откуда пришли эти люди, почему поселились в столь отдаленном районе, как их сыновья находят жен, а дочери — мужей, где покупают все необходимое? Я задавала вопросы через Мингмара, но на первые два так и не получила ясного ответа. А мой вопрос, почему люди поселились на этом плато, они сочли нелепым: есть земля, которую можно обрабатывать, вода и дрова поблизости — чем не место для жизни? И живут они не так одиноко, как кажется с первого взгляда. Все лето люди из Лангтанга проходят мимо, направляясь к верхним пастбищам для яков, да и Тхангджет и Шаблунг в общем-то не так далеко. О браках здесь специально не договариваются, молодые люди выбирают себе пару либо в одной из соседних деревень, либо в летних стоянках пастухов. Продают они только ячмень, в основном жителям Лангтанга. Последние с удовольствием приобретают его в качестве дополнения к картофелю и репе, которые выращивают близ своих пастбищ. В обмен жители Лангтанга поставляют масло яков, чай и соль, а все остальное — цзамбу, чанг, картофель, репу, красный стручковый перец и козий сыр — маленькая община производит сама. Они даже ткут для себя одеяла и одежду из козьей шерсти.

Эти люди явно не ощущали себя подданными никакого правительства, ни северного, ни южного. Горы были их государством, их миром; ни одно внешнее событие не оказывало на них сколько-нибудь заметного влияния. И все же побег далай-ламы в Индию и мероприятия китайской администрации в Тибете, несомненно, оставили некоторый след в их умах.

Пока Мингмар готовил еду, я вышла покурить на солнышке. Когда я бросила окурочек, четверо ребятшек кинулись за этим бесценным сокровищем, которое досталось маленькой девочке, умудрившейся сделать еще две затяжки. Затем взрослые собрались вокруг меня, тоскли-

во глядя на пачку «Панамы» — «роскошных» индийских сигарет ценой в восемь пенсов. Никто не просил заку- рить, но, когда я пустила пачку по кругу, на лицах их отразился восторг.

После еды Мингмар долго спорил с монахом, по ка- кой тропе нам идти дальше. Когда мы двинулись в путь, Мингмар объявил, что скоро будет тропа, по которой ходят только яки. Я заметила, что это, может быть, и к лучшему, поскольку они, очевидно, оставляют более заметные следы, чем человек. Однако Мингмар ответил, что такие редко используемые тропы быстро пропадают под сухими листьями.

Легкий двадцатиминутный подъем вывел нас на опушку леса, где следы тропинки исчезли окончательно, и после минутного колебания Мингмар признался, что не знает что делать: подниматься дальше в гору или обходить ее. Он знал только одно — надо переправиться на другую сторону горной гряды. Поскольку она прости- ралась на север и на юг до бесконечности, такая инфор- мация особой ценности не представляла. Наконец шерп решил попытать счастья на южном склоне, и в течение получаса мы блуждали у подножия. Иногда нам каза- лось, что мы нашли тропу яков, но вскоре убеждались, что это были следы крестьян селения, которые собирали здесь хворост. Неожиданно мы оказались у отвесного обрыва. При виде бездны Мингмар разумно заключил, что мы движемся не в том направлении, после чего при- шлось повернуть назад.

Бесполезные блуждания по горам несколько меня не удручали. Деревья здесь росли не густо, многие были срублены, и в ослепительном сиянии солнечного дня кусты и папоротники отливали бесконечным богатством ярких осенних красок. По дороге нам попадались откры- тые поляны, там, в рыжевато-коричневой высокой траве я находила дикую малину, лесную землянику, клюкву и черную смородину. Я останавливалась и ела ягоды горстями, стараясь восполнить недостаток витамина С.

Мне показалось, что подобную картину я уже где-то видела. Если пристально, не отрывая взгляда, посмотре- ть на темный, густой лес поблизости, то можно вообра- зить себя в ирландском лесу в солнечный октябрьский день. Правда, там не так тепло, как здесь, и не обойтись рубашкой и шортами, — нужно одеться потеплее.

Вернувшись к тому месту, где мы потеряли тропу, Мингмар сбросил рюкзак и сказал, что пойдет искать следы яков. Вскоре он вернулся довольный и сообщил, что обнаружил неопровержимые доказательства пребывания в лесу этих животных. Тропа уходила круто вверх, огибая северный склон гряды, и видна была лишь Мингмару; я бы никогда не догадалась, что это и есть та самая тропа.

Лес образовал здесь сумеречный свод из необычайно высоких и старых деревьев, загородивших солнце и создавших прохладный полумрак. Многие из этих чудищ были разбиты молнией или вырваны с корнем бурей, поэтому нам то и дело приходилось пробираться под поваленными деревьями или перелезать через гигантские полусгнившие стволы. Скоро моя вера в эту тропу начала колебаться, и я все выпытывала у Мингмара, как это якам удастся преодолевать такие препятствия. Он отвечал, что животные через них перепрыгивают, а поскольку я никогда не видела яка, спорить было трудно. Мне только казалось, что лишь чемпиону, а не яку под стать такие прыжки.

Земля была покрыта толстым слоем мягкого, скользкого черного перегноя из листьев. Вскоре под ногами захрустел лед, ведь мы поднимались вверх. Становилось все холоднее, и я вынуждена была устроить стриптиз наоборот; поминутно останавливаясь, надевать носки, брюки, жилет, вязаную фуфайку, теплую куртку, шапку и перчатки.

На высоте около двенадцати тысяч футов лес стал редеть, а тропа выровнялась. Обогнув бревенчатую пастушескую хижину, тропа вывела нас на продуваемое ветром, залитое солнцем пастбище яков. Нашим взорам открылись вершины, покрытые снегом. Я наслаждалась близостью к прекрасному миру голубого, золотого и белого.

Я стала ощущать недостаток кислорода (курить надо меньше!) и при подъеме не могла угнаться за Мингмаром. Минут десять хода через плато — и мы у развилки дорог: одна вилась вокруг горы, а другая круто уходила к вершине. Какой-то инстинкт (а может, мое выскакивающее из груди сердце) подсказал, что надо идти низом. Однако Мингмар, указав на три чортена на ведущей к вершине тропе, коротко скомандовал:

— Вверх!

Мы двинулись к вершине высотой в тринадцать тысяч четыреста футов, где не было следов монастыря, лишь ледяной ветер обжигал кожу лица. Укрывшись от ветра за стойлом для яков, я, задыхаясь, спросила:

— Хоть эту можно считать горной вершиной?

Мингмар твердо сказал, что это всего лишь вершина высокого холма. Очевидно, в этих краях лишь вершины с вечным снегом считаются горными.

Солнце уже пряталось за горный хребет по ту сторону Керунга, а мы все еще не знали, где находится гомпа⁶³. Правда, я была настолько заворожена открывшимся перед нами видом, что происходящее волновало меня мало. Если не считать снежных пиков, наша «вершина холма» — самая высокая точка в окрестности, и, несмотря на ее сравнительную малозначительность, при виде бесчисленных менее высоких горных хребтов, окружавших нас словно застывшие волны какого-то фантастического океана, я чувствовала себя настоящим покорителем.

Потом, бродя вдоль восточного края плато, я заметила внизу, примерно в тысяче футах, блестящую крышу небольшой гомпы — к ней вела дорога, огибающая гору, но не та, которая круто шла вверх. Я даже обрадовалась, что мы свернули не туда, но бедный Мингмар чуть не плакал от обиды, узнав, что последний подъем был лишним. Дороги вниз не существовало, и если бы мы возвращались тем путем, которым поднимались, то темнота наступила бы гораздо раньше, чем мы добрались бы до хижины, поэтому решено было спускаться по возможности напрямик.

С вершины гомпа казалась довольно близкой, но прошло более часа, прежде чем мы до нее добрались. Спуск оказался не менее изнурительным, чем подъем. Вначале склон был покрыт какими-то кустами с необычайно упругими ветками, сквозь которые было очень трудно пробираться, но они помогали — мы держались за них на особо крутых участках, когда казалось, что вот-вот сорвемся вниз.

Склон стал более пологим, и мы вошли в таинственный лес, полный мертвых высоких деревьев, старых пней. На деревьях не было сучьев. Сначала я решила, что в лесу недавно похозяйничал пожар, но, приглядевшись,

не заметила никаких следов огня. Видимо, давным-давно на деревья напала какая-то болезнь. Что бы там ни было, в сумерках он выглядел зловещим, и я бы не удивилась, если бы натолкнулась на Данте и Вергилия, наблюдающих с края пропасти за муками грешников.

Молодой монах рассказывал, что пятеро лам секты нингмапа, которые проводят в гомпе каждое лето, недавно ушли, поэтому я рассчитывала застать ее пустой. Но, к моему удивлению и ужасу, мы обнаружили в каменной хижине, рядом с храмом, троих маленьких ребятишек в возрасте восьми, шести и трех лет. Больше двух недель они не видели своей матери и не ждут ее раньше следующей недели. Однако одиночество в местах, куда между октябрём и апрелем редко заглядывают путешественники, похоже, совсем не пугает их. Ребятишки не имеют ни малейшего представления о жизни за пределами своего горного склона и были бы, вероятно, больше напуганы какой-нибудь уличной сценой в Катманду, чем долгими, холодными, темными ночами, которые они проводят, прижавшись друг к другу, на охапке сухого папоротника. Жизнерадостные, чумазные Циринг Дрома, Дордже и Таши Дрома — типичные маленькие тибетцы. Наше появление их несколько испугало.

Несмотря на то что маленькие беспризорники чувствовали себя как рыба в воде, я в душе осудила их мать. Ведь она оставила их без еды, если не считать сырую репу, которая растет на небольшом пятачке плодородной почвы рядом с гомпой. Кроме того, зимой голодные снежные барсы нередко убивают детей! (Я пишу эти строки, а «дети гор» за обе щеки уплетают рис и томатный суп).

В хижине потолок такой низкий, что я не могу встать в полный рост. Потолочные балки и толстые каменные стены настолько прокоптились за многие годы от разводного внутри костра, что создается впечатление, будто их только что покрыли черным лаком. Я сижу в углу возле огромного глиняного очага, на котором ламы обычно готовят пищу, и прислушиваюсь к доносящемуся до меня непонятному звуку из огромного глиняного чана. Иногда мне кажется, что где-то капает вода. И тут я сообразила, что хозяева гонят арак — тибетский само-

гон. Его гонят на радость высокоученым монахам, которые приедут сюда следующим летом.

Обычно, если матери нет дома, дети спят в маленьком пустом стойле для яков на краю пятачка ровной земли, где крысы беспокоят меньше, чем в хижине. Они не могут развести огня, ведь у них нет ни спичек, ни огнива (хоть в этом здравый смысл не отказал их легкомысленной матери), поэтому сейчас они с удовольствием расстелили шкуры дзо на полу поближе к очагу. Крепко подмораживает, на небе сияют яркие звезды.

15 ноября. Гомпа.

Вчера вечером я заподозрила у себя признаки дизентерии. Утром прогноз полностью подтвердился. Я бы могла отнести симптомы за счет горной болезни, но они появились и у Мингмара. Стало быть, бактерии дизентерии настигли нас по дороге — скорее всего во время выпивки в Шаблунге. Четыре раза за ночь мне пришлось прогуляться на улицу, да еще при такой погоде. К рассвету мне стало совсем плохо, и я с трудом поднимала голову. Бедняга Мингмар выглядел не лучше. На завтрак мы проглотили по хорошей дозе таблеток, а потом повторяли лечение через каждые три часа в течение дня. В результате мы быстро приходим в себя, хотя недавно даже не могли смотреть на еду. (Впрочем, смотреть особо не на что.) Весь день мы грелись на солнышке, спрятавшись от ветра за тремя чортенами, стоящими у стойла, и любовались видом на глубокую долину, отделявшую нашу гору от ослепительных снежных пиков. Время от времени мы помогали друг другу встать на ноги для очередной прогулки, а через каждые несколько часов Мингмар брел в хижину, чтобы заварить чай, который был так необходим нашим обезвоженным телам.

Прошлой ночью так морозило, что к утру питьевая вода превратилась в лед. Вода в гомпу поступает из ручья в нескольких милях отсюда по хитроумно сделанному водопроводу из полых стволов деревьев. Она льется из последней «трубы» прямо в большой медный чан.

«Дети гор» очаровательны — так и хочется их похитить. Циринг Дрома, старшая девочка, сегодня часами сидела около нас. Она резала ломтиками репу и раскладывала ее на бамбуковой циновке, чтобы засушить на зиму. Остальное время Дрома с мальчиком Дордже

учились писать по-тибетски. Это высокоинтеллектуальное занятие объясняется тем, что их отцы-ламы, имея общую жену (или сожительницу), всерьез стремятся дать своим отпрыскам если не материальное благосостояние, то хотя бы образование. Дети с благоговением и любовью относятся к своим истрепанным учебникам, которые есть не что иное, как ветхие страницы из священных книг, хранящихся в гомпе. Глубокое уважение ко всему, связанному с религией, свойственно каждому тибетцу. Оно распространяется и на святыни иноверцев.

Вчера, когда мы почти поднялись на вершину, я удивилась, когда увидела много фазанов. Здесь же единственные птицы — два ворона. Весь день они сидят на флагштоках и дружно каркают.

Очень эффектным был сегодня заход солнца — алые полосы над далекими синими горами, выше — бледно-зеленые, еще выше — тонкая пелена оранжевых облаков, охватившая половину неба. Мингмар не разделяет моего восторга этим зрелищем; по его словам, оно предвещает снежный буран.

16 ноября. Гомпа.

Как точно Мингмар предсказал погоду! Наше счастье, что успели вернуться сюда вечером. Утром мы были в хорошей форме и сытно позавтракали, изголодавшись за вчерашний день. Когда мы в половине восьмого тронулись в путь, небо было безоблачным, а в воздухе пахло снегом. Мингмар, проследив направление ветра, помрачнел.

В миле от гомпы я впервые увидела ловушку для барса — грубое сооружение из деревянных кольев, вбитых вокруг глубокой ямы. Казалось, в такую ловушку можно заманить лишь барса, выжившего из ума. Однако Мингмар заверил меня, что она действует безотказно.

Сейчас мы на дороге Тхангджет — Госаинкунд Лехх, недалеко от которой стоит гомпа. Около часа мы огибали гору чуть ниже верхней границы леса, встречая по дороге много пастушьих хижин и загонов для яков. Потом мы вышли на широкое пространство, поросшее вереском и постепенно поднимавшееся к небольшому леднику, и отсюда начали нетрудное часовое восхождение к перевалу на высоте около пятнадцати тысяч футов.

Сегодня я хорошо переносила высоту. Мингмар сер-

дился, потому что я часто сбрасывала рюкзак и взбиралась на невысокий гребень слева. Оттуда я упивалась видом на горный массив Лангтанг, уже захватывающе близкий. Поэтому лишь к одиннадцати часам мы подошли к последнему крутому участку тропы, едва видневшейся под свежим снегом. И здесь мы получили первое предупреждение — серая пелена внезапно затянула снежные пики на юго-востоке. Мингмар заколебался и явно забеспокоился, но потом, к моему удивлению, решил, что надо хотя бы пройти перевал и посмотреть, какая погода на той стороне, — может быть, более ясная. Однако его надежды не оправдались. Когда мы достигли вершины, начался снежный буран, и ледяной порыв ветра едва не сбил нас с ног. Всего каких-то минут пять назад светило солнце, а тут мы попали в самую гущу странного обволакивающего сумрака, который не назовешь ни ночью, ни днем. За плотным шквалом снежных хлопьев ничего не было видно в нескольких метрах. Мы скорее повернули назад, но наши следы уже замело, и минут через пятнадцать мы безнадежно заблудились. Вроде бы паниковать было рано — до темноты оставалось часов пять, да и деревья виднелись невдалеке, но если долго блуждать вслепую по такой местности, поневоле начнешь нервничать. Поэтому у меня гора с плеч свалилась, когда неожиданно мы оказались на залитом солнцем незнакомом плато.

В этих краях горы — не просто горы, а чередование похожих друг на друга хребтов, поэтому ничего не стоит заблудиться и пройти полпути не в ту сторону, прежде чем осознаешь свою ошибку. Такое мы проделали дважды, пока искали дорогу, и к тому времени, когда нашли ее, оба почувствовали себя вконец разбитыми. Я достала неприкосновенный запас камеди, и мы его с удовольствием жевали, неторопливо шагая вниз и нежась под теплыми лучами солнца.

Ребятишки очень обрадовались, когда снова нас увидели. Такой прием несколько сгладил чувство досады и неудовлетворенности, которое мучило нас из-за невозможности продолжать путь на Госайнкунд Лекх. Через полчаса небо вновь затянулось тучами, и сейчас, когда я пишу эти строки, идет густой снег, однако в хижине тепло. Сгрудившись возле полыхающих поленьев, мы впятером с нетерпением ждем, пока сварятся рис,

суп и репа. А каково было бы «детям гор», если бы они оказались в этот вечер совсем одни?

Мингмар решил, что наилучший выход из создавшегося положения — вернуться завтра по дороге в Тхангджет, где мы выйдем на наш первоначальный маршрут. Пройдя по нему около половины пути до Трисули, мы повернем на восток в одну из долин и посетим высокогорные селения шерпов, лежащие по направлению к Хелму, а затем вернемся в Катманду долиной реки Индравати.

17 ноября. Снова хижина на горном хребте.

Женщина, которая так страдала от кашля несколько дней назад, умерла, оставив четверых маленьких детей. Судя по их виду, жить им тоже осталось недолго.

Сегодняшний переход продолжался девять часов и изобилдовал резкими контрастами. Когда мы покидали гомпу в половине восьмого утра, накормив на прощание ребятишек горячим завтраком, тропа была на фут покрыта снегом. Через три часа мы уже шагали по бамбуковой роще, а затем среди бананов. Как хочется поточнее описать великолепные меняющиеся картины спуска, во время которого мы встретили много горных оленей, фазанов и ни одной человеческой души, но сделать это невозможно.

Продолжительный спуск по тяжелой тропе гораздо утомительнее, чем любой подъем (если не считать самых крутых). Утром Мингмар шел все время впереди. Он заметил, что большинство европейцев действительно считают такие спуски трудными, поскольку у них нет той врожденной устойчивости в ногах, которая позволяет местным жителям столь ловко спускаться по валунам.

Подъем на четыре тысячи футов от реки привел нас в Тхангджет, где мы остановились, чтобы перекусить. После нашего прошлого посещения чайная обогатилась мешком сахара, но цена в шесть пенсов за чайную ложку нас не соблазнила.

Днем мы встретили группу людей. Их было человек двадцать — мужчины и ребята. Они несли свежесрубленные бамбуковые шесты в деревню, которая была расположена километрах в восьми. Каждый за плечами удерживал штук тридцать восьмифутовых шестов, связанных

длинными пучками травы в две вязанки. Я едва поверила своим глазам, когда первые четверо мужчин промчались мимо нас по склону вниз с этим неудобным грузом, мелодично потрескивавшим на каждой неровности дороги. На пересечении с главной дорогой они, не сбавляя скорости, круто поворачивали, а приближаясь к шатким, узким дощатым мостикам, во множестве переброшенным через быстрые горные ручьи, еще больше разгонялись, чтобы груз не успел соскользнуть и увлечь их в воду. Редко приходилось мне встречаться с более впечатляющим проявлением бесстрашия, ловкости и силы. Эти люди вызывают восхищение, подобное тому, которое испытываешь во время боя хорошего тореадора с опасным быком. Одним из последних перебежал мост мальчик лет двенадцати на вид, а на самом деле старше. Наверное, это был его первый поход за бамбуком, и он еще не совсем освоился. Одна вязанка у него соскользнула с деревянного настила. Мгновение казалось, что он вот-вот свалится в воду, но каким-то чудом ему удалось сохранить равновесие, и теперь мальчик стоял неподвижно, сгибаясь под тяжестью бамбука, пока мужчина сзади освобождался от своих лямок, чтобы подхватить его груз. Потом взрослый помог мальчику перебраться: шел следом и поддерживал груз.

Мы следовали за «бамбуковой командой» час. Их выносливость, когда они тащили груз в гору, была еще более поразительной, хотя и менее впечатляющей, чем гонка под гору. Не перестаешь удивляться, откуда эти полуголодные люди находят в себе столько сил, какие не снились даже самым сытым европейцам.

18 ноября. Серанг Тхоли.

Что за день! Если мы и не приходим к конкретной цели, то наверняка сбиваемся с проторенной дороги — и, похоже, с любой другой тоже! Мингмар уже перестал делать вид, что ориентируется на местности. Он считает, что вообще наше путешествие — «дурной поход», однако мне это сумасбродное скитание нравится: я постоянно ощущаю полное блаженство.

Мы вышли в шесть часов утра и в течение двух часов шагали по главной дороге назад, в сторону Трисули. Затем повернули на восток и, дважды потеряв едва заметную тропинку, оказались наконец в тамангской дере-

вуйшке, где и остановились подкрепиться. Утренний подъем был тяжелым, и я почувствовала слабость.

В деревне, в ней домов пятьдесят, жителей почти нет: все ушли на уборку проса. После завтрака Мингмар пытался выяснить, куда нам двигаться дальше, но единственным источником информации оказался глухой столетний старик. Он непременно хотел направить нас обратно в Трисули. Оставалась лишь слабая надежда на собственное чутье.

К трем часам дня мы спустились к реке и остановились у так называемого моста, состоящего из ствола дерева шириной в ступню. Такой «мост» под силу, пожалуй, преодолеть только канатоходцу. Правда, длина «моста» всего двадцать футов, но ведь он страшно неустойчив — закреплен кучкой камней с обоих концов. Взглянув на «мост», я струсила. Внизу неистово бушевала река, зажата в каменном русле, и даже мой испытанный способ перебираться по бревну верхом казался ненадежным. Когда я увидела, как Мингмар легко перебежал «мост», мне сделалось дурно. Он вернулся за моим рюкзаком. Я отдала ему также рубашку, шорты и ботинки и решительно заявила, что пойду вверх по течению искать место, где можно переправиться вброд или вплавь. Мингмар пришел в ужас от моего решения. Он побледнел и закричал:

— Ты утонешь!

— Возможно, — согласилась я. — Однако лучше утонуть, чем свалиться с этой дурацкой оглобли, которую у вас почему-то называют мостом.

Разыскать брод оказалось легче, чем я предполагала. В четверти мили вверх по течению (там река ярдов в сто шириной и футов в десять глубиной) была построена небольшая запруда. Течение здесь довольно сильное, и я подумала, если плыть наискосок выше запруды, то можно перебраться на тот берег. К счастью, в воде я себя чувствую увереннее, чем над пропастью. Бедняга Мингмар, в волнении следовавший за мной по другому берегу, замер от напряжения, когда я нырнула в прозрачную ледяную пучину. По скорости течения я поняла, что никакой опасности мне не грозит, однако не осмелилась расслабиться, чтобы сообщить об этом Мингмару. Поэтому до тех пор, пока я не выбралась на камни рядом с ним, он был убежден, что я непременно утону.

Освежившись таким образом, я почувствовала себя в отличной форме для следующего броска — долгого-долгого подъема по самому крутому возделанному склону, какой только нам попадался до сих пор. Тропинки не было, и мы кое-как карабкались по засеянным просом террасам.

Сегодня мы ночуем в тамангской деревне на высоте семи тысяч пятисот футов, где дома из светло-коричневой глины с камнем под шиферными крышами, как в индуистских деревнях вокруг Покхары. В данный момент жители едва не сталкивают друг друга в пропасть, сгорая от нетерпения посмотреть на меня. Мингмар вызывает у них не меньшее любопытство. Деревня стоит вдалеке от главных дорог, и мало кто из жителей видел европейскую женщину или проводника-шерпа во всем великолепии его обмундирования.

В доме очень тесно, поэтому я отправилась спать в хлев и вот сейчас греюсь о теплый бок буйвола.

19 ноября. Сентхонг.

Покинув Серанг Тхоли на рассвете, мы начали подъем к вершине холма высотой в девять тысяч футов. Обычно солнце вставало навстречу нам из-за гор. Сегодня наоборот — мы поднимались по горе к солнцу. Как чудесно ступить из холодного мрака раннего утра в тепло и увидеть, как первый мягкий свет ложится на горы!

К десяти часам по едва заметной, часто терявшейся тропе мы миновали две горы. Наконец вышли к крохотному селению, прилепившемуся к возделанному склону. Там впервые за весь поход мы столкнулись с кастовой проблемой. Мы решили здесь позавтракать, но вскоре поняли, что попали в весьма ортодоксальную чхетрийскую деревню, где нас, внекастовых неиндуистов, ни в один дом не пустят. Наконец одна женщина согласилась приготовить нам еду при условии, что мы останемся за пределами ее двора.

Добросовестного Мингмара безумно огорчила мысль, что кто-то другой будет для меня готовить. Он клялся, что от такой еды я заболею всеми на свете болезнями. Стараясь утешить его, я сказала, что у меня невероятный — по европейским понятиям — иммунитет.

С половины двенадцатого мы шли, почти не останавливаясь, часов шесть — сначала вниз к реке, затем вверх

до перевала, снова спустились по склону, пока не оказались в Сентхонге, где живут в основном чхетри и несколько тамангских семей. В поисках пристанища мы переходили от одного дома к другому и спрашивали, какую религию исповедуют хозяева. В ответ встречали холодные взгляды индуистов. Таманги здесь намного беднее, чем чхетри, и, конечно, являются изгоями; но столь же безусловно и то, что эти люди намного общительнее своих высококастовых соседей. Я не возмущаюсь, что меня избегают ортодоксальные индуисты, от которых трудно ожидать братского ко мне отношения, и все же печально, что индуизм, несмотря на широту своего мировоззрения, на деле запрещает многие потенциально ценные человеческие контакты.

Сегодня я вновь ночевала в хлеву, поскольку в крошечном домике для меня просто нет места: в нем живет семья из восемнадцати детей и шести взрослых.

20 ноября. Ликарка.

В половине пятого утра меня разбудил ритмичный звук ручной мельницы, на которой мололи просо. Было еще темно и очень холодно, так что я еще с час пролежала в полудреме в теплом спальном мешке, глядя на золотистые звезды, трепетавшие над головой, и прислушиваясь к слабым шорохам, доносящимся с улицы. Местные жители поднимались на уборку риса затемно, и когда мы с Мингмаром на рассвете двинулись вниз к реке, то по дороге встретили много семей, молотивших зерно на широких террасах рисовых полей. Здесь для обмолота используют волов, а в Серанг Тхоли, где рогатого скота не меньше, это делают вручную. Они неистово молотят каждый сноп на земле, пока не высыплются все зерна...

Если бы надо было описывать Непал, а в распоряжении оказалось бы лишь одно прилагательное, я бы выбрала слово «разнообразный». В Непале ни одна деревня не похожа на другую ни языком, ни одеждой, ни обычаями ее жителей, ни их постройками, ни окружающей природой. Здесь неприменимо понятие «типичная деревня». Несомненно, приятное разнообразие порождено разобщенностью селений и является следствием горного рельефа. Снова начинаешь сознать, до какой степени однообразие Запада обедняет жизнь. Столь же

богат и разнолик ландшафт: за каждым поворотом оказываешься лицом к лицу с новыми, удивительными по красоте пейзажами, будто природа, создавшая эти горы, обладала талантом великого художника с тонким, богатым воображением, тщательно разрабатывающего ведущую тему.

Сегодня — самый напряженный день за весь поход. Утром мы подошли к реке. Это всего лишь широкий, бурлящий поток, через который на восьмидесятифутовой высоте перекинут ветхий подвесной мостик. К счастью, поручни оказались достаточно крепкими и я смогла без страха перебраться по нему на другой берег. Начался подъем. До перевала нам не встретилось ни одного ровного клочка земли, и даже Мингмар, дойдя до вершины, сделал сенсационное признание:

— Я очень устал, — сказал он.

В девять утра мы позавтракали в маленьком тамангском селении, в котором было всего три дома. Больше никаких жилищ на пути нам не попадалось до тех пор, пока мы не прошли перевал (в середине дня) и не спустились на тысячу пятьсот футов к разбросанным тут и там домикам шерпов.

После невероятно крутого подъема приятно было с вершины перевала обозреть пологий зеленый склон: огромные серые валуны, разбросанные по траве, и нерастаявший снег, белевший в тени. Стадо крепких длинношерстных коз паслось под присмотром мальчика, который, одиноко лежа на обломке скалы, задумчиво играл на дудке. Круглая долина казалась совсем плоской, но позднее мы заметили в центре ее ущелье, по которому на юг текла река. Сразу над нами, на севере, виднелась поросшая редкими гигантскими соснами гора, а примерно в миле за солнечными просторами пастбищ густые леса обрамляли края долины. И здесь я сильнее обычного почувствовала то особое успокоение, которое всегда ощущается на больших высотах, — необыкновенный покой. Это чувство невозможно ни описать, ни объяснить, но чувствуешь его всем своим существом.

Мы направлялись к небольшому селению, видневшемуся в дальнем конце долины. Нам показалось, что оно совсем близко, и мы не спеша стали спускаться вниз по пологому склону. Через полчаса мы пришли к закрытой лощине, приютившей два дома шерпов, между которыми

развевались свежеекрашенные моленные флаги. Рядом с тропинкой протекал родник, и когда я задержалась, чтобы напиться, то окаменела от удивления: на земле валялась обертка от мыла. Я позвала Мингмара, и мы оба тупо взирали на это сбивающее с толку проявление «цивилизации». Мы чувствовали себя первыми людьми на Луне, неожиданно обнаружившими там пустой спичечный коробок. Мы направились к жилью и по дороге увидели сушившиеся на траве два великолепных сари, а невдалеке — необыкновенно красивое молодое создание в розовом сари, парчовых туфельках и с украшениями в блестящих волосах, на стройной шейке и ручках. Девушка, прислонившись к низкой каменной ограде, разговаривала о чем-то с пожилой женщиной в лохмотьях. Лицо у женщины было обветренное, тело мускулистое.

Мы с Мингмаром не пытались скрыть своего любопытства. Поздоровавшись с женщиной, мы присели на каменную ограду и присоединились к беседе. Из расспросов узнали, что три года назад девушка отправилась в Бомбей, выучилась там на медсестру. Сейчас она приехала домой на месяц в отпуск. Девушка, имеющая профессию, в этих краях — явление неслыханное, и мне было непонятно, как она сумела получить образование, необходимое для поступления на медицинские курсы. Очевидно, здесь какой-то особый случай, но и мать, и дочь были довольно неразговорчивы, поэтому больше ничего выяснить не удалось.

Интересно, как родственники девушки восприняли появление в этих краях такого образца элегантности и утонченности? Чувствуют ли они за нее гордость, или неловкость, или, может, слегка презирают за наряды и изысканность? Конечно, девушка, тщательно охраняя «бомбейские стандарты» от посягательств, демонстрировала веру в превосходство своего нового образа жизни. Она была очень нежна со своей матерью, однако держалась довольно скованно. Создавалось впечатление, что дома ей не по себе и в глубине души, терзаясь угрызениями совести, она мечтает побыстрее уехать.

Встреча с девушкой помогла мне понять, почему в этих местах жители деревень, получившие медицинское образование в городе, часто не хотят возвращаться в родные края, где их помощь особенно необходима. Этих юношей и девушек захватывает новизна материальных

и духовных возможностей городской жизни, и там они в корне меняются, открывая в себе все новые и новые возможности, о которых они ранее не подозревали. Часто их обвиняют в том, что городская жизнь «вскружила им голову», однако это неправильно. Такие молодые люди обычно видят лишь светлые стороны городской жизни. Они, как дети, хватаются обеими руками за преимущества образования и не понимают, что успехи обязывают их прийти на помощь своим собратьям. Бессмысленно требовать от только что выучившегося поколения самодисциплины, которая побудит их добровольно покинуть вновь обретенный мир.

Прежде чем расстаться с этой трогательной парой, мы расспросили о дороге через лес, но, войдя под сумеречную сень деревьев, уже через час совсем заблудились. Я ожидала, что между двумя селениями существует хоть какая-то дорога, но, если она и есть, мы ее не нашли. Более двух часов карабкались мы вверх и вниз по крутым склонам, пробираясь сквозь густые колючие заросли, и не раз упирались в непроходимые овраги. В половине пятого мы поняли, что до заката осталось немногим более часа, и тут Мингмар, не на шутку перепугавшись, забормотал молитвы в той странной монотонной манере, которая кажется комичной, пока к ней не привыкнешь. Мы не имели ни малейшего представления об обратной дороге, поэтому решили пробиваться вперед. Неожиданно мы набрали на что-то похожее на заброшенную тропу. Пройдя по ней через глубокие темные овраги — даже Мингмар, к моему удивлению, нервничал, — мы наконец вышли на открытую местность. Через двадцать минут, миновав поля гречихи, ячменя и картофеля, мы отдыхали в очень милой семье шерпов.

Дом наших хозяев похож на тот, в котором мы останавливались в Шаблунге. Правда, жилая комната здесь вдвое больше и гораздо чище. Со стропил свешиваются сухие кукурузные початки, а вдоль стены, обращенной к низким дверям и двум крохотным окошечкам, расставлены шкафы с красивой резьбой. Судя по множеству серебряных ритуальных сосудов и отделанных серебром деревянных чайных чашек, семья, должно быть, довольно зажиточная (по местным масштабам). В одном углу к стене прислонена бамбуковая, охваченная медными кольцами мешалка для приготовления чая с маслом.

В маленькой комнате, соединенной с жилой, устроена домашняя молельня, где одиннадцать крохотных лампад уютно освещают закопченную, но очень красивую танка⁶⁴, представляющую Будду в позе сострадания.

Семья состоит из старушки, сына, невестки и пяти очаровательных внуков, с которыми я тут же подружилась. Пока я пишу эти строки, сидя на полу у огня, двое младших стоят рядом, облокотившись мне на плечи, и внимательно наблюдают, как чистый лист бумаги покрывается отвратительными каракулями.

Как только мы вошли в дом, я удобно устроилась на подоконнике и стала смотреть из окна на самый красивый в моей жизни закат. Дом обращен окнами на запад. Перед моим взором раскинулись гряда за прядой туманно-синие горы. За ними на малиновом фоне горизонта едва просматривались призрачные снега далекого массива Дхаулагири. Над заревом заката разлился сине-зеленый океан, по которому одиноко плыла золотая ладья Венеры, а еще выше зенит был подсвечен розовато-коричневым светом. Поистине, вид был величественный, полный покоя. День угасал.

В житейском плане вечер был не менее примечателен — на ужин нам подали картофель с молоком. Очевидно, лишь мои соотечественники поймут тот гастрономический экстаз, в который впадает при виде картофеля ирландка, две недели прожившая на одном рисе. Мингмар тоже затрепетал от восторга: хоть он и поглощает рис в большом количестве, дома картофель — один из главных продуктов питания шерпов. Мингмар с удовольствием съел картофель и очень расстроился, когда я отказалась от третьей порции. Это селение из четырех домов — настоящий рай для проголодавшихся путешественников; нам удалось также купить пять яиц, которые мы сварим вкрутую и прихватим с собой, так как запасы риса и сардин уже иссякают.

21 ноября. Селение на вершине холма.

Я согласна, что это — всего лишь холм (его высота всего шесть тысяч футов), отрог одной из гигантских гор, которые окаймляют долину с обеих сторон. После тишины больших высот шум протекающей поблизости реки режет ухо.

Как ни странно, первым сегодня устал Мингмар,

утомленный вчерашним марафоном. Утром мы прошли десять миль главным образом под гору и часто останавливались. Однако из нескольких неизбежных подъемов он сделал целое событие и, когда мы прибыли сюда в половине третьего, заявил, что ранний привал был бы полезен для меня (!). Похоже, вчера вечером он переусердствовал с чангом, презрев наш жестокий опыт в Шаблунге.

Покинув Ликарку в половине седьмого утра, мы вскоре перевалили через крутой лесистый хребет, резко уходящий вверх сразу за селением. Красивейшая долина скрылась из виду. Через час я впервые увидела стадо дзо и была несколько разочарована, так как они похожи на коров с очень мохнатыми хвостами. Их охраняли два огромных свирепых тибетских мастифа, которые исходили пеной, пока я фотографировала стадо. Мингмар говорит, что этих собак натаскивают на людей. Днем их обычно привязывают к деревянному столбу короткой тяжелой цепью за ошейник с позвякивающими железными колокольчиками, а на ночь спускают с цепи, и они становятся опаснее диких животных. Я знала несколько тибетцев, лица которых были страшно обезображены укусами этих чудовищ. Проходя мимо стада, охраняемого непривязанной собакой, я отчаянно трусила, но эту разъяренную бестию удержали двое маленьких ребятшек. Обхватив ее за шею ручонками, они приказали собаке сидеть смирно. Я никак не ожидала, что пес послушается, но он немедленно успокоился и завилал хвостом. Когда мы оказались рядом с ним, он даже не взглянул в нашу сторону. По дороге мы встретили молодого парня, который возвращался в Ликарку после своего первого торгового похода в Катманду. Он продал шерсть и получил за нее банкноту в сто рупий, но не совсем понимал, много это или мало, так как был неграмотен и никогда ранее не имел дела с большими деньгами. Парень показал нам деньги. Мингмар объяснил ему, что здесь такая крупная купюра будет мертвым грузом, и я разменяла ее двадцатью бумажками по пять рупий, чем привела парня в восторг. Конечно, отцу будет приятнее получить двадцать бумажек, чем одну! Потом он показал нам то, что когда-то было хорошими швейцарскими часами; их продали ему в Катманду за пятьдесят (он не уверен) рупий, но они все еще ходили, правда, минутная стрелка

накануне отлетела, несомненно, из-за слишком энергичных манипуляций с пружиной завода (парень, конечно, не имел представления, как узнавать время по часам). Я ему посоветовала оставить их в покое до следующей поездки в Катманду, но Мингмар предложил ему обменяться часами, и они долго торговались. Часы Мингмара были не только целее, но и лучше, однако у шерпов настолько сильна торговая жилка, что для них даже невыгодная сделка предпочтительнее, чем ее отсутствие. В конце концов Мингмар взял сломанные часы и двадцать пять рупий в обмен на свою «Омегу».

Через полчаса мы вновь остановились у так называемой «сыроварни». Они часто встречаются в этом районе, где небольшие стада дзо пасутся под присмотром жизнерадостных пастушек, которые знают секрет приготовления тибетского сыра и масла. Мне так хотелось привезти домой кусок сыра, ведь такое надо видеть собственными глазами. Сыр тверже любого камня, кроме, пожалуй, гранита, и говорят, что он съедобен даже через три столетия после приготовления, если можешь грызть гранит.

«Сыроварня» — небольшая хижина из бамбуковых циновок на поросшем травой склоне, окруженном лесом. Здесь мы с наслаждением выпили сыворотки и съели по тарелке пахтанья, приятно пахнущего дымком от костра. Рядом стояли несколько телят дзо, совершенно меня покоровивших. В этом возрасте они — совсем как родители — густо обрастают шерстью и похожи на мохнатые игрушки с огромными трогательными глазами и страстью облизывать все и вся.

Мингмар останавливался у каждой «сыроварни» и спрашивал, нет ли масла на продажу. Год назад у него умерла мать, и в годовщину он хочет приготовить торма и зажечь лампы. Его отец, торговец, имел двух жен: одна жила в Намче-Базаре, другая — в Лхасе. Когда отец умер, Мингмару было только четыре года, и его воспитывали мать и мачеха, которые вели крупную торговлю между Тибетом и Индией. Теперь торговыми делами семьи занимается Лхамо, двадцатидвухлетняя сестра Мингмара, а старший сводный брат, Пемба, управляет одной из тибетских «гостиниц» в Катманду; ему помогает его мать. Сегодня утром Мингмар купил для мачехи два фунта тибетского сыра: он всегда приносит

ей в подарок из путешествий ее любимое лакомство. Так что масло для его покойной матери и сыр для здравствующей мачехи несколько задержали наше продвижение.

Очевидно, к своей сестре Лхамо Мингмар очень привязан: он всегда говорит о ней с любовью и гордостью, не уставая повторять, какая она умная, деловая женщина и как ему хочется с ней повидаться после годовой разлуки. В следующем месяце из Лхасы она заедет в Катманду по дороге в Калькутту. Действительно, шерпы любят путешествовать, и, похоже, для этого им не требуется никаких паспортов. Они свободно передвигаются между Тибетом, Непалом и Индией. Конечно, из Катманду в Калькутту Лхамо теперь летает самолетом, а по Тибету, насколько я знаю, путешествует на грузовике. У нее два мужа — один присматривает за семейной фермой около Намче-Базара, другой живет в Катманду со второй женой, которая утешает его, пока деловая Лхамо занимается международным бизнесом. Неудивительно, что родственные связи шерпов не так-то просто проследить!

Наша последняя и самая продолжительная задержка произошла в середине дня, когда мы остановились у каменной хижины на краю утеса, чтобы посмотреть на религиозную церемонию. Издалека мы услышали волшебные звуки барабана, колокольчика, цимбал и раковины. Музыка нагоняла на меня тоску по лагерю в Покхаре и здесь, на природе, звучала еще более трогательно. Я пыталась выяснить суть церемонии, но, если Мингмар и знал, он явно не хотел обсуждать этого с иностранкой, и я прекратила расспросы и вознаградила себя четырьмя деревянными чашками самого лучшего чанга, какой мне только доводилось пробовать.

Пожилой лама, руководивший церемонией, был одет в черное одеяние, а не в темно-красное, как принято, а его помощник, молодой монах, носил мирскую одежду. Оба сидели на земле, скрестив ноги, спиной к стене хижины. На низком деревянном столике перед ламой лежал буддийский канон. В правой руке он держал колокольчик, в левой — дордже, который часто откладывал, чтобы в очередной раз приложиться к чангу. В отличие от более ортодоксальных лам, он предпочитает этот напиток чаю с маслом. У стены стояло изображение Будды с обычными торма и масляными лампадами перед

ним, рядом висел барабан, в который высокий стройный юноша, одетый в нечто вроде юбки, бил в такт молитвенным песнопениям. Около тридцати человек полукругом сидели рядом. Они смеялись, болтали, пили чанг и ели холодный, нарезанный ломтиками вареный картофель. Атмосфера была веселой и дружеской. Нам оказали самый радушный прием. Мы провели там более получаса и, расставаясь, сделали ламе подношения.

Оказывается, молодая мать в семье шерпов, у которых мы сегодня остановились, проработала три года на строительстве дороги в Ассаме. Мингмар говорит, что местные жители часто ездят на заработки в Индию. Там они вместе с тибетскими беженцами работают в дорожных бригадах. Скопив столько денег, сколько за всю жизнь им не заработать в Непале, они по дороге домой занимаются торговыми сделками в Калимпонге. Я пыталась выяснить, принимают ли их в бригады официально, как непальских граждан, или им приходится маскироваться под тибетских беженцев. Однако мой вопрос был расценен как не деликатное любопытство, поэтому я прекратила расспросы.

Сегодня вечером Мингмар наконец разобрался, где мы находимся, и заверил, что 24 ноября к полудню мы уже будем дома. Дорога до Катманду ему знакома, чему я весьма огорчилась: как хорошо было блуждать по горам!

22 ноября. Лачуга на вершине горы.

Это самый убогий ночлег за все наше путешествие. Здесь еще неуютнее, чем в лачуге у гомпы. В маленькой комнатке нет окон, и сейчас, с наступлением темноты, тут собрались: семья из шести человек, вол, козы, семь кур, петух, Мингмар и я. Мы снова на высоте более девяти тысяч футов. Ночью очень холодно, поэтому хозяева закрыли дверь, не давая возможности клубам древесного дыма выйти из комнаты. Дым вызывает у меня приступ неумолимого кашля и мучительно ест глаза. Зато хозяева — веселые, добрые таманги — исключительно милы. Их страстное желание создать мне хоть какие-то удобства особенно трогательно на фоне безысходной нищеты.

Сегодня нам снова пришлось совершить марафонский переход, и я поняла, почему Мингмар не рвался в путь.

Наши приключения начались в семь часов утра с весьма рискованного перехода через безумно быструю ледяную реку глубиной по пояс. На этот раз дрожал от страха Мингмар — для разнообразия. Когда мы вместе преодолевали течение, он так неистово за меня цеплялся, что мы оба чуть не утонули. Потребовалось напрячь все силы, чтобы удержаться на ногах под напором воды на огромных шатких валунах, а это было настолько трудно, что мне не верится, что мы могли преодолеть течение, не окупнувшись.

Временами вода доходила нам до груди, так что мы промерзли насквозь. Правда, мы быстро согрелись во время полуторачасового подъема по крутой, скользкой и узкой тропинке сквозь заросли кустарника. В густой траве я не могла различить осыпающейся тропинки, но зато отчетливо видела пропасть справа, хотя и не осмеливалась в нее заглядывать.

К половине десятого эта сумасшедшая, головокружительная тропа кончилась, и мы снова стали спускаться к реке. Остановились позавтракать в зловонной, полной мух лачуге у дороги Катманду—Госаинкунд Лекх, а час спустя шли по этой «автостраде» вместе с группами тяжело нагруженных тибетцев, тамангов и чхетри, чувствуя себя уже на полпути к суете столичной жизни.

В течение четырех часов мы спускались вдоль реки. Тропа шла то через россыпи огромных валунов, то через яркие наносы чистого серебристого песка, то по ветхому подвесному мостику, который болтался в ста пятидесяти футах над водой. Меня несколько возмущает столь безалаберное отношение к дощатым мостикам: неужели трудно привести их в порядок, ведь вокруг столько деревьев?

К трем часам мы добрались до деревни, где впервые за всю дорогу от Трисули увидели лавку. Мы хотели купить чай (он кончился уже несколько дней назад), но в лавке были только засохшие и засиженные мухами индийские сладости, отвратительные сигареты и заплесневевшее печенье. Чтобы подкрепиться, мы купили две пачки печенья.

Снова часа три мы карабкались по крутой тропинке вверх, и сверкающие снежные вершины на севере с каждой минутой становились все красивее. Нижние плодородные склоны возделываются чхетри или неварами, а

верхние, более скудные, — тамангами. Район густо населен — и соответственно полон запахов — по сравнению с оставшимися позади пустынными горами.

23 ноября. Катманду.

Сегодня мы проделали еще один марафонский переход, благодаря чему прибыли сюда раньше срока.

Утром я впервые увидела полное затмение солнца, продолжавшееся с восьми часов пятнадцати минут до половины десятого. В честь этого события по всему Непалу объявлен выходной день.

Мы покинули лачугу до рассвета, и к восьми часам достигли вершины холма высотой в девять тысяч футов, преодолев легкий подъем по раннему бодрящему воздуху. Оттуда виднелась длинная глубокая узкая долина, и около двух миль тропа шла почти по ровному месту, а потом резко нырнула вниз к деревушке у реки.

Когда мы спускались с вершины, я почувствовала, что со светом происходит что-то неладное, и заметила неожиданное похолодание. Догнав Мингмара, я спросила:

— Боже мой, что происходит вокруг? Свет стал каким-то странным, да и холод ужасный!

На такой вопрос англичанин бы не удержался и ответил, что ничего *вокруг* не происходит, но Мингмар спокойно ответил:

— Луна кушает.

С минуту я смотрела на него, раскрыв рот. Сначала я заподозрила, что он помешался, но потом сообразила, что если у кого-то сдвиг, так это у меня, потому что, когда он указал на солнце, я увидела: поверхность светила уже на четверть была затемнена «голодной» луной.

Трудно представить себе более подходящее место для солнечного затмения! Двигаясь по тропе высоко над долиной, мы слышали резкие звуки раковин, бешеные удары цимбал и барабанов. Все ламы и жрецы в маленьких деревнях внизу кричали, вопили и визжали в схватке со злыми духами, которые, напав на солнце, угрожали всему роду человеческому. Столь необычная какофония, усиленная «вечерним» щебетом обескураженных птиц и ни с чем не сравнимым зеленоватым полумраком, разбудила во мне какие-то подсознательные воспоминания, и я на миг испытала первобытный страх, который в тот момент овладел всем Непалом.

Последние дни пребывания в стране всегда полны грусти. Неизвестно, вернусь ли я когда-нибудь сюда. Уверена, если и приеду еще раз, то «все изменится, совершенно изменится» в таких местах, как Катманду и Покхара.

В течение последней недели в отчаянии я отправила в Нью-Дели и Дублин много телеграмм по поводу Таши. Разрешение на ее ввоз от министерства сельского хозяйства Ирландии должно было ждать меня в британском посольстве 23 ноября, но его там и в помине не оказалось, а билеты я заказала несколько дней назад на 3 декабря. Время бежало неумолимо вперед, и я стала замечать некоторое сходство в манере работать между государственными служащими в Дублине и моими друзьями в Синха Дарбаре.

Каждое утро Таши сопровождала меня в новое здание телеграфа, построенного с помощью Индии. Пока я сочиняла все менее и менее вежливые послания в Дублин, клерки критически поглядывали на мою собачонку и подшучивали над особым видом сумасшествия, проявляющимся в желании везти подобное существо в Ирландию. Наконец, дня через четыре, истратив немалую сумму на переговоры и послания, я в категоричной форме заявила, что 3 декабря в 15 часов 20 минут в дублинском аэропорту на борту самолета приземлится черная собака с подпалинами — с визой, запрошенной еще в сентябре, или без нее.

Ранним утром 29 ноября Зигрид отвезла нас в аэропорт Гаучар, и вскоре наш самолет взял курс на Дели. Мы летели над Гималаями. Горы простирались на восток и на запад, насколько хватало глаз. От такого зрелища стыла кровь. Однако, как ни странно, смотреть на Гималаи сверху так же противоестественно, как видеть тигра в зоопарке. Лучше один раз взглянуть на снежный пик с высоты перевала, который ты преодо-

лел, чем проделать весь этот легкий, несколько кощунственный смотр с самолета, удобно расположившись в кресле.

На несколько дней мы остановились в Дели у друзей, пока Таши делали прививки, — и этот «антракт» был весьма полезен перед возвращением в Европу. Куда бы ты ни направлялся, с Непалом расставаться трудно.

В Дели, как и во всех своих последующих поездках и контактах, Таши быстро приспособилась к новой обстановке. Как только не называли ее в Европе: и «вязаный чулок на очень длинную ногу», и «экспонат из музея естественной истории», и «детеныш динозавра» и т. п. Хотя Таши никогда не завоюет медалей, ее все любят и она любит всех, а это — главное.

Перед отъездом из Дели я купила предписанную законом специальную корзину для перевозки собак. На всякий случай я взяла Таши с собой в агентство «Эйр Индия» и представила ее чиновникам. Больше ничего не требовалось: они полностью согласились, что везти подобное существо в корзине от Дели до Лондона — излишняя мера предосторожности, а поскольку в самолете оставались свободные места, они выделили одно рядом со мной, чтобы «перевозимому животному» было удобнее в пути. И вот Таши, которая родилась в палатке кочевников Непала, летела в «Боинге-707» в Лондон.

В Бейруте ей потребовался травянистый пяточок, и она нырнула в черноту ночи. Поскольку мы уже лишились надежды вовремя прибыть в Лондон, потеряв три часа в Бомбее из-за неполадок в двигателе, командир экипажа спросил пассажиров, не будут ли они столь любезны простить еще одну небольшую задержку, пока мисс Мэрфи разыскивает свою собаку. К счастью, Таши быстро нашлась. Я поднялась в самолет с дрожащей Таши на руках. Видимо, то, что она увидела в Ливане, ей не понравилось.

В Лондоне, чувствуя себя предателем, я упаковала собачонку в корзину и передала в ожидавший автофургон, который транспортировал ее к нашему самолету. Там безжалостно бросили Таши в преисподнюю багажного отсека, несмотря на мои мольбы разрешить ей лететь в салоне самолета рядом со мной.

В дублинском аэропорту меня, надо полагать, приняли за укротительницу тигров-людоедов: одетые в форму

представители власти неизвестного ранга буквально сбивали друг друга с ног из опасения, что моя крошка Таши вырвется на свободу и за ночь заразит бешенством всю нацию. Таши ожидал огромный автофургон, в котором ее в корзине повезли в государственный карантинный питомник для собак (он расположен в десяти милях к северу от Дублина). Мне было решительно отказано в разрешении сопровождать Таши в ее путешествии в незнакомую холодную сырость ирландской зимней ночи. К счастью, собачьи питомники содержатся в отличном состоянии, и в течение длительного заключения Таши пребывала в превосходном расположении духа. Она немного подросла и избежала возможных нежелательных последствий пребывания в карантине. Я часто ее навещала: часами просиживала с книгой на соломе в ее вольере, пока она, как в старые добрые времена, развязывала шнурки на моих туфлях. Она всегда с радостью меня приветствовала, но расставания воспринимала спокойно. Наконец наступил прекрасный яркий июньский день, и она ушла вместе со мной в зеленые поля.

Таши с лаем неистово носилась вокруг меня. Я радовалась не меньше при виде маленького черного тельца с распустившимся на ветру нелепым коричневым хвостиком.

Семь месяцев — слишком короткий срок для того, чтобы по-настоящему понять такую сложную страну, как Непал, но этого времени достаточно, чтобы полюбить маленькое королевство со всеми его достоинствами и недостатками. Меня часто спрашивают:

— Вам понравился Непал?

— Да, очень, — отвечаю я.

Непал не может нравиться или не нравиться. Непал — это пестрый ковер, сотканный из великолепия и убожества, мудрости и наивности, спокойствия и веселья, благодушия и недовольства, праздности и энергичности, благородства и коварства, свободы и рабства. Но в этой путанице тают сердца чужестранцев, подчас к их собственному удивлению.

Многое в королевстве можно не принимать, многое требует реформы, но переделать все по образу и подобию «цивилизованного» Запада было бы утонченным геноцидом, ибо в Непале есть то, что следует бережно хранить, а не бросать на растерзание «прогрессу». Одна-

ко Запад уже вошел в Непал, захлебываясь от переизбытка «добрых намерений» (хотя под ними явно скрывается стремление к выгоде), и скоро наше безразличие к изяществу, к труду мастеров-одиночек, ко всем замечательным чертам характера, определяющим традиционную культуру, распространит по этой стране материальное уродство и духовную неуверенность, подобно чуме. «Смотрящие далеко вперед» и презирающие прошлое «специалисты» уже рвутся помочь Непалу «наверстать упущенное». При этом они хотят выбросить за ненадобностью непреходящие ценности, наполовину скрытые за «языческим суеверием», но все еще активные, которые могут стать более прочной основой нового Непала, чем кодекс массового производства, возводящий в достоинство погоню за деньгами ради ненужных расходов.

Пожалуй, нигде в Азии контраст между величественным, но приходящим в упадок прошлым и полным самоуверенности настоящим не кажется столь резким, как в Непале. Несомненно, со временем настоящее одержит здесь победу, но только кажущуюся. Однако даже тогда, когда вытравят непальский образ жизни, Гималаи все-таки останутся. Время от времени они будут подвергаться вторжениям хорошо оснащенных экспедиций, но сохранят свою девственную красоту до конца дней.

¹ Тибет, в средние века признававший сюзеренитет Китая (часто номинальный), в 1951 г. был присоединен к КНР с обещанием сохранения автономии. Однако шовинистическая национальная политика китайского руководства вызвала многочисленные выступления широких слоев тибетского народа. Особенно острая ситуация сложилась с 1955 г. в Кхаме — области Восточного Тибета, где массовые казни и бомбардировки городов не смогли остановить вооруженной борьбы тибетцев. Восстание распространилось на Центральный и Южный Тибет, а весной 1959 г. волнения охватили Лхасу. Далай-лама — духовный и светский глава Тибета — перешел на сторону восставших и 17 марта бежал в Южный Тибет. В тот день китайские войска начали обстрел столицы и к 22 марта захватили ее. 31 марта 1959 г. далай-лама выехал в Индию. В 1959—1960 гг. китайскими войсками, насчитывающими сейчас в Тибете около трехсот тысяч человек, было уничтожено более восьмидесяти тысяч тибетцев, десятки тысяч арестованы, около ста тысяч бежали за границу. Репрессии продолжались, они были направлены против ламаистской церкви, как национального института Тибета, а также монашества (то есть против почти $\frac{1}{10}$ населения страны). Монастыри грабили и разрушали: так, крупнейший в мире монастырь Дрепунг, насчитывавший десять тысяч монахов, практически обезлюдел. Бегство тибетцев за границу усилилось в период «культурной революции». По некоторым данным, из страны бежало около ста тысяч тибетцев, в основном крестьян, нашедших приют в Индии, Непале и Бутане (*здесь и далее примеч. ред.*).

² Значительная часть исторического Тибета (Бод) в 1965 г. была преобразована в Тибетский автономный район Китая. Площадь его — 1,2 млн. кв. км, население — более 1,6 млн. человек (из которых 1,2 млн. — тибетцы, то есть половина всех тибетцев, проживающих в КНР). Вообще, тибетцев, т. е. лиц, говорящих на наречиях тибетского языка, принадлежащего к тибето-гималайской ветви китайско-тибетской языковой семьи, насчитывается около 3,5 млн.

³ В Непале существуют три основные системы летосчисления, три «эры». Наиболее распространена и официально используется в государстве «эра» Бикрам Самбат, начавшаяся в 57 г. до н. э. (таким образом, 1981 г. — это 2038 г. «эры Бикрама»). Кроме того, есть Сакья Самбат, начавшаяся в 78 г. н. э., и Непал Самбат — с 879 г. н. э. Календарь в Непале — лунный, месяцы начинаются в новолуние, а новый год — с середины апреля.

⁴ Необычайно пестрый этнический состав населения Непала осложняется наличием каст. При этом некоторые этносы делятся на кастовые группы (например, кхасы и невары), а другие традиционно считаются самостоятельными кастами. Наиболее многочисленной народностью являются собственно непальцы (**кхасы**), которые под-

разделяются на касты брахманов, тхакуров, чхетри (королевский род и Рана — родственники фактических правителей страны с 1846 по 1951 г. — принадлежат к касте тхакуров). Антропологический облик кхасов в общем европеоидный, говорят они на языке непали (кхаскура), относящемся к индийской группе индоиранской ветви индоевропейской языковой семьи. Гораздо заметнее монголоидный антропологический компонент у группы этносов, говорящих на языках тибето-гималайской ветви: неваров, магаров, гурунгов, тамангов, тхакали, шерпа, бхотия. При этом шерпы, тхакали и особенно бхотия очень близки по культуре и языку к тибетцам. Преувеличенные автором «черты характера» групп Непала имеют некоторое объяснение в их положении в традиционной социальной иерархии страны, основанной на господстве индуистской идеологии: кхасские группы считаются высшими, буддийские этносы — низшими.

⁵ Д а л а й - л а м а — глава ламаистской церкви. «Лама — океан (мудрости)» (монг. язык) — перевод тибетского титула «джамцо». Этот титул был присвоен в 1578 г. настоятелю монастыря Дрепунг, который с XVII в. стал духовным и светским правителем Тибета. Далай-лама считается живым воплощением бодхисаттвы («святого» буддизма) Авалокитешвары, покровителя страны. Автор передает статус своеобразного ламаистского «первосвященника» термином «его святейшество». Здравствующий ныне далай-лама — четырнадцатое воплощение Авалокитешвары.

⁶ П о т а л а — дворец далай-ламы и одновременно монастырь (Лхаса); существует с VII в., современный облик приобрел в XVI—XVII вв.

⁷ Ч е н р е з и — тибетское имя бодхисаттвы — покровителя ламаизма.

⁸ Г у р к х и — так называли жителей области (ранее княжества) Горкха в Центральном Непале. Употребляется и как этноним непальцев (кхасов), говорящих на языке непали. Составляют около половины населения страны. Часто гуркхима называют и непальцев, состоящих на службе в индийской и английской армиях.

⁹ Т р и б х у в а н Р а д ж п а т х — автомобильная дорога от Катманду до пограничного индийского городка Раксаул, построена с помощью Индии в 1956 г., протяженность — 225 км (хотя по прямой от Катманду до Раксаула всего 85 км); важнейшее и долгое время единственное шоссе в Непале.

¹⁰ Р а к ш и — крепкий непальский спиртной напиток.

¹¹ Т е р а и — полоса заболоченных и залесенных равнин у южных подножий Гималаев шириной двадцать-тридцать километров. Ранее там преобладали малярийные влажные тропические леса, за последние сто лет тераи частично осушены и распаханы.

¹² Д а л — приправа из бобовых, часто из гороха (своеобразная гороховая каша), употребляемая с рисом, лепешками или отдельно.

¹³ К а р р и — приправа из мяса, рыбы или овощей с пряностями, а также набор пряностей для этой приправы.

¹⁴ Н е в а р ы — одна из самых развитых и древних народностей Непала; создали своеобразный архитектурный неварский стиль (двух-трехэтажные кирпичные дома с выступающей черепичной крышей и богатой резьбой по дереву), который иногда называют также «стиль пагоды».

¹⁵ Б х и м С е н Т х а п а — правитель («мукхтияр») Непала с

1806 по 1837 г. (умер в 1839 г.), национальный герой страны; активно сопротивлялся экспансии английской Ост-Индской компании, боролся с аристократической оппозицией. Нельзя согласиться с автором, когда она называется Тхапу «коварным» и сравнивает с проанглийскими наследственными «премьер-министрами» из рода Рана, захватившими фактическую власть в стране в 1846 г.

¹⁶ Свержение в 1951 г. режима наследственных «премьер-министров» Рана и установление конституционной монархии повлекли за собой и «открытие» страны для внешнего мира. До 1951 г.— в интересах Рана и английских колониальных властей Британской Индии — доступ иностранцам в Непал был практически закрыт.

¹⁷ Катманду (Кантипур), Патан (Лалитпур), Бхадгаон (Бхактапур) — древние столицы неварских княжеств долины Катманду XII—XVIII вв., основанные более тысячи лет назад и захваченные в 1769 г. правителем княжества Горкха Притхви Нараян Шахом, «объединителем» Непала. Крупнейший из этих городов — Катманду.

¹⁸ До настоящего времени бо́льшая часть неваров, проживающих в долине Катманду, — земледельцы.

¹⁹ Отсутствие канализации в прошлом отчасти компенсировалось сбором и использованием фекалий для удобрения полей. Рост населения долины Катманду в последние десятилетия (плотность населения достигает тысячи человек на 1 кв. км) ухудшил санитарное состояние городов, однако сейчас строятся и частично введены в действие канализационная система и водопровод.

²⁰ Этническое и религиозное разнообразие страны отразилось и на непальских праздниках; государственные — демократический день, день конституции и др. — и общенепальские религиозные — индуистские и буддийские. Кроме того, существует много местных культовых праздников. Характер празднования всех их — религиозный, что объясняется как традицией, так и представлением о «священной» власти короля, являющегося воплощением бога Вишну на земле.

²¹ Мачхендранатх Ратх Джатра («Процессия колесницы Мачхендранатха») — один из важнейших праздников долины Катманду, существует уже полторы тысячи лет. В нем ярко выражен культ плодородия рисоводов-неваров: Мачхендранатх — покровитель Долины, дарователь дождя, защитник урожая. Кульминационный момент праздника — перевозка изображения Мачхендранатха из основного (древнейшего) храма (Бунгамати) в Патан. В этом культе отразилось типичное для Непала органичное слияние на местной основе элементов буддизма и индуизма.

²² Официально отмененная в 1963 г., но сохранившая свое влияние кастовая система в Непале схожа с индийской, хотя менее развита и сложна. Она базируется на разделении общества на замкнутые эндогамные группы, выполняющие определенные социальные функции и образующие иерархическую систему. Высшие касты — брахманские, военно-феодалные; средние — крестьянские (полноправных общинников); низшие — ремесленников и безземельных крестьян. В самом низу социальной лестницы находятся «неприкасаемые» — сословно приниженные батраки, мусорщики и т. д. Теоретически все стоящие вне индуизма и кастовой системы считаются «внекастовыми» и приравниваются к «неприкасаемым» (в том числе европейцы).

²³ Тантризм — направление в буддизме и индуизме, сложив-

шея в начале нашей эры. Эзотерическое учение, широко использующее методы йоги и опирающееся на идею о половой (особенно женской, так называемой «шакти») энергии мирового начала.

²⁴ Пуджа — индуистский обряд, жертвоприношение.

²⁵ С мнением автора трудно согласиться. Хотя южноиндийские брахманы и служили издавна в непальских индуистских храмах, оказывая определенное культурное влияние, на самом деле основа непальских танцев местная.

²⁶ Бодхнатх — ступа и монастырь в долине Катманду, основанные не ранее III в. до н.э. и приобретшие облик, близкий к современному, в IX в. н.э. Одно из крупнейших буддийских святилищ в Непале, место традиционного паломничества тибетских буддистов.

²⁷ Пашупатинатх — комплекс индуистских храмов, сложившийся к XIII в., одно из основных святилищ и мест паломничества индуистов Непала и Индии. Вход на территорию закрыт для иностранцев, то есть европейцев.

²⁸ Священный бык Нанди — спутник, символ и «средство передвижения» Шивы, одного из трех важнейших божеств индуизма. Изображение Нанди всегда стоит перед входом в шиваитский храм.

²⁹ Ашока — правитель Магадхской империи из династии Маурьев, объединивший в середине III в. до н.э. большую часть Северной Индии; покровительствовал буддизму. В долине Катманду действительно сохранилось несколько архаичных ступ, по преданию построенных Ашокой (это не противоречит данным исторической науки, но не доказывает факта политического подчинения Непала; существуют, впрочем, различные точки зрения).

³⁰ Чини-лама — титул настоятеля монастыря Бодхнатх, посещаемого в основном тибетцами-ламаистами. Чини-лама — непалец из касты губхаджу, буддийских священников-неваров.

³¹ Рипоче — «сияющая драгоценность (веры)» (тибетск.) — титул одного из десяти ламыизма, Цзонхавы (1357—1419 гг.); сейчас так называют настоятелей ламаистских монастырей.

³² Хадак — ритуальный «шарф», употребляемый в религиозных церемониях для подношения божеству; также знак почтения, дружбы, благопожелания.

³³ Торма — сделанная из теста и масла коническая фигурка; жертвуется верующими в ламаистские храмы.

³⁴ Цзамба — национальное блюдо тибетцев: слегка обжаренная ячменная мука грубого помола, готовая к употреблению. Однако предпочтительнее смешивать ее с чаем.

³⁵ Канон — свод религиозной буддийской литературы ламаистской церкви; сложился в XIV—XV вв. и состоит из двух разделов: Канджур — своеобразное «священное писание» (108 томов) и Танджур — комментарии к Канджур (225 томов). Всего в канон включено около 4500 произведений.

³⁶ Жители высокогорных районов Гималаев предпочитают плиточный чай с добавлением масла и соли.

³⁷ «Корпус мира» — американская «благотворительная» организация волонтеров, официальной целью которой являлась помощь развивающимся странам; скомпрометировала себя связями с ЦРУ.

³⁸ Чанг — густое рисовое или ячменное пиво (точнее, слабая брага).

³⁹ Анчоледи — высший чиновник в «области» Непала, разделенного на 14 таких «областей» («анчол»).

⁴⁰ Традиционное тибетское приветствие состоит в том, что тибетец правой рукой снимает с головы шляпу, полуприседая, кланяется и высовывает до предела язык. Желательно к тому же правой рукой оттянуть правую щеку, а левой почесывать затылок. Высунутый язык доказывает отсутствие намерения отравить собеседника: в противном случае он был бы черным...

⁴¹ Бонпо — архаическая буддийская система верований Тибета (и шире — Гималайского региона) с сильными элементами шаманизма. В VII—IX вв. бонпо упорно боролась с буддизмом, но с X в. стала отходить на второй план; заимствовала многие черты буддизма: структуру, монастырскую организацию, канон; но и значительно повлияла на оформление ламаизма, в частности в сфере пантеона и обрядности. Многочисленные элементы бонпо сохранились как в ламаизме (особенно в секте ньингмапа), так и в виде самостоятельных культов.

⁴² Хукка — своеобразная, чаще всего деревянная трубка.

⁴³ В 1924 г. правительство Непала объявило об освобождении за государственный выкуп 52 тысяч имеющихся в стране рабов. 15 719 рабовладельцам планировалось выплатить 500 тысяч фунтов стерлингов, однако около 1 300 рабовладельцев освободили 4 651 раба без выкупа; таким образом, этот шаг обошелся правительству в 275 тысяч фунтов стерлингов. При этом на семь лет сохранялась зависимость рабов от своих бывших владельцев.

⁴⁴ Дордже (тибетск.), или ваджра (санскр.) — «алмазная молния»: символ и оружие ряда божеств буддизма и индуизма. Используется в ламаистском ритуале наряду с колокольчиком (гханта): они символизируют мужское и женское тантрические начала.

⁴⁵ Гелукпа (гелугпа) — основная секта ламаизма, основанная учениками Цзонхавы в XV в. в процессе реформы секты кадампа. Одна из самых ортодоксальных ламаистских сект; наиболее влиятельна в Центральном Тибете. В европейской литературе иногда называется «желтошапочной». Глава секты — далай-лама — стал духовным, а с XVII в. и светским главой Тибета.

⁴⁶ Чуба — теплый просторный халат — повседневная одежда тибетцев.

⁴⁷ Восточнотибетские племена кхампа и амдова из областей Кхам и Амдо продолжали вооруженную борьбу и после подавления восстания 1959 г.

⁴⁸ Панчяат — орган самоуправления в Непале на разных ступенях: от деревенского совета до «парламента» — Национального панчяата.

⁴⁹ Ксилографический способ печатания при помощи деревянных досок с вырезанным текстом известен в этом районе с VII—IX вв., а наиболее ранние, дошедшие до нас тибетские ксилографированные тексты датируются XII в.; широко используется до настоящего времени, особенно для печатания буддийских текстов.

⁵⁰ Харли-стрит — улица в Лондоне, где проживает много частнопрактикующих врачей.

⁵¹ Сакьяпа, ньингмапа, гелукпа — наиболее влиятельные секты ламаизма. Сакьяпа была основана в XI в. и получила название по монастырю Сакья в Западном Тибете; в XIII—XIV вв. была ведущей сектой ламаизма. Ньингмапа — одна из древнейших сект,

основана в VIII в. Падмасамбхавой; наиболее архаична, испытала значительное влияние бонпо и насыщена тантрическими элементами, в европейской литературе иногда называется «красношапочной». Гелукпа — см. примеч. 45.

⁵² Ч ар п а и — кровать на низких ножках с веревочной сеткой.

⁵³ Х а н у м а н — обожествленный в индуизме царь обезьян, союзник Рамы (героя древнеиндийского эпоса «Рамаяна», считающегося воплощением Вишну) в его борьбе с демоном Раваной, похитителем супруги Рамы — Ситы.

⁵⁴ С и н х а Д а р б а р — «Львиный дворец», дворцовый комплекс в Катманду, построен в 1905 г. по типу Версаля; в нем располагались правительственные учреждения. Недавно сгорел.

⁵⁵ Д а с а и н (Д а ш е р а) — пышный индуистский праздник. Начинается в октябре и длится более недели; кульминацией его является церемония в честь победы богини Дурги (супруги Шивы) над демоном Махисей — Дурга Пуджа. Дурга (она же Кали, Махакали, Бхайрави, то есть Черноликая, Свирепая, Неумолимая) — богиня-воительница, защищающая (если ее умиловить) от злых духов и демонов.

⁵⁶ К о т — внутренний двор, в данном случае — комплекс зданий в средневековом дворце в Катманду, место проведения важнейших церемоний.

⁵⁷ Т и к а — знак на лбу, ставится индуистами во время церемоний; также признак касты, обычно — высокой.

⁵⁸ Б о г с о с л о н о в о й г о л о в о й — Г а н е ш, божество индуизма: сын Шивы, распоряжающийся его свитой демонов; таким образом, от него зависят удача и благополучие.

⁵⁹ С а д х у — индуистский отшельник, «святой», чаще всего шиваитский странствующий аскет. Здесь — брахман.

⁶⁰ М о м о — тибетское национальное блюдо: небольшие пирожки с мясной начинкой, в которую добавляют зелень.

⁶¹ Ч о р т е н — вид ступы: башенка с заостренной крышей, хранилище буддийских реликвий.

⁶² Д з о — гибрид яка и коровы.

⁶³ Г о м п а — ламаистская часовня; может входить в монастырский комплекс или стоять отдельно.

⁶⁴ Т а н к а — своеобразная буддийская икона, рисунок (обычно на ткани или бумаге) на тему буддийской мифологии.

*Перевод упоминаемых в книге
англо-американских мер в метрические*

Меры длины

1 ярд = 91,44 см
1 миля (сухопутная) = 1609 м
1 акр = 4047 кв. м
1 фут = 304,8 мм
1 дюйм = 25,4 мм

Меры жидких тел

1 галлон = 4,54 куб. дм (л)
1 пинта = 0,57 куб. дм (л)

Меры веса

1 фунт = 453,6 г

К середине XX века Непал — небольшое королевство в Гималаях — оставался едва ли не самым загадочным и экзотическим местом на земле. Высочайшие в мире вершины и затерявшиеся в горных долинах храмы и монастыри, удивительное разнообразие животного и растительного мира и архаичные социальные отношения, уникальные пагоды долины Катманду и необычайная этническая пестрота привлекали в Непал исследователей, альпинистов и туристов.

Однако доступ для иностранцев в это формально независимое индуистское королевство был практически закрыт. В горных районах — сердце страны — до 1951 года побывало лишь несколько европейцев: в основном чиновники британской резиденции в Катманду. Причина такой «самоизоляции» кроется в истории этой расположенной в глубине Азиатского континента страны.

До XVIII века на территории непальских Гималаев существовало более 50 мелких княжеств, различавшихся по этническому и религиозному составу населения, уровню культуры и общественного развития. Назревавший процесс централизации страны возглавили правители княжества Горкха из династии Шаха. Талантливому государственному деятелю и полководцу Притхви Нараян Шаху удалось в конце XVIII века объединить под своей властью значительные территории — от Сиккима до Гархвала. Однако процесс объединения и централизации страны был прерван противодействием английской Ост-Индской компании, которая развязала в 1814 году войну с Непалом, рассчитывая легко захватить небольшое и слабое государство.

Совершенно неожиданно для колониальных чиновников Компании воины непальской армии оказали упорное сопротивление многочисленным и вооруженным до зубов захватчикам. Несмотря на пятикратное превосходство в силах и несравненно лучшее вооружение (против скорострельных орудий англичан непальцы использовали деревянные и кожаные пушки, закидывали врага осинными роями, бросались врукопашную со знаменитыми кукри), полной победы в двухлетней войне англичанам добиться не удалось. Главнокомандующий английскими войсками генерал Октерлони писал руководству Компании, что его войска уступают гуркхам в боевых качествах и не смогут нанести поражение непальцам в их родных горах.

Непалу удалось в тяжелой борьбе отстаить свою независимость, однако навязанный ему в 1816 году Сегаулийский договор ограничил суверенитет страны, а значительные территории в таях были аннексированы англичанами.

Наученные горьким опытом, власти Ост-Индской компании сделали в борьбе с упорным соседом ставку на заговоры и интриги при королевском дворе. Не сразу, но этот метод принес свои плоды. После кровавого переворота 1846 года к власти пришел феодальный

род Рана, глава которого — Джанг Бахадур Кунвар Рана — подавил сопротивление других знатных родов, стал наследственным премьер-министром и фактически превратил короля Непала в пленника.

Правители из рода Рана создали прочный военно-административный аппарат, но, чтобы удержаться у власти, им нужен был сильный союзник. И Джанг Бахадур пошел на предательство интересов непальского народа, помогая англичанам подавить Великое народное восстание в Индии в 1857—1859 годах.

Это принесло Рана немедленные выгоды: им были переданы англичанами значительные районы отторгнутых ранее тераев. Еще важнее оказалась негласная договоренность о вербовке непальцев в англо-индийскую колониальную армию, что ослабило социальную напряженность в стране, страдающей от аграрного перенаселения, и облегчило процесс феодализации, усиления феодальной эксплуатации крестьянства. Ценой же была кровь, пролитая сотнями тысяч непальских крестьян в колониальных войнах Англии, в мировых войнах XX века.

К началу XX века правители Рана окончательно превратились в марионеток англичан, торгуя не только «живым товаром», но и распродавая за бесценок сельскохозяйственные ресурсы страны и способствуя стагнации непальского общества. К этому времени политика «самоизоляции» из антианглийской меры, какой она была в первой половине XIX века, превратилась в барьер на пути антифеодальных и антиколониальных идей, влияния индийского национально-освободительного движения, барьер, поддерживаемый сознательными усилиями Рана и колониальных властей Британской Индии.

Перемены в мире после победы над фашизмом, особенно освобождение народов Индии и Китая от колониального гнета, позволили национально-освободительному движению непальского народа, возглавляемому партией Непальский конгресс, к которой примкнул король Трибхуван, при поддержке правительства Республики Индии добиться отмены режима наследственного правления рода Рана.

Временная конституция 1951 года провозгласила Непал конституционной монархией. Страна была «открыта» для внешнего мира.

Вслед за этим в Непал буквально хлынули «эксперты», советники, ученые, туристы. Привлекаемые в первую очередь архаикой и экзотикой, они обращали внимание почти исключительно на колоритные детали быта, на красочные церемонии и удивительные обычаи, снисходительно любуясь красотой страны и не замечая жизни простого непальца, возмущаясь некоторыми «дикими», на их взгляд, суевериями и не желая задуматься над их истоками. Хиппи видели в Непале «землю обетованную» — дешевый гашиш и мягкий климат; богатые американские туристы — возможность на два-три дня «окунуться в прошлое человечества», и даже многие этнографы рассматривали страну лишь как некоего живого ископаемого динозавра. Появилось множество книг — результаты недельных прогулок по долине Катманду: набор банальностей, сопровождаемых красочными фотографиями.

Именно в этом контексте надо воспринимать книгу Д. Мэрфи — опытной путешественницы, изучающей страну не из окна лимузина, следующего по маршруту «аэропорт — отель — храм — отель — аэропорт», а пешком и на велосипеде побывавшей и за пределами Долины, в местах, где иногда вообще не видели иностранцев. Она не

боится бытовых трудностей — непреодолимого препятствия для подавляющего большинства туристов и многих исследователей.

Впрочем, Д. Мэрфи — не праздный турист. Работая медицинским экспертом ВОЗ — Всемирной организации здравоохранения ООН, — она побывала во многих развивающихся странах: Алжире и Эфиопии, Индии и Непале. Ее влекли туда не только неутолимая любознательность, но и стремление своими руками помочь народам этих стран преодолеть социальную и экономическую отсталость — наследие колониального прошлого. Побывав во многих уголках нашей планеты, Мэрфи ярко и образно описывает обычаи и храмы, праздники и повседневную жизнь их обитателей.

Главное в том, что Д. Мэрфи с уважением относится к самим непальцам, видит за красотой храмов живой творческий дух непальского народа. Ее возмущают бюрократические препоны и недостаточность усилий по улучшению медицинского обслуживания населения и борьбе с неграмотностью, поверхностность суждений и прогнозов европейских и американских «экспертов по развитию», снобистское отношение к стране западных «помощников».

Нельзя не сказать, однако, что и самой Мэрфи не всегда удается избежать крайностей. Так, симпатия к культурным традициям Непала и Тибета оборачивается у нее порой идеализацией буддизма и буддийских священнослужителей, преувеличением веротерпимости ламаистов, а возмущение тяжелыми условиями жизни — гиперболизацией отсталости Непала, грязи и антисанитарии, некомпетентности местных кадров. Явное сочувствие тяжелым условиям жизни простых непальцев иногда оборачивается осуждением их за апатию, преувеличением многих черт непальского характера. Так, явно неправомерно ее категоричное высказывание о якобы свойственных непальцам безалаберности, особом любопытстве, частой супружеской неверности.

Здесь, пожалуй, Д. Мэрфи не до конца преодолела тот европоцентризм, за который не раз — и справедливо! — осуждает сама европейский сноб. Местами не смогла отрешиться она и от обывательского подхода. Некоторый натурализм ее повествования — например, рассказ о курящих детях — и упрощенность отдельных оценок (вспомним «коварного» Бхим Сен Тхапу) — диссонируют с общим стилем и подходом к проблеме.

Впрочем, эти недостатки работы помогут советскому читателю представить господствующий в западной литературе высокомерный тон, любовь к натуралистическим подробностям и к преувеличению трудностей жизни в Непале. Сама Мэрфи эти досадные фальшивые нотки с лихвой искупает искренним, а не показным уважением к непальцам и сочувствием, с которым она относится к бедам страны.

Нельзя не отметить и еще один лейтмотив книги: сочувствие к судьбе тибетских беженцев.

Своеобразное «решение» национального вопроса в Тибете китайскими властями в 1950—1960 годах привело к массовому бегству тибетцев из страны, — не только феодальной и церковной верхушки (бежали, правда, далеко не все: второй по рангу иерарх ламаистской церкви — панчен-лама — согласился стать главой «переходного правительтва» Тибета, получив от китайского руководства в подарок новый дворец и дорогой автомобиль).

Преследование тибетского языка, культуры, массовые переселения китайцев в Тибет, тяготы содержания огромной китайской ар-

мии, тяжелые натуральные поборы вынудили покинуть страну десятки тысяч (а по некоторым данным, и сотни тысяч) простых крестьян, земледельцев и скотоводов. Трагизм положения этих людей, оказавшихся вне родины, глубоко сознает Мэрфи, хотя и не пытается анализировать причины возникшей ситуации. Сочувствуя бездомным людям, она — на опыте своей работы в лагерях беженцев — поняла важность и сложность проблемы их адаптации к непривычным условиям. Мэрфи видит бесперспективность оказания лишь материальной помощи тибетцам и приходит к «крамольной» для западного читателя мысли: главное в решении проблемы беженцев — создание условий для их возвращения в Тибет, то есть, в конце концов, изменение антисоциалистической национальной политики китайского руководства.

Со времени пребывания Мэрфи в Непале прошло более 15 лет. За это время в стране многое изменилось. Постепенно осуществляется аграрная реформа, ликвидированы наиболее тяжелые формы феодальной эксплуатации, изживается натуральный характер крестьянского хозяйства. Развиваются внешнеполитические связи королевства — члена ООН, стоящего на позиции неприсоединения, — со многими странами мира, в том числе и с СССР, дипломатические отношения с которым установлены еще в 1956 году.

Внешняя экономическая помощь и усилия непальского народа помогли преодолеть многие из описанных автором трудностей. Строятся (в том числе с помощью СССР) промышленные предприятия, резко расширилась сеть шоссейных дорог, благоустраиваются непальские города и селения. И все же на пути Непала еще много трудностей, и главная помеха его развитию — феодальные пережитки во всех сферах общественной жизни.

Искренность и самоотверженность автора, который смог увидеть не только непальские Гималаи (очень красочно и живо описанные), но и непальский народ, делает эту книгу, издающуюся с незначительными сокращениями, интересной для советского читателя.

Б. А. Иванов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	3
Глава 1. Дорога в Раксаул	9
Глава 2. Катманду	18
Глава 3. В Покхару	39
Глава 4. У подножия Мачхапучхре	51
Глава 5. Тибетцы в пути	76
Глава 6. «Изгнание духов»	95
Глава 7. Пестрые картинки	111
Глава 8. Вор и богиня	119
Глава 9. Очищение духа	137
Глава 10. Пешком в Лангтанг	145
Эпилог	186
Примечания	190
Б. А. Иванов. Послесловие	196

Дерела Мэрфи

ДЕВСТВЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Утверждено к печати редколлегией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор Э. О. Секар. Младший редактор М. И. Новицкая. Художник Л. С. Эрман. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор В. П. Стуковнина. Корректор Г. А. Дейгина

ИБ № 14515

Сдано в набор 16.10.81. Подписано к печати 04.03.82. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 11,13. Уч.-изд. л. 11,02. Тираж 30 000 экз. Изд. № 4406. Зак. № 543. Цена 1 р. 10 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

1 р. 10 к.